

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА
Научный журнал

Т. 5, № 3
2018

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 5, № 3
2018

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
пространства
Научный журнал

Т. 5, № 3
2018

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 5, № 3
2018

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• *Леонид Александрович Карабешкин*, к.п.н., Евро-академия, Таллин, Эстония

• *Геннадий Владимирович Косов*, д.п.н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

• *Евгений Петрович Бажанов*, д.и.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• *Андрей Геннадьевич Костяной*, д.ф.-м.н., Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Москва, Россия

• *Анджеи Вержбицки*, д.п.н., Варшавский университет, Варшава, Польша

• *Елена Михайловна Кузьмина*, к.п.н., заведующая сектором центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия

• *Светлана Михайловна Гаврилова*, к.и.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• *Виктор Александрович Глебов*, к.ю.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

• *Рустам Мамедов*, д.ю.н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

• *Майкл Глянц*, Университет Колорадо, США

• *Олег Евгеньевич Гришин*, к.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

• *Алексей Михайлович Мастепанов*, д.э.н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия

• *Владимир Николаевич Давыдов*, к.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

• *Николай Павлович Медведев*, д.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

• *Лукаш Донай*, д.п.н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша

• *Марк Афроимович Неймарк*, д.и.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• *Игорь Сергеевич Зонн*, д.геогр.н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации, водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия

• *Ольга Алексеевна Нестерчук*, д.п.н., Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

• *Андрей Вячеславович Ишин*, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

• *Юлий Анатольевич Нисневич*, д.п.н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

- **Владимир Николаевич Панин**, д.п.н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархомчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д.э.н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Андрей Иванович Суздальцев**, к.и.н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д.э.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д.ф.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к.и.н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Нарцисс Шукуралиева**, д.п.н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Владимир Владимирович Штоль**, д.п.н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 18 мая 2015 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61749 от 18 мая 2015 г. — печатное издание)

ISSN

2313-8920 (Print)
2587-8174 (Online)

Периодичность:

4 раза в год

Учредитель:

Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»

Типография:

Типография «Буки Веди», Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58

Тираж:

500 экземпляров

Сайт:

<http://www.postsovietarea.ru>

E-mail:

postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru

Подписано в печать:

14.08.2018

© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

CHIEF EDITOR

- **Sergey S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Davidov**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland
- **Svetlana M. Gavrilova**, PhD in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA
- **Victor A. Glebov**, PhD in Law, RUDN University, Moscow, Russia
- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrej V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.
- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia
- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Andrej G. Kostyanoy**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia
- **Georgi S. Kovalev**, PhD in Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan
- **Nikolai P. Medvedev**, RUDN University, Moscow, Russia
- **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, Russian State Social University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland

- **Vladimir V. Stoll**, Prof., PhD in Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Andrej I. Suzdaltsev**, PhD in History, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology “Soyuzvodproekt”, Moscow, Russia

ISSN: 2313-8920 (Print)
2587-8174 (Online)

Publication Frequency: Quarterly

Founder: Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis “The Centre of regional research”

Printing house: “Buki Vedi”, Moscow, Partyinyi lane, 1, bld. 58

Number of Copies: 500

Web-site: <http://www.postsovietarea.ru>

E-mail: postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru

Signed for printing: 14.08.2018

© “Post-Soviet Issues”. All materials are distributed under CC BY 4.0

Содержание

Редакционная коллегия	212
-----------------------------	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Водная безопасность в условиях меняющегося климата.....	218
---	-----

Майкл Х. Глянц

Российско-китайские отношения: политико-экономический аспект	224
--	-----

Олег Е. Гришин, Анастасия В. Трофимова

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Добыча сланцевого газа в странах постсоветского пространства: первые результаты и проблемы	236
--	-----

Сергей С. Жильцов, Игорь С. Зонн

Модернизация экономики прикаспийских государств (на примере Казахстана)	251
---	-----

Елена М. Кузьмина

Обеспечение продовольственной безопасности Казахстана путем интегрированного управления водными ресурсами	268
---	-----

Михаил Н. Сенников, Галия Е. Омарова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Политика Турции на Южном Кавказе	284
--	-----

Мээрим С. Суванова

Водно-энергетические проблемы в Центральной Азии на современном этапе	298
---	-----

Ксения С. Захарова

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

История становления украинского государства (до распада СССР)	309
---	-----

Сергей С. Жильцов

Contents

Editorial board 212

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

Water Security in a Changing Climate 218

Michael H. Glantz

Russian-Chinese Relations: Political and Economic Aspect 224

Oleg E. Grishin, Anastasia V. Trofimova

ECONOMIC RELATIONS

**Shale Gas Production in the Post-Soviet Countries:
First Results and Problems** 236

Sergey S. Zhiltsov, Igor S. Zonn

**Modernization of the Caspian States economy
(Kazakhstan as an example)** 251

Elena M. Kuzmina

**Ensuring Food Security of Kazakhstan
by the Integrated Water Resources Management** 268

Mihail N. Sennikov, Galiya E. Omarova

POLITICS

Turkish policy in the South Caucasus 284

Meerim S. Suvanova

Modern hydro-energy problems in Central Asia 298

Kseniia S. Zakharova

HISTORY AND RELIGION

History of the Ukrainian State Formation (Prior to the USSR Breakup) 309

Sergey S. Zhiltsov

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Водная безопасность в условиях изменяющегося климата

Майкл Х. Глянц

Университет Колорадо, Боулдер, США

glantz@ucar.edu

Аннотация: Понятие «водный мир, который мы хотим» связано с кампанией ООН «Мир который мы хотим». Оно открыто к субъективному толкованию, так как люди имеют различное понимание желаемого будущего. Каждый человек или организация вероятно определяет свой собственный набор ключевых озабоченностей: пища, чистая (незагрязненная) вода, устойчивая сельскохозяйственная продуктивность, устойчивое использование земельных и морских ресурсов, здоровая жизнь и безопасные средства к существованию. Но какими бы утопическими не были идеи, их невозможно реализовать без адекватного устойчивого водоснабжения.

В 2009 году тогдашний Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун заметил: «Хорошо известно, что вода это жизнь (имеется ввиду доклад ЮНЕСКО 2009 года «Вода в изменяющемся мире»). Этот доклад показывает, что вода также означает средство к существованию. Это путь от бедности отдельных лиц и общественности.

Управление водными ресурсами необходимо, если мир стремится к устойчивому развитию. Этот вызов даже более неотложен, так как мир сталкивается с тремя угрозами – изменение климата, рост цен на продовольствие и энергию, глобальный экономический кризис. Все три угрозы обостряют бедность, неравенство и низкие темпы развития.

Становится очевидной возрастающая озабоченность в связи с изменениями климата и состоянием водных ресурсов. Страны мира все больше осознают, что воздействия экстремальных гидрометеорологических явлений, которые могут произойти, скажем, в 2050-х годах, начинают проявляться на несколько десятилетий ранее. Кроме того, высока вероятность увеличения частоты, интенсивности и опасности таких экстремальных событий, связанных с климатическими изменениями.

Ключевые слова: Водные ресурсы, безопасность, климат, современный мир, продовольствие

Для цитирования: Глянц М. Г. Водная безопасность в условиях изменяющегося климата. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(3):218–223. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-218-223>

Water Security in a Changing Climate

Michael H. Glantz

University of Colorado at Boulder, USA

glantz@ucar.edu

Abstract: The notion of «the water world we want» is a spin-off of the United Nations campaign *The World We Want*. It is open to subjective interpretation, as people have different perceptions of a desired future. Each person or organization is likely to identify their own set of key concerns: food, clean (uncontaminated) water, sustained agricultural productivity, sustainable use of land and ocean resources, healthy lives and secure livelihoods. But whatever utopian world view one creates, it cannot be achieved without adequate sustained water supplies.

In 2009, the then United Nations Secretary-General Ban Ki-Moon noted: It is well known that water is life; what this Report shows is that water also means livelihoods. It is the route out of poverty for individuals and communities. Managing water is essential if the world is to achieve sustainable development.

This challenge is even more pressing as the world confronts the triple threats of climate change, rising food and energy costs, and the global economic crisis. All three are exacerbating poverty, inequality and underdevelopment.

It is apparent that climate, water and weather-related concerns are mounting. Societies are becoming increasingly aware that impacts of extreme hydrometeorological events expected to occur in, say, the 2050s are starting to appear decades earlier. These extreme events — related to climate change — are likely to increase in frequency, intensity and severity.

Keywords: Water resources, Security, Modern World, Climate, food

For citation: Glantz M. H. Water Security in a Changing Climate. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(3):218–223. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-218-223>

THE WORLD WE HAVE

Many people believe that clean water is in endless supply. After all, the global ocean makes up 71% of the Earth's surface and contains the largest share of the planet's water supply. The expectation is that scientists will one day devise ways to make the ocean's salt-water potable. However, freshwater is, and will remain in the next few decades, a critical resource worldwide.

Over 1 billion people still lack access to safe water supplies, while 2.6 billion people lack adequate sanitation. Lack of sanitation leads to widespread microbial contamination of drinking water [1].

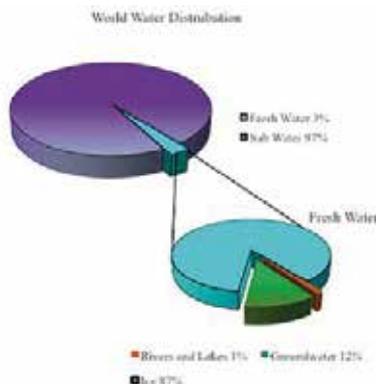

Fig.1 Summary of the planet's supply of water availability and use (published in 2010) [2]

Water metrics: The world's 6.7 billion people consume about 4 500 km³ (4.5 teralitres) of freshwater annually. Approximately 10% is for domestic use, 70% is for food production and 20% is for industrial purposes. Freshwater precipitation makes up 2.5% of the available resource and much of that falls in remote areas, leaving only 10% of the total continental precipitation input as easily available for human use (about 9 000–12 000 km³).

GETTING TO THE WORLD WE WANT: «CONNECTING THE DOTS»

«The water world we want» is a motivational notion to stimulate thinking and action to reduce water insecurity, with the well-being of future generations in mind. It is therefore a social invention that can be defined as an idea or a slogan that motivates large numbers of people to take action. Successful social inventions can have as great an effect on humanity as new scientific or engineering breakthroughs.

Thinking about water in a world we want generates an image of a child's game called *Connect the Dots*. The picture that appears after connecting the numbered dots is often surprising. This may be a way of raising awareness of the interdependencies among climate, water, food, health and energy activities. The diagram below provides an overview of connecting the dots. It is one perspective of a multifaceted process to move towards the world we want that has water for all.

THE WORLD WE WANT

There are many reports about «water affairs» that span different disciplines. Some of these are on the growing scarcity of water, competing demands for and access to water, water conflicts and hot spots, water pollution, human health and so forth. New water-related issues and conflicts are occurring around the globe daily.

Demands for access to water, which is essential for meeting basic human needs — drinking, cooking and hygiene — can create conflict among stakeholders with various needs, wants and demands:

Fig.2

- for development-related socioeconomic activities (e.g. factories versus food production);
- for irrigation of commercial crops or biofuels crops as opposed to meeting the public need for food and water security;
- for the protection of wetlands and other ecosystems versus commercial exploitation; and
- for growing food locally versus for export (e.g. exporting «virtual water»).

It is difficult for those in water-fortunate situations to relate directly to people who spend hours every day searching for water. Water quantity cannot be viewed by itself, because its availability and societal access, as well as increasing demands, are highly variable in both time and place. Gaps that exist between «water haves» and «water have-nots» must be addressed.

Throughout history, societies have found reasons and devised means to move water from places of excess to places in need. These methods include using viaducts, surface and underground irrigation schemes, river diversions, rainfall harvesting techniques, water impoundment in dams, reservoirs, and artificial ponds and lakes.

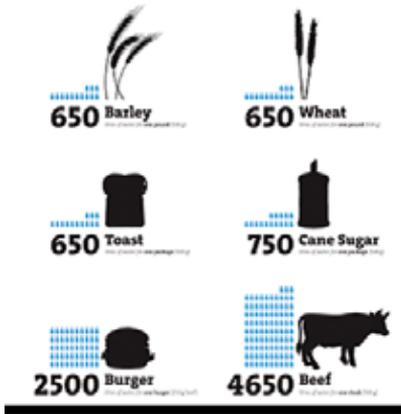

Fig. 3 One drop is equivalent to 50 litres of virtual water. All values are based on calculations depending on the product's origin and production process [3]

THE HEALTH, FOOD OR ENERGY WE WANT

Water is crucial for human and ecosystem well-being, agriculture, energy and public health. No one can deny that water is vital to life and is increasingly difficult to access, especially for poor people and communities that survive at margins of society with few resources and no political influence. However, it is extremely important to note that water crises are appearing in industrialized and emerging societies with regard to water quality for human consumption (e.g. Flint, Michigan, USA) and with regard to water quantity (e.g. Cape Town, South Africa).

Without clean water, communities cannot practice healthy hygiene, wash or prepare foods, nor help people to replenish fluids. Approximately 842 000 people die each year from diarrhoeal disease associated with drinking unsafe water – almost half are children under the age of five [3].

The figure below defines the water footprint needed to produce a specific amount of grain crops and meat items. Food supply is dependent on the timely availability of water in adequate amounts, and varies among crops. Some

(e.g. rice) thrive only with an abundance of water. Others (e.g. sorghum) fare well under dry conditions. Still others need both conditions to occur at various phases of their growth cycle. With a warmer global climate, the uncertainties that have surrounded agricultural activities in the past are likely to increase.

WE CANNOT HAVE THE WATER WE WANT, WITHOUT THE CLIMATE WE WANT

What might be considered a great climate for one region may not suit the needs of another region. Even within a region, there are different climate conditions that are favoured, depending on climate-dependent livelihood activities.

The impacts of climate change are not just about record-setting climate, water or weather extremes. There are always high-impact events that affect societies, especially highly vulnerable, at-risk populations. As global to local climate temperatures increase, researchers anticipate an increase in the frequency, intensity and severity of hydrometeorological extremes.

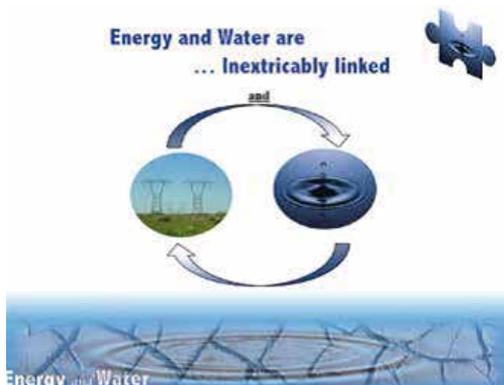

Fig.4 Energy and water systems are interconnected [4].

To summarize, without the climate we want, we cannot have the water we need to produce the food we need for the well-being of people in the future.

**WE CANNOT HAVE THE CLIMATE WE WANT,
WITHOUT THE CLIMATE POLICIES WE NEED**

International negotiations have taken place since the late 1980s on climate change science, impacts and policy, right up to the third session of the Conference of Parties (COP) of the United Nations Framework Convention on Climate Change in Kyoto, Japan. Since the signing of the Kyoto Protocol in 1997, governments around the world have increasingly taken a serious interest in the causes and possible impacts of global warming on their countries' economies and policies, and the well-being of their populations and ecosystems.

Deliberations have heightened since then, taking on increased urgency nearly every year until the Paris Agreement was adopted at the twenty-first session of the COP in 2016. This Agreement is proof that a large majority of nations are serious about finding a pathway to prepare for this century's uncertain variable and changing climate, water and weather future. Succinctly capturing this hopeful, if not optimistic view noted «The Paris Agreement is the most inclusive global agreement on climate change to date... Paris... set a global goal to which every country has agreed to contribute. While it does not bind any one country to any one solution, it focuses all players on the same challenge» [5].

**WITHOUT THE CLIMATE POLICIES WE NEED,
WE ARE BACK TO THE WORLD WE HAD**

By signing the Paris Agreement, countries have agreed that global warming is a threat to well-being and there is a need to prepare for a new climate normal. This normal will continue to increase from decade to decade in the absence of effective limits on greenhouse gas emissions. Many governments are beginning to assess approaches to adjust activities of civil society to a new climate normal. But what about the water? Are countries preparing for a new water normal?

It seems that most environmental problems in which humans are involved are taking place imperceptibly because they are low grade, incremental and cumulative over the long term. Seemingly insignificant problems from one year to the next become environmental crises in several years or decades. These problems include, but are not limited to, tropical deforestation, soil erosion, ozone depletion, greenhouse gas emissions, air pollution and water pollution.

Many water and water-related problems are due to creeping environmental changes. They appear most often at the subnational to regional levels. Societies have difficulties recognizing and coping with slow-onset, incremental, imperceptible but cumulative changes in the environment, so there is a tendency to deal with it later.

Water quality is an example of a creeping environmental problem. Today's water quality in a given location is not much different from yesterday's, and tomorrow's is likely to be not much different from today's. This thinking is replicated daily, so there appears to be no need to take action. However, after a few years, the degradation of water quality will have become noticeable, significant, harmful and possibly at a costlier crisis stage. It would likely have been easier and cheaper to resolve the water quality contamination earlier.

Water demand is also a creeping change, because of societal factors such as population increase, expansion of water-intensive indus-

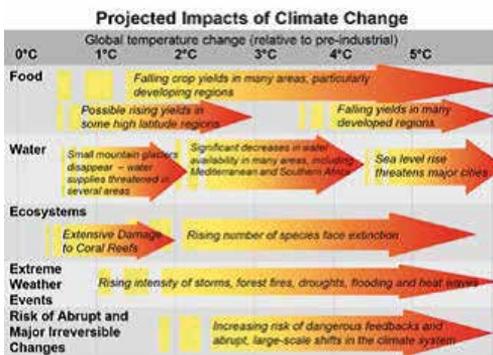

Fig. 5

trial processes, increasing affluence, migration and the likely increase in variability in extreme hydrometeorological events as the global climate varies and changes. Related extremes — droughts, floods, flash floods, tropical cyclones and others — will not only appear in the currently identified vulnerable regions, but will also occur in unsuspected new regions.

While countries on opposite sides of the planet may be struggling with similar water issues, they are generally most concerned about resolving their own crises. Perhaps a social invention could be devised that would bring together spatially disparate groups with varied interests to work together to resolve the planet's range of water crises and to work towards the water world we want.

CONCLUSIONS

The issues outlined above are being addressed globally, and many ideas have been

proposed on how to prepare for the foreseeable scarcity of freshwater resources in many countries, as climate change continues unabated [6].

Though good ideas abound, actions are not keeping pace. Actions are usually stimulated by an unexpected or rare climate, water or weather disaster. However, societies do not have to wait for their own hydrometeorological disasters to learn lessons that have been learned by countries already experienced in such disasters.

In the 1970s, the United Nations convened several awareness-raising conferences on the human environment, food, population, water, habitat, desertification, climate and technology. Now may be a good time to re-visit the concerns and action-oriented lessons and recommendations. This article could serve as a moment for reflection about where we have been on water issues, where we are now and where we need to go to have the future «water world we want».

REFERENCES

1. <http://www.who.int/globalchange/ecosystems/water/en/> (Accessed: 15.04.2018)
2. Adapted from «World Water Distribution». 1996. Lincoln: University of Nebraska; <http://snr.unl.edu/data/water/groundwater/realtime/waterdistribution.aspx> [Accessed: 17.04.2018]
3. http://www.who.int/water_sanitation_health/diseasesrisks/gbd_poor_water/en/ [Accessed: 26.03.2018]
4. Hightower M. «Energy Meets Water». ASME Magazine. 2011. July. p. 34-39.
5. Raghav Sh. «5 questions you've wanted to ask about the Paris Agreement». 2017. June 2. https://blog.conservation.org/2017/06/5-questions-youve-wanted-to-ask-about-the-paris-agreement/?gclid=EAlaQobChMlvLy96Y-f22A1VUFt-Ch1SXAB6EAAAYASAAE-gJ61fD_BwE [Accessed: 24.04.2018]
6. <http://www.circleofblue.org/2010/> [Accessed: 17.04.2018].

.....
Статья получена 05.06.2018

Received 05.06.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Майкл Глянц, Университет Колорадо, США; Regent Administrative Center 2055 Regent Drive, Rm. 101 Boulder, CO 80309-0020 glantz@ucar.edu

Michael H. Glantz, University of Colorado Boulder, USA; Regent Administrative Center 2055 Regent Drive, Rm. 101 Boulder, CO 80309-0020 glantz@ucar.edu

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Российско-китайские отношения: политико-экономический аспект

Олег Е. Гришин^а, Анастасия В. Трофимова^б

^аРоссийский университет дружбы народов, Москва, Россия,

helg-g@mail.ru

^бРоссийский государственный социальный университет, Москва, Россия,

nastya.trofi@mail.ru

Аннотация: Международные отношения играют ключевую роль в современной политике. От любых других отношений они отличаются рядом черт: стихийностью, отсутствием единого ядра власти и центра для принятия централизованных решений, охватом всех сфер жизнедеятельности участвующих в процессе участников и возрастающим влиянием субъективных факторов. Масштабы, которые охватывают международные отношения, различаются по «вертикалям» и «горизонталям». В них входят глобальные, региональные и конкретные взаимоотношения, а также групповые и двухсторонние связи.

Китай и Россию связывает многовековая история. Российско-китайские отношения и их динамичное развитие представляет интерес для политологического сообщества. В настоящее время они в сферах торговли и экономики составляют важную материальную основу сотрудничества, способствующего развитию экономики России.

Китай поддерживает и субсидирует проекты, которые обеспечивают его интересы в России. Политическое и экономическое сотрудничество России и Китая развивается активно и задействует все больше ресурсов. Тем важнее становится поддержание добрососедских и результативных отношений.

Российско-китайские отношения затрагивают большое количество сфер жизнедеятельности двух государств: научную, экономическую, военную, культурную и др. В этом свете экономическое сотрудничество выделяется как одно из главных. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество активно анализируется в работах многих исследователей, но единого мнения о наиболее важных векторах сотрудничества и перспективах его развития нет. В этой связи, анализ и структурирование некоторых направлений российско-китайских отношений, внешнеэкономических связей, возможностей для развития отношений России и Китая, а также их перехода на новый уровень становятся насущными.

Китай крупнейший торговый партнер России и инвестор, который заинтересован в продвижении некоторых проектов, реализующихся на территории России. По этой причине вопросы развития успешных и плодотворных отношений стоят на первом месте у руководителей двух держав. Необходимость разнонаправленных торгово-экономических отношений также обуславливается геополитическими и культурно-историческими факторами.

Ключевые слова: Россия, Китай, БРИКС, Европейский союз, международные отношения, российско-китайские отношения

Для цитирования: Гришин О.Е., Трофимова А.В. Российско-китайские отношения: политико-экономический аспект. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(3):224–235. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-224-235>

Russian-Chinese Relations: Political and Economic Aspect

Oleg E. Grishin^a, Anastasia V. Trofimova^b

^a*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia,*

helg-g@mail.ru

^b*Russian State Social University, Moscow, Russia,*

nastya_trofi@mail.ru

Abstract: International relations play a vital role in modern politics. They differ from any other relations by several features: spontaneity, lack of a single core of power and the center for making centralized decisions, coverage of all spheres of life of the participants involved in the process and the increasing influence of subjective factors. The scale that embraces international relations differs in «verticals» and «contours». They include global, regional and specific relationships, as well as group and bilateral relations.

China and Russia are connected by centuries-old history. Russian-Chinese relations and their dynamic development are of interest to the political science community. At present, they form an important material basis for cooperation in the areas of trade and economy, contributing to the development of the Russian economy.

China supports and subsidizes projects that ensure its interests in Russia. Political and economic cooperation between Russia and China is developing actively and is using more and more resources. The more important it becomes to maintain good-neighbor and productive relations.

Russian-Chinese relations affect many spheres of life of the two States: scientific, economic, military, cultural, etc. In this light, economic cooperation stands out as one of the main. Russian-Chinese trade and economic cooperation is actively analyzed in the works of many researchers, but there is no consensus on the most important vectors of cooperation and prospects for its development. In this regard, the analysis and structuring of some areas of Russian-Chinese relations, foreign economic relations, opportunities for the development of relations between Russia and China, as well as their transition to a new level are becoming urgent.

China is the largest trade partner of Russia and an investor who is interested in promoting some projects implemented in Russia. For this reason, the development of successful and fruitful relations is in the first place among the leaders of the two powers. The need for multidirectional trade and economic relations is also conditioned by geopolitical, cultural and historical factors.

Keywords: Russia, China, BRICS, European Union, international relations, Russian-Chinese relations

For citation: Grishin O.E., Trofimova A.V. Russian-Chinese Relations: Political and Economic Aspect. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(3):224–235. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-224-235>

ВВЕДЕНИЕ

История взаимоотношений между Россией и Китаем берет свое начало еще с XIII столетия, однако на официальном уровне два государства стали контактировать только в XVII веке. Их связи всегда были весьма важным фактором развития этих двух крупных держав, а то, в каком состоянии были отношения между двумя странами, оказывало влияние на весь Азиатско-Тихоокеанский регион, а зачастую и на весь мир.

Востребованность исследования становления, трансформации и развития российско-китайских связей в контексте внешнеэкономических связей и проектов обусловлено растущим в России влиянием Китая (КНР, Китайская народная республика) за последние четыре года, охлаждением отношений России и Запада после событий 2014 года и российский «поворот на Восток».

Главным субъектом международных отношений по-прежнему можно назвать государство. Оно в первую очередь является ответственным за создание и регулирование жизни человека и общества. Государствам приходится маневрировать между соблюдением национальных интересов (увеличение территорий, усиления влияния и т.п.), укреплением мира и солидарностью между другими странами. В связи с этим возможности государства с наши дни ограничены деятельностью других стран, а также иных участников международной политики.

Поведение государства в международных отношениях оценивается на четырех уровнях: от системного до индивидуального.

Государство является единственным актором международных отношений, которое обладает суверенитетом. Для рационализации внешней политики создаются специализированные органы и организации.

РОССИЯ И КИТАЙ В СИСТЕМЕ БРИКС

Одной из важнейших организаций международного уровня, в которой принимают участие Россия и Китай является система БРИКС. Первое совещание министров иностранных дел стран БРИК было проведено в 2006 году между Китаем, Бразилией, Россией и Индией в рамках общих прений на 61 сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, которая стала прелюдией к сотрудничеству БРИК. В 2009 году первый саммит БРИК состоялся в Екатеринбурге, Россия. С тех пор саммит стал ежегодным мероприятием.

В декабре 2010 года Китай в качестве Председателя пригласил Южную Африку присоединиться к БРИК и принять участие в саммите в Санья, Китай. БРИК официально расширился и включил 5 стран, а аббревиатура превратилась в БРИКС.

БРИКС не является официальной структурой, больше напоминая клуб, на встречах которого страны-участницы обсуждают и организывают совместные проекты, оказывают друг другу помощь различного характера. Несмотря на неофициальный статус, система БРИКС доказала свою результативность: по состоянию на 2017 год ВВП каждой страны имеет тенденцию к повышению (табл. 1).

Таблица 1. Средние годовые темпы прироста ВВП стран БРИКС в 1991-2017 гг. и прогноз на 2018-2019 гг., % [1]

Страны	1991-2000	2009-2014	2015	2016	2017	2018	2019
Китай	10,46	8,7	6,9	6,7	6,9	6,5	6,3
Россия	-3,6	1,1	-2,5	-0,2	1,5	1,5	1,8
Индия	5,6	7,5	8,2	7,1	6,7	7,3	7,5
Бразилия	2,59	2,7	3,5	-3,5	1,0	2,4	2,5
ЮАР	1,84	1,8	1,3	0,6	1,3	1,4	1,8

За десять с лишним лет функционирования БРИКС значительно укрепил и расширил свою базу. В настоящее время это многоуровневый процесс, который возглавляет саммит, подкрепленный встречами советников по вопросам национальной безопасности, министров иностранных дел и других министерских совещаний и обогащен прагматичным сотрудничеством в таких областях, как экономика, торговля, финансы, бизнес, сельское хозяйство, образования, здравоохранения, науки и техники, культуры, мозговых центров и городов дружбы.

Организация превратилась в важную платформу для сотрудничества между развивающимися рынками и развивающимися странами. Страны БРИКС приезжают из Азии, Африки, Европы и Америки и являются членами «большой двадцатки». Вместе они составляют 26,46% мировой земельной площади, 42,58% мирового населения, 13,24% голосов избирателей Всемирного банка и 14,91% от квот акций МВФ. Президент Турции летом 2018 года заявил о желании вступления в этот блок.

У России и Китая множество точек соприкосновения, и система БРИКС — одна из них. КНР является единственной страной-участницей БРИКС, которая достигла действительно весомых результатов. Китай является мировым лидером по объемам

внешнеторгового оборота. Если Китай является одним из крупнейших или крупнейшим торговым партнёром у стран БРИКС, то у самой КНР доля экспорта в Бразилию, Россию, Индию и ЮАР составила только 6,2% от общего количества, а импорта — 7,4% (данные на 2016 год) [2].

Для Китая система БРИКС стала весьма полезной стартовой площадкой, которая оказала существенную помощь в воплощении в жизнь множества проектов. Среди них снижение экономической зависимости от стран Запада и США, учреждение Нового банка развития, а также создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ).

За время участия в проектах БРИКС Китай интернационализировал свою валюту, благодаря чему в 2015 году Мировым Валютным Банком юань был внесён в Специальную корзину заимствования, где до этого было только четыре валюты: доллар, евро, йена и фунт стерлингов. Китайская платёжная система Union Pay широко используется как внутри страны, так и за её пределами. В 2010 году система Union Pay заняла первое место в мире по числу выпущенных карт, а в 2015 — по количеству транзакций [3]. В 2017 году Россельхозбанк приступил к выпуску карт совмещенного типа «Мир-Union Pay», которые будут приниматься в банкоматах, поддерживающих

любую из этих двух платежных систем [4]. Таким образом, к приходу 2020 года Китай значительно повысит и укрепит свою роль в мировой финансово-валютной системе.

Что касается участия России в системе БРИКС, то нельзя не отметить рост экономики и ВВП государства — пусть не такими темпами, как у Китая или Индии, но, как отмечает Г. Д. Толорая, для Российской Федерации БРИКС — «это инструмент, с помощью которого она может укрепить свои позиции в системе глобального управления» [5].

Среди целей, которые преследует Россия — установление многополярного мира, как альтернативы однополярности, ориентированной на потребности развитых стран. В этом формате страны БРИКС стремятся к активизации совместной работы в пятистороннем формате по противодействию глобальным угрозам, прежде всего, международного терроризма; урегулированию региональных и международных споров политическими и дипломатическими средствами, с опорой на международное право и центральную роль ООН [6].

Для России система БРИКС также является способом решения таких вопросов, как реализация ее интересов в ключевых регионах мира, а также построение диалога с Западом и исполнение роли посредника между Западом и Востоком. В настоящий момент БРИКС обеспечивает возможность странам-участницам, и, соответственно, России, развивать интересующие её перспективные направления для продвижения своих интересов.

Таким образом, совместная деятельность России и Китая в рамках проектов БРИКС привела к улучшению ВВП как этих двух стран, так и остальных участников проекта. Китай делает упор на развитие внешней торговли и экономическую независимость, цель России — решение принципиально

важных для страны вопросов в стратегически важных регионах мира.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Переход Китая к рыночной экономике начался еще в 80-е гг. XX века, после решения Дэн Сяо Пина о трансформации экономики в «социалистическую рыночную экономику».

В аграрном Китае процесс трансформации был отмечен с самого начала китайскими особенностями: с одной стороны действовала либерализация сельского хозяйства, с другой также — открытость для иностранных инвестиций. Крупномасштабная промышленность и банковская деятельность, однако, остались под контролем государства. Эти изменения, наряду с дальнейшей либерализацией экономики, за несколько десятилетий превратят Китай в статус динамичной мировой экономики и крупного стратегического актора в процессе глобализации, который страна смогла использовать в своих интересах.

В промышленно развитой России переход к рыночной экономике был более болезненным. В то время как промышленность советского типа медленно адаптировалась к рынку и долговому бремени, унаследованному от прошлой государственной политики, ресурсная база экономики усилилась. Экономическое восстановление после финансового кризиса 1998 года было подкреплено высокими ценами на сырьевые товары и углеводороды и спросом на эти товары со стороны Европы. Экономическая зависимость России от Европы увеличилась спонтанно, чему способствовала близость относительно более развитых регионов и транспортной инфраструктуры.

Различные траектории трансформации и рыночные возможности помогают объяснить, почему торговля с Китаем оставалась подавленной в течение длительного вре-

мени, несмотря на двузначный рост в Китае после вступления в ВТО в 2001 году и устойчивое увеличение в России. Интерес России к Китаю изменился после экономического спада, вызванного кризисом 2008 года и последовательным крахом товарных и энергетических цен. С этого же года Китай стал первым торговым партнером России, заменившим Германию.

С 2008 года, наряду с серьезным переосмыслением политики, вызванным событиями и контрастными вариантами приоритетов, «разворот России на Восток» набрал обороты. В рамках этого подхода основное внимание уделялось Китаю как привилегированному партнеру по торговле и инвестициям.

Торговля выросла довольно медленно к 2008 году, когда рост был устойчивым в обеих странах и позже увеличился после кризиса с 2009 года (рисунок 1), все еще оставаясь незначительным по сравнению с Европейским союзом (ЕС). Объем двустороннего товарооборота между двумя странами, который в 2003 году составил 15,8 млрд. долл. США, в 2014 году составил 95,3 млрд. долл. США. Однако, несмотря на то, что Китай к тому времени стал первым торговым партнером России, объем торговли

Китая с ЕС достиг до 500 млрд. долл. США к 2014 году, сигнализируя о том, насколько велика разница в потенциале рынка России и ЕС. В 2014-ом году ЕС (28 стран) по-прежнему рассчитывал на 45,8% от общего объема российского экспорта и 42,6% от общего объема импорта. Китай несмотря на то, что стал первым торговым партнером страны в России, составил соответственно 6,8% российского экспорта и 16,9% импорта.

После «встряски» 2009 года торговля между Россией и Китаем показывала хорошие темпы роста: в 2010 году — 43,1%, в 2011 году — 42,7%. Руководителями двух стран была поставлена цель: увеличить товарооборот к 2015 году до 100 млрд. долл. Но, несмотря на успешное начало, в 2012-2014 гг. темпы торговли существенно снизились. В 2012 году динамика прироста была на уровне 11,2%, в 2013 году — значительно снизилась до 1,1%.

Торговый оборот между Китаем и Россией упал на 27,8% до 64,2 млрд. долл. в 2015 году. Общая стоимость российского экспорта в Китай снизилась в 2015 году на 19,1% до 31,4 млрд. долл. Общая внешняя торговля России в январе-ноябре 2015-2016 гг. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года продолжала падать, но мед-

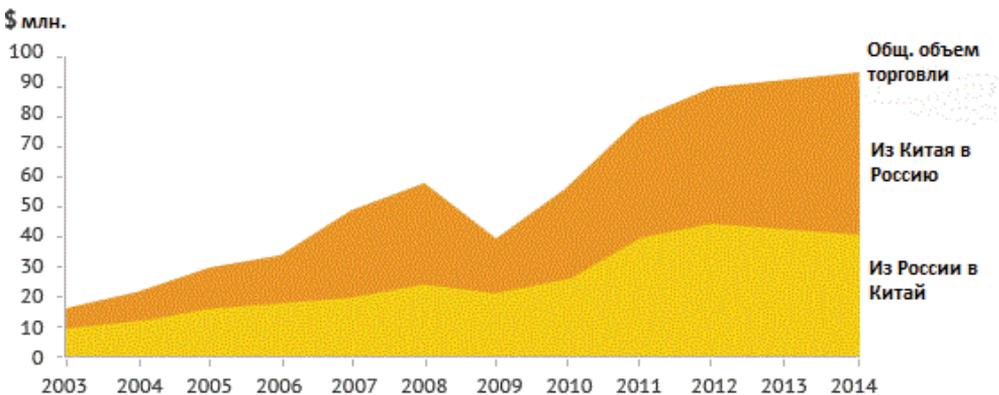

Рисунок 1. Объем российско-китайской торговли в 2003-2014 гг. [7]

леннее, чем в январе-ноябре 2015-2014 гг., до 417 984 млн. долл. США с 480 545 (соответственно 87,0% против 66,4%).

Сравнивая внешнюю торговлю с ЕС и Китаем в соответствующие сроки, можно обнаружить, что торговля с ЕС продолжала снижаться, в то время как с Китаем она улучшилась. За этот период в абсолютных цифрах торговля с ЕС сократилась с 217 225 млн. долл. США до 179 940 млн. долл. США (с 45,2% до 43,0% от общей суммы), тогда как с Китаем возросла с 57 787 млн. долл. США до 58 745 млн. долл. США (с 12,0% до 14,1%) [8].

Если судить по современной ситуации для того, чтобы Россия и Китай стали сильными коммерческими партнерами, требуется много времени. На сегодняшний день основными торговыми партнерами Китая являются США для экспорта и Южная Корея для импорта [9].

Немаловажной особенностью в развитии экономических отношений между двумя странами является инвестирование Китая в инфраструктуру России. 18 марта 2016 года [10] правительственный устав Дальнего Востока утвердил бюджет на создание и реконструкцию инфраструктуры в рамках конкретных инвестиционных проектов для Дальнего Востока и Байкальского региона. Это область, где частные инвестиции обескураживают долгосрочными и рискованными сроками возврата, в то время как российские государственные инвестиции, как правило, неэффективны. Однозначно должен быть использован довольно долгий и по большому счету успешный опыт Китая в дорожном строительстве.

Понятие инфраструктуры включает в себя, помимо прочего, транспорт (маршруты, мосты и железные дороги), электрические сети и трансформаторы, газопроводы на общую сумму субсидий в размере 23 431 млрд. руб. для реализации 9 инвестицион-

ных проектов, которые включают в себя 7,19 млрд. руб. в 2016 году. Неудивительно, что эта инфраструктура спроектирована главным образом в поддержку инвестиций добывающей промышленности в добычу руды и обогащения полезных ископаемых, золотодобычу, добычу угля, а также в поддержку жизнеспособности морского порта Ванино. Сумма, выделенная в 2016 году, намного выше, чем выделение 2,7 млрд. руб. в 2015 году из-за включения трех дополнительных проектов по сравнению с годом ранее. Эти девять проектов были отобраны из 54 приложений. По словам министра А.С. Галушки, частные инвестиции в развитие Дальнего Востока составляют до 218 млрд. руб. с ожидаемыми бюджетными доходами в бюджет 131,5 млрд. руб. за 10 лет [11]. При этом известно, что Китай инвестировал в золотодобычу и что морской порт Ванино (один из крупнейших по количеству объема перевозимых грузов в России) играет важную роль в поставках нефти и других грузов в Китай. В 2014 году китайская компания SAMC Engineering Company финансировала его развитие. Поставки из Ванино достигают Шанхая в течение 7 дней, обслуживая также более близкие порты в Южной Корее и Японии. В сентябре 2015 года китайские чиновники пообещали увеличить финансирование работ, чтобы увеличить пропускную способность порта Ванино, помогая Китайской портовой группе Yingkou уже работать над ее разработкой [12]. Как и другие проекты с Россией, этот требует времени, но, похоже, интерес со стороны Китая может принести плоды, если экономическая ситуация в обеих странах улучшится.

Усовершенствования инфраструктуры Дальнего Востока связаны с конкретными производственными инвестиционными проектами и добывающей промышленностью и направлены на более тесную увяз-

ку производственных мощностей с уже существующими морскими или железнодорожными отделениями и корректировку последней емкости по более амбициозным целям. Они представляют прямой интерес для России и дополняют, в различной степени, китайским компаниям, планирующим инвестировать в Россию в зависимости от их реальных перспектив роста и прибыли в областях интересов, которые могут быть или не быть долговечными в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Сотрудничество с Китаем в реализации проекта «Шелковый путь» [13] — это гораздо более сложный вопрос и более сложный проект, если Россия стремится к удерживанию контроля над регионом.

Проект впервые был показан прямо перед встречей китайских и российских лидеров на параде Победы 9 мая 2015 года в Москве. Новый Шелковый путь является не столько возрождением Старого, сколько призван помогать преобразованию торгово-экономических отношений на территории стран Евразии, в первую очередь — в Центральном и Среднем ее регионах. Сам принцип проекта Нового Шелкового пути, пролегающего не по морю, а по суше, способен сделать глобализацию экономики более открытой и всеобъемлющей. С помощью нового Шелкового пути у Китая будет доступ к странам Центральной Азии, СНГ, Африки и даже Европы [14]. В настоящее время существует более 40 железнодорожных линий, перевозящих товары из Китая в Европу всего за 18 дней.

Проект Нового Шелкового пути затрагивает сразу несколько стран Центральной Азии: по казахстанской территории будут проходить 3 из 6 путей проекта. Южный путь планируют вести через Туркменистан и Иран. Центральный маршрут будет пересекать Каспийское море через порты Актау и Баку, а потом пойдет в Турцию через

Азербайджан и Грузию. Северный путь будет проходить через север Казахстана, дальше — пересекать Российскую Федерацию и в итоге — выходить в ЕС через Беларусь или Балтийские порты [15]. Как пишет А.Э. Мордвинова, «КНР последовательно расширяет каналы экспорта своей продукции в регион» [16]. Китай уже инвестировал и/или запланировал инвестировать более 1 млрд. долл. в охват стран Центральной Азии, с которыми активные торговые и инвестиционные планы начались десять лет назад, по крайней мере, в некоторых случаях. Китай сосредоточился на улучшении маршрутов через непроницаемые границы и связи с собственными инвестициями в регионе.

Китай, чтобы лучше связать Таджикистан с Узбекистаном, поддержал Таджикистан кредитом в размере 281,2 млн. долл. США с 2% ставкой в течение двадцати лет. Эти деньги пойдут на реконструкцию автомагистрали из Душанбе в Чанак (на границе с Узбекистаном) через Худжанд. Эта автомагистраль была построена в 2015 году, и уже функционирует. Ее протяженность составляет 61,5 км, дорога соединяет Душанбе с Узбекистаном через Турсунзаде. В то время как Китай напрямую не инвестировал в него, тендер на строительство проводился China Road вместе с Bridge Corporation [17]. Эти работы являются прелюдией к проекту «Один пояс — один путь» [18], связывающему Западный Китай с Западной Европой через Казахстан, который, согласно прогнозам, будет завершен к 2023 году. Строительство магистрали через Синьцзян и Казахстан, которая выходит на границу с Россией в Оренбургской области, уже завершена.

Сложная сеть транспортных маршрутов в Центральной Азии показывает, что экономическая экспансия Китая, связанная с торговлей и инвестициями в регионе, началась в 2000-х гг. с целью расширения рыночных возможностей [19]. Транспортные

маршруты также являются основополагающими для китайских инвестиций в регионе. Имея протяженные границы с Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном, Китай не может не интересоваться возможностями выхода в этот регион. Когда процесс выхода начался, рост также был устойчивым в Центральной Азии и ощутимым в Европе.

В то время как Китай активно стремится к европейскому рынку, Россия строит план стать мостом из Европы в Азию через Дальний Восток, граничащим с северо-западными китайскими провинциями. Нельзя утверждать, было ли создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) заложено в качестве препятствия для расширения Китая в регионе. Также вполне вероятно, что быстрорастущая торговля Китая и инвестиции в регионе спровоцировали экономические проблемы и проблемы безопасности в России, которые еще больше усугубились финансовым кризисом 2008-2009 гг.

Россия по-прежнему рассматривает возможность финансирования продления китайского транспортного маршрута из Центральной Азии в Россию. Это может стоить до 780 млрд. рублей, из которых государство должно внести 400 млрд. Проект «Один путь — один пояс» также включает в себя высокоскоростное железнодорожное сообщение «Москва–Казань» протяженностью 770 км, пересекающее семь регионов России и сокращающее время в пути с 12 часов до 3,5. Воплощение этого проекта в жизнь оценивается 1,2 трлн. рублей, из которых около 500 млрд. руб. инвестирует Китай [20].

Таким образом, анализ торгово-экономических отношений России и Китая показал, что от года к году растут показатели экспорта из Китая в Россию, и из России и Китая. Однако, тогда как Китай стал торговым партнером номер один для Российской Фе-

дерации, Россия все еще остается на более дальних позициях.

Помимо торговли Китай активно инвестирует в развитие инфраструктуры отдельных регионов России и в проекты, которые расширяют его влияние в Центральной Азии и в Европе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, российско-китайские отношения можно охарактеризовать, как «соперничающие» с Западом. Сотрудничество двух стран достигло наивысшей точки: углубляются отношения в энергетическом секторе, развивается региональное сотрудничество. Обе страны используют свое положение в таких организациях, как «Большая двадцатка», ООН, СовБез для продвижения политики глобального мира и взаимовыгодного сотрудничества. Хорошие перспективы у российско-китайских отношений прогнозируются в сфере транспорта, инфраструктуры и таможни, а также в валютной сфере.

Развитие России и Китая зависит не только от глубокого сотрудничества в стабильной и мирной международной среде, но также неразрывно связано с внутренними реформами. Китай и Россия должны объединить свои силы и продолжать выступать в качестве агентов глобального мира и стабильности, взаимовыгодного сотрудничества и эволюционных преобразований.

Современное углубление реформ в Китае открывает возможности освобождению пространства для экономического развития. После прихода к власти В.В. Путин также инициировал широкомасштабную реформу в таких областях, как политика, экономика и военная сфера. Поэтому внутренняя реформа является средством преодоления сопротивления экономическому росту и укрепления внутреннего фактора национального развития.

Большое значение в свете строительства Шелкового Пути имеет укрепление сотрудничества в сфере транспорта, инфраструктуры и таможни. В этом плане России будет выгоднее привлечение китайских инвестиций на строительство. Для китайских предприятий наиболее привлекательными

секторами будут такие области, как энергетика, горнодобывающая промышленность (в связи с преимуществами России в этих сферах), а для России выгоднее привлекать китайские инвестиции в производство и в технологический сектор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Global Economic prospects, June 2018. URL: <http://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects> (дата обращения: 17.06.2018).
2. UN Comtrade. International trade in goods and services. URL: <https://comtrade.un.org/labs/dit-trade-vis/?reporter=156&type=C&year=2016&flow=2> (дата обращения: 17.06.2018).
3. Finextra. URL: <https://www.finextra.com/pressarticle/65412/unionpay-takes-top-spot-from-visa-in-22-trillion-global-cards-market---rbr> (дата обращения: 17.06.2018).
4. Национальная система платежных карт. URL: <http://www.nspk.ru/about/press/press-releases/vypushcheny-pervye-karty-mir-unionpay/> (дата обращения: 17.06.2018).
5. Толорая Г. Д. Россия и БРИКС: стратегия взаимодействия. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=show_full&id=1314789648&archive=1314876917&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 17.06.2018).
6. Лавров С. В. Историческая перспектива внешней политики России. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017> (дата обращения: 17.06.2018).
7. The Russia-China Investment Fund. URL: <http://rcif.com/russia-china-trade.htm> (дата обращения: 17.06.2018).
8. Лепя Т. П. Россия и Китай: Таможенное и экономическое взаимодействие. *Известия Байкальского государственного университета*. 2017;1:64-72.
9. International trade in goods and services. URL: <https://comtrade.un.org/labs/dit-trade-vis/?reporter=156&type=C&year=2016&flow=2> (дата обращения: 17.06.2018).
10. Правительство РФ. URL: <http://government.ru/docs/22267/> (дата обращения: 17.06.2018).
11. Электронный новостной ресурс «Риа-новости». URL: <https://ria.ru/economy/20150905/1230752989.html> (дата обращения: 17.06.2018).
12. Электронный новостной ресурс «Коммерсант». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2945350> (дата обращения: 17.06.2018).
13. Национальный координационный центр по развитию экономических отношений со странами АТР. URL: <http://aprcenter.ru/component/k2/328.html> (дата обращения: 17.06.2018).
14. Ли Минфу. Распространение китайского языка как фактора мягкой силы во внешней политике КНР в XXI веке: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург. Наука; 2016. С.5-6.
15. Борисова Ю. М. Политика Китая на постсоветском пространстве. инициатива «один пояс — один путь». *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;3:202-209.
16. Мордвинова А. Э. Как и зачем Китай строит дороги в Центральной Азии? URL: <https://riss.ru/analytics/29393/> (дата обращения: 17.06.2018).
17. Ткачук С. П. ЕАЭС и все-все-все. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/EAES-i-vse-vse-vse-18145> (дата обращения: 17.06.2018).

18. Кулинцев Ю. «Один пояс — один путь»: инициатива с китайской спецификой. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/31461/> (дата обращения: 18.06.2018).
19. Демидов Е. В. Центрально-Азиатский вектор во внешней политике Пекина и некоторые проблемы российско-китайского взаимодействия в регионе. *Инновации и инвестиции*. 2017;4:65-69.
20. Гольдберг О. Москва – Казань — первая ласточка на Шелковом пути. URL: <http://www.morvesti.ru/analitics/detail.php?ID=63451> (дата обращения: 18.06.2018).

REFERENCES

1. Global Economic prospects, June 2018. URL: <http://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects> [Accessed: 17.06.2018].
2. UN Comtrade. International trade in goods and services. URL: <https://comtrade.un.org/labs/dit-trade-vis/?reporter=156&type=C&year=2016&flow=2> [Accessed: 17.06.2018].
3. Finextra. URL: <https://www.finextra.com/presentation/65412/unionpay-takes-top-spot-from-visa-in-22-trillion-global-cards-market---rbr> [Accessed: 17.06.2018].
4. National payment card system. URL: http://www.nspk.ru/about/press/press_releases/vy-pushcheny-pervye-karty-mir-unionpay/ [Accessed: 17.06.2018]. (In Russ.)
5. Toloraya G.D. Russia and BRICS: strategy of interaction. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?sub-action=showfull&id=1314789648&archive=1314876917&start_from=&ucat=14 [Accessed: 17.06.2018]. (In Russ.)
6. Lavrov S.V. Historical perspective of Russian foreign policy. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnej-politiki-Rossii-18017> [Accessed: 17.06.2018]. (In Russ.)
7. The Russia-China Investment Fund. URL: <http://rcif.com/russia-china-trade.htm> [Accessed: 17.06.2018].
8. Lepa T.P. Russia and China: Customs and economic cooperation. *Proceedings of the Baikal state University*. 2017;1:4-72. (In Russ.)
9. International trade in goods and services. URL: <https://comtrade.un.org/labs/dit-trade-vis/?reporter=156&type=C&year=2016&flow=2> [Accessed: 17.06.2018].
10. The government of the Russian Federation. URL: <http://government.ru/docs/22267/> [Accessed: 17.06.2018]. (In Russ.)
11. Electronic news resource «RIA-News». URL: <https://ria.ru/economy/20150905/1230752989.html> [Accessed: 17.06.2018]. (In Russ.)
12. Electronic news resource «Kommersant». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2945350> [Accessed: 17.06.2018]. (In Russ.)
13. National coordination center for the development of economic relations with Asia-Pacific countries. URL: <http://aprcenter.ru/component/k2/328.html> [Accessed: 17.06.2018]. (In Russ.)
14. Li Ming Fu. The spread of the Chinese language as a factor of soft power in China's foreign policy in the XXI century: autoref. dis. ... kand. polit. sciences'. Sankt.-Petersburg. Science; 2016. P.5-6. (In Russ.)
15. Borisova Yu.M. China's Policy in the post-Soviet space. «one belt — one road initiative». *Post-Soviet Issues*. 2017;3:202-209. (In Russ.)
16. Mordvinova A.E. How and why is China building roads in Central Asia? URL: <https://riss.ru/analitics/29393/> [Accessed: 17.06.2018]. (In Russ.)
17. Tkachuk S.P. EEU and all-all-all. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/EAES-i-vse-vse-vse-18145> [Accessed: 17.06.2018]. (In Russ.)
18. Kulintsev Y. «One belt and one road» initiative with Chinese characteristics. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/31461/> [Accessed: 18.06.2018]. (In Russ.)

19. Demidov E.V. The Central Asian vector in the foreign policy of Beijing, and some problems of Russian-Chinese interaction in the region. *Innovations and investments*. 2017; 4:5-69. (In Russ.) analitics/detail.php?ID=63451 [date Accessed: 18.06.2018] (In Russ.)
20. Goldberg O. Moscow-Kazan - the first swallow on the Silk road. URL: <http://www.morvesti.ru/>

.....
Статья получена 07.08.2018
Received 07.08.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Олег Е. Гришин, Кандидат политических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; helg-g@mail.ru

Oleg E. Grishin, Ph.D. in Political Science, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198; helg-g@mail.ru

Анастасия В. Трофимова, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия; 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4; nastya_trofi@mail.ru

Anastasia V. Trofimova, Russian State Social University, Moscow, Russia; bld. 4, Wilhelm Pick str., Moscow, 129226, Russia; nastya_trofi@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Добыча сланцевого газа в странах постсоветского пространства: первые результаты и проблемы

Сергей С. Жильцов^а, Игорь С. Зонн^б

^аДипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

sszhiltsov@mail.ru

^бИнженерный научно-производственный центр по водному хозяйству

Мелиорации и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия,

igorzonn@yandex.ru

Аннотация: рассматриваются подходы и возможности разведки и использования сланцевого газа в странах, которые ранее входили в состав СССР. Многие из них проявили интерес к итогам «сланцевой революции» в США, которые открыли новую страницу в добыче газа. Ряд стран постсоветского пространства рассчитывают за счет использования сланцевого газа снизить зависимость от внешних поставок и добиться энергетической независимости.

Обобщены данные о запасах сланцевого газа в странах постсоветского пространства, представлены предварительные итоги их энергетической политики в сфере разработки месторождений данного углеводородного ресурса, проанализированы первые результаты деятельности нефтегазовых компаний.

Из всех стран постсоветского пространства наиболее активную политику проводила Украина, заявив о своем первенстве по запасам сланцевого газа. Украинская сторона привлекала зарубежные нефтегазовые компании, которые проявили интерес к сланцевым месторождениям. Между тем, проблема добычи сланцевого газа на Украине, оказалась политизирована, затруднив объективную оценку стартовых условий и возможных последствий для общества и экологии, возникающих при добыче этого углеводородного сырья. Сланцевый газ также оказался в центре внимания властей Казахстана и Молдавии, которые рассматривали этот углеводородный ресурс в качестве значимого фактора в реализации политики диверсификации источников сырья и обеспечения независимости от российского газа. «Сланцевая революция» не осталась без внимания в России, которая вынуждена учитывать фактор сланцевого газа в мировой энергетике, корректируя свою ценовую политику. США пытались внедрить сланцевые контракты в России, обеспечив себе доступ на российский газовый рынок. С одной стороны, Россия осталась равнодушна к сланцевому буму, продолжая реализовывать трубопроводные проекты, с другой – нет абсолютного отрицания потенциальных возможностей этого вида углеводородного сырья.

В целом, страны постсоветского пространства, несмотря на отсутствие законодательной базы, технологий и нерешенные экологические проблемы, проявляют определенный интерес к добыче сланцевого газа.

Ключевые слова: сланцевый газ, углеводородные ресурсы, запасы, производство, энергетическая политика, Россия, Украина, Молдавия, Казахстан, экология

Для цитирования: Жильцов С. С., Зонн И. С. Добыча сланцевого газа в странах постсоветского пространства: первые результаты и проблемы. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(3):236–250. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-236-250>

Shale Gas Production in the Post-Soviet Countries: First Results and Problems

Sergey S. Zhiltsov^a, Igor S. Zonn^b

^a*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,*
sszhiltsov@mail.ru

^b*Engineering Research Production Center on Water Management,
Land Reclamation and Ecology «Sojuzvodproject», Moscow, Russia,*
igorzonn@yandex.ru

Abstract: This chapter considers the approaches and possibilities of exploration and use of shale gas in the countries of the former USSR. Many of them became interested in the results of the US “shale revolution” which opened the new stage in gas production. Some post-Soviet countries are eager by using shale gas to reduce their dependence on external deliveries, thus, attaining energy independence.

The data on shale gas reserves in the post-Soviet countries are taken together; the preliminary results of energy policy in these countries concerning development of the shale gas deposits are presented; the first results of oil and gas company activities are analyzed.

Of all post-Soviet countries, Ukraine was most active in this respect having declared about possessing the greatest shale gas reserves. Ukraine invited foreign oil and gas companies which showed interest in the shale deposits. But the shale gas production in Ukraine acquired political dimensions impeding the objective assessment of startup conditions and likely consequences of shale gas extraction for the people and natural environment. Shale gas was in the focus of attention of the authorities in Kazakhstan and Moldavia which considered this hydrocarbon resource as the significant factor for diversification of hydrocarbon supply and ensuring independence of the Russian gas. “Shale revolution” was not neglected in Russia which had to take into account the shale gas factor in the world energy balance adjusting its policy respectively. USA made attempt to push its shale contracts in Russia, thus, ensuring access to the Russian gas market. On the one hand, Russia remained indifferent to the shale boom and went on implementation of

its pipeline projects, but, on the other hand, it does not waive off absolutely the potential of this hydrocarbon resource.

In general, the post-Soviet countries regardless of the lack of a legislative base, technologies and unresolved environmental issues have shown certain interest in shale gas production.

Keywords: Shale gas, Hydrocarbon resources, Reserves, Production, Energy policy, Russia, Ukraine, Moldova, Kazakhstan, Ecology

For citation: Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Shale Gas Production in the Post-Soviet Countries: First Results and Problems. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(3):236–250. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-236-250>

INTRODUCTION

The US success achieved in shale gas production in the early 21st century has attracted attention of many post-Soviet countries that appeared in the territory of the former USSR after its disintegration in 1991. The experience of the American companies that were quickly expanding the shale gas extraction, the so-called “shale revolution,” seemed very attractive, primarily, for those post-Soviet states which had no oil and natural gas deposits of their own and, consequently, depended on external sources of these hydrocarbons. Among such states there are Armenia, Belarus, Georgia, Moldavia and Ukraine. They took different ways to obtain alternative sources of hydrocarbons. For the past two decades they did everything to weaken their dependence on external gas supply, first of all, from Russia [1].

At the same time, the hydrocarbon exporting countries also showed interest to shale gas deposits and their development, such as Russia and Kazakhstan. In the recent decade they have been discussing the impact of the US “shale revolution” and possibilities to implement shale gas projects. Until recently the interest to the shale gas issue in Russia was limited to discussions at the expert level and inclusion of this problem in some official documents and declarations of politicians. No endeavor to attain the commercial shale gas production may

be attributed to the lack of accurate data on the shale gas reserves available in Russia, high cost of production, high environmental risks and lack of required technologies. Similar situation is observed in other post-Soviet countries which undertake only assessments of shale gas reserves, except Ukraine that in 2017 initiated the commercial shale gas extraction considering it as the alternative for Russian gas.

HISTORY OF SHALE GAS EXTRACTION IN THE USSR

The interest to shale deposits in Russia like in the USA was noted in the 19th century. Initially, the shale oil was in the focus of attention. Its extraction was started in the mid-19th century, although in small quantities. Shale oil was mostly used as fuel and in ichthyol production. In 1919 the commercial scale production was started. Shale oil was extracted in the Samara region.

In the USSR oil shales were extracted in the territory of Estonia that was part of the Soviet Union, in the Leningrad region and near Syzran in the Samara region [2]. Shale oil extraction did not reach commercial scales as oil deposits in Azerbaijan (Caspian Sea) and later in Siberia were developed.

For experimental purposes the shale gas had been produced in the USSR for several decades. Shale gas is natural gas that is found

trapped within shale formations in sedimentary rocks abounding in organic matter required for oil and gas formation. Gas deposits are usually confined to sands, while shales are the more dense rocks featuring low porosity and composed of smaller size and hard particles.

Shale gas is referred to the so-called unconventional natural gas. This term means natural gas found in clay schist rocks, in coal seams, in tight sandstones, occurring at great depths in geozones under small pressure. At the same time, shale gas is extracted from solid rocks which are more difficult to drill and its reserves in such shale plays are much smaller.

Shale gas is extracted applying such technologies as *directional drilling*, *hydraulic fracturing* (fracking), when hard rocks are crashed with water and special chemical reagents, and seismic 3D GEO modeling. Similar technology is used for extraction of coalbed methane. Hydraulic fracturing (HF) is aimed to stimulate operation of oil and gas wells by creating fractures in a formation to increase inflow of fluids (gas, water, condensate, oil or their mix) to a wellbore. HF technology is accomplished through pumping of fracturing fluids composed of a blend of chemical reagents, sand, water and acids fretting fracture walls in a formation into a well under pressure higher than the fracturing pressure for oil and gas formations. Then water is pumped out, while sand fills the extended fractures and let gas freely flow into a well via which it goes up to the surface. The world's first hydraulic fracturing was conducted by company Halliburton in 1949.

The respective technologies have been designed in the former USSR from the early 1950s. The theory of shale gas extraction technology had been developed by academician Sergey Christianovich at the Oil Institute of the USSR Academy of Sciences. It envisaged injection of fluid into a well for fracturing geological formations and increasing their oil yield. Based on such theory, the hydraulic

fracturing of a coalbed was conducted in 1954 in one of Donbass mines [3]. The approaches to shale gas extraction suggested by Soviet scientists were successfully applied in the 1970s-1980s in the territory of the USSR. However, this technology was not widespread. It was applied mostly in developing not large oil and gas deposits [4].

SHALE GAS RESERVES

Opening of large shale plays in the USA and application of new modern technologies of shale gas extraction were the basis for a breakthrough in development of this kind of hydrocarbon resource. They also gave rise to discussions of this issue in the post-Soviet countries which allegedly possess great shale deposits although there are no accurate data on shale gas reserves in any of them. The matter is that in the USSR no fundamental researches of shale gas reserves had been conducted and no theoretical and practical studies of the problems and opportunities of shale gas extraction were carried out. As a result, these countries have only approximate data obtained still in the time of the Soviet Union. For this reason, after the US "shale revolution" the post-Soviet countries can present only rough data on shale gas deposits with some reservation on the need to conduct additional investigations. Consequently, the state balance of mineral deposits did not include oil shales.

The figures for shale gas reserves in Russia differ greatly, too. According to Gennady Shmal, President of the Union of Oil and Gas Industry of Russia, the shale gas reserves are roughly estimated at 25 trillion cu. m³ [5]. The State Report «On the State and Use of Mineral Resources in the Russian Federation of 2010» said that «no shale gas plays were found in Russia» [6].

Unlike Russian experts, the Energy Information Agency (EIA) in 2013 published its data having evaluated the shale gas reserves in

Russia at 8 trillion m³, or 20% of the current reserve base [7].

One of the countries being most interested in shale gas production was Ukraine. The insignificant oil and natural gas deposits made it dependent on hydrocarbon supply from Russia. In 1991 Ukraine formulated the task to reduce dependence on the Russian gas and, if possible, even to refuse from its deliveries. However, due to the lack of own large fields and finance the task has not been fulfilled.

Having widened cooperation with the US companies engaged in shale gas production the Ukrainian authorities and experts returned again to discussing the prospects of energy independence. The first issue to be addressed in this regard is assessment of the resource base that can be a benchmark for initiating shale gas projects in Ukraine. However, the estimates of the shale gas reserves in Ukraine differed greatly varying from 2 to 30 trillion m³. Such data scattering only proves the fact that information on shale gas reserves in Ukraine is not accurate and can be accepted only conditionally.

In Kazakhstan the total shale reserves are evaluated at 5-6 billion tons. These fields were discovered still in the mid-20th century. The shale plays have not been studied adequately, so Kazakhstan has no accurate information about available shale gas reserves. In 2012 Kazakhstan authorities demanded to conduct additional geological-prospecting surveys for identification of the situation with shale gas in the territory of the country.

Other Central Asian country – Uzbekistan started in 2013 extraction of hydrocarbons from shale formations. Company «Uzbekneftgaz» initiated the project costing 600 million USD with no results whatsoever.

Some other post-Soviet countries show interest in shale gas issue. Thus, in 2011 the Ministry of Energy and Natural Resources of Armenian and the International Mineral & Mines Ltd. (registered on the Isle of Man)

signed the memorandum identifying the directions of prospecting and development of shale plays in Armenia. In 2013 the representatives of the United States Geological Survey visited this country to investigate the shale gas deposits [8].

Similar situation was in Moldavia that tries to get more accurate data on the shale gas reserves of the country. Shales were found at a depth of 1700 meters in Iargara (Leova District), in Rezeni (Ialoveni District) of Moldavia. In the latter area two wells were drilled and at a depth of 1100 meters shales were found. Drilling works were also conducted in Neslavcea (Ocnita District) and shales were found at a depth of 1200 meters. Shale gas may be discovered at 3500 meters, but its extraction will be extremely labor intensive. According to surveys of the British Company «Canyon Oil and Gas Ltd.» conducted near village Valeni (Cahul District), shale plays may occur at a depth of 2500 meters.

DISCUSSIONS ABOUT SHALE GAS PRODUCTION IN RUSSIA

As the scale of shale gas production in USA was growing speedily, many post-Soviet countries, including Russia, started discussing this issue. For several years the attitude to shale gas has changed perceptibly: from complete negation to interest to this hydrocarbon production.

Taking into account that Russia has ample natural gas deposits which development is not costly many come to a conclusion that so far the development of shale gas plays is not cost effective. And the more so as the prospects of shale gas production in Russia still have many questions and, first of all, lack of geological study of shales. Accordingly, there are no even rough estimates of shale gas reserves.

Russian experts in this field believe that in the nearest decades no cardinal changes in the oil and gas market will be observed and the increase of the shale gas production will not

change the situation in the gas market of Europe as such increase was supported by governmental subsidies [9]. Nevertheless, Russia has started assessing the situation with shale gas extraction in USA more attentively and follows more closely the European countries' policy in this field. In the recent years Russia held special conferences on the results of the «shale revolution» attended by many scientists, politicians, ecologists and experts. Thus, in March 2010 the Lower Chamber of the RF Parliament organized the round-table conference on the theme «Prospects of Shale Gas Development» that took together the representatives of the leading research institutions, including Russian Academy of Sciences (RAS), and oil and gas companies [10]. At this conference it was noted that Russia had sufficient reserves of natural gas amounting to 34.6 trillion cu. m as of 2016 estimates. However, their development requires substantial investments. In addition, it was stressed that shale gas development is sensible near consumers, in the regions with developed infrastructure and with no centralized gas supply. Then in April of the same year Yury Trutnev, that time Minister of Natural Resources and Ecology of Russia said that growth of the shale gas production was a serious problem for the Russia's major gas company «Gazprom» [11]. This was the first time that a governmental authority came out with such declaration.

Regardless of cautious assessments of shale gas production prospects the Russian oil and gas companies, some experts and governmental authorities have shown some alterations in their position towards this hydrocarbon. In late 2010, Dmitry Medvedev, that time RF President, ordered to prepare the state program on hydrocarbon extraction from unconventional sources, including shale gas. However, the oil and gas companies were not in a hurry to get down to its extraction emphasizing the specific features of shale gas production: relatively

low yields of wells and sharp drop of yields already in the first years of extraction, great volume of development drilling, the need of permanent movement to new areas, high capital intensity of shale projects. All these factors permit to identify its role as a local resource.

In 2011 the Energy Committee of the Lower Chamber of the RF Parliament recommended to the government to assess the shale gas potential of Russia, to study the advanced technologies of shale gas production, to evaluate the possibility and prospects of their application in Russia [12]. Moreover, these recommendations emphasized the need of detailed study of the effect of shale gas production in USA and its likely development in European countries and China on the current and future gas deliveries from Russia [13].

Beginning from 2012 with the soaring shale gas extraction in USA, the discussions concerning the prospects of shale play development went on. The significance of shale gas was stressed by Russian President V. Putin, who, in April 2012, said that the country should be ready for remodeling of the hydrocarbon market due to development of the shale gas technologies. In addition, the Russian President noted that the new wave of technological changes is coming and that in the recent years USA was actively developing the shale gas technologies [14]. «Gazprom» was assigned to investigate the consequences of the «shale revolution» while developing the gas export strategy.

At the same time, the RF Ministry of Economic Development presented scenarios of long-term forecasts of the socioeconomic development of the Russian Federation until 2030 [15]. This document outlined the ranges of likely shale gas production in Russia that by 2030 could grow from 60 to 128 billion cu. m. But at this time Russia did not conduct geological surveys, had no data about shale gas reserves, no respective equipment, technologies

and specialists. At the same time, RF Ministry of Economic Development warned about potential threat to the country if USA continues expansion of the shale gas output.

In late 2012 the RF Ministry of Energy came up to the government with the proposal to start shale oil and gas extraction having noted that the shale gas technologies should be worked out in Russia on special test grounds and small plays [16]. However, such proposal did not find support of oil and gas companies. As a result, in 2013 the discussions in Russia concerning shale gas production went on.

The shale gas issues were included into some documents adopted by the RF Government. Thus, RF Government Decree No. 436-p of March 2013 "Natural Resources Restoration and Management" outlined the need to conduct assessments of resources and reserves of shale gas, gas hydrates and coalbed methane, first of all, in the regions not sufficiently provided with oil and gas. Attention to this issue was dictated by the growing significance of the «shale» factor in the world gas production, which invariably resulted in the drop of prices of Russian gas. In this respect the expert community in Russia launched the opinion that Russian company «Gazprom» had «slept out» the shale boom.

However, in April of the same year V. Putin said that «Gazprom» should not be accused of overlooking the «shale revolution» and underlined that the prime cost of shale gas was much higher than of the traditional gas. In addition, Russia has ample fields where natural gas is extracted by traditional methods. V. Putin also noted that shale gas and shale oil production involved serious damage to the natural environment. The Russian President also stressed that Russia did not waive completely the shale gas extraction [17]. A year later, in 2014, Russian President underlined once more that shale gas extraction was very costly and many shale projects could be unprofitable [18].

In 2014-2015 the shale gas issues were discussed many times at the expert level and in Russian governmental institutions. The key idea of these discussions and publications was the need to develop own technologies for shale hydrocarbon production and to work out measures capable to mitigate the likely impacts of the «shale revolution». One of the constraints of shale gas production in Russia was the lack of the technologies of directional drilling and hydraulic fracturing that could be applied in shale play development [19].

Neglect of application of the new technologies for shale gas extraction enhanced the risks of negative impact on Russia of the «shale revolution» the results of which would influence greatly the formation of the Russian gas policy [20]. Russia put more emphasis on gas cooperation with EU accounting for up to 30% of all supplies of Russian gas [21]. As a result, Russia and its gas industry are threatened not so by the «shale revolution» proper, but by technological backwardness, immunity to producing new technologies of the last generation [22].

In 2014 after imposing the Western sanctions on Russia the scale of cooperation in the oil and gas area was cut sharply and the more so as these sanctions affected, primarily, the activity of Western companies which could transfer technologies of shale play development. As a result, the progressing interaction of the Russian companies with the leading foreign oil and gas companies was stopped [23].

Such position was based on the forecasts of shale gas production in Europe. It assumed that Russian gas would remain for long one of the principal hydrocarbon sources for European countries. The key issue will be the price at which European countries will buy Russian gas. According to estimates of the RAS Energy Research Institute, if the «shale revolution» goes on, then by 2040 the Russian export will be cut down by 70 billion cu. m, which will

result in the reduced share of Russia in the European market [24].

In the foreseeable future the «Gazprom» positions in the gas market will be affected by numerous factors, including among others the growing supplies of liquefied natural gas, introduction of energy saving technologies in European countries. In addition, in the recent decade Russia faces the problem of technological backwardness that creates barriers for implementation of projects on hydrocarbon extraction in difficult areas. This refers, in particular, to Arctic with its very complicated geological and climatic conditions that require application of utterly new technological solutions [25].

UKRAINE JOINED THE SHALE RUSH

For Ukraine the key issue in attaining energy independence is the search for alternative energy sources. One of such sources may be shale gas which production is in the focus of attention in Ukraine.

Shale formations taking origin in Poland go through four western areas of Ukraine – Lvovsky, Ivano-Frankovsky, Zakarpatsky, Chernovitsky and reach its central part – Dnieper-Donets Depression. Apart from this, shale plays are found in the Odessa Region and in southeastern regions. Thus, potential shale plays were discovered in several areas of the Dnieper-Donets Depression. In total there have been found 11 perspective areas in Western Ukraine and 7 in the territory of the Dnieper-Donets Depression, i.e. in Poltava and Kharkov regions where traditional gas is actively extracted.

Lack of accurate data on shale gas reserves, technologies, equipment and finance do not make Ukraine less optimistic and regardless of these constraints it evolves the ambitious plans how shale gas can reduce the volume of gas import, primarily, from Russia. According to the published estimates, it will save much

budget finance and enhance the energy independence of Ukraine. It is believed that by 2030 the share of shale gas in the gas balance of Ukraine can reach 15-20% which should lead to reduction of gas volumes purchased from Russia. Ukraine planned that during ten years (till 2021) it would be able to double gas production, including shale gas, bringing it to 40 billion cu. m per year.

In fact, there have been no reasonable grounds in Ukraine for such forecasts due to the lack of reliable information about shale gas reserves, lack of technologies, lack of feasibility and geological surveys to confirm practicality of its extraction.

In the recent years the Ukrainian authorities did their best to keep abreast the new tendencies in hydrocarbon production. They passed some decisions aimed to verify the actual shale gas reserves. In 2010 Ukraine launched development of the state purposeful economic program for extraction and use of coalbed methane and shale gas. It envisaged mostly the regulatory measures. The program was designed for the period from 2010 to 2014. After its implementation Ukraine should be able to substitute 1 billion cu. m of imported gas, largely, by coalbed methane. The total cost of this program that had not been realized was evaluated at 500 million USD.

In 2010-2012 Ukraine was endeavoring to attract Western oil and gas corporations to development of shale plays and extraction of coalbed methane. Negotiations were conducted with such companies as ExxonMobil, Halliburton, ConocoPhillips, Shell and others that responded to the Ukrainian proposal. One of the first foreign companies that started its activities in Ukraine was EuroGas Inc. It explored gas fields in Western Ukraine, in the east of the country having accumulated some information required for shale gas production.

ENI and Total also showed interest to develop fields having complicated conditions. Still

in 2010 one of the Total units even signed an agreement with Polish EuroGas Polska taking part, in particular, in the projects on extraction of coalbed methane in Western Ukraine (Lvov-Volyn basin). If the required finance is invested, the gas production may be as high as 15-20 billion cu. m per year.

In early 2011, in Davos, there was the first meeting of Ukrainian President V. Yanukovich with Director of Company Shell P. Vozer at which they arranged about further cooperation. Shell undertook to organize shale gas extraction in the Kharkov and Donetsk regions. The Treaty on Cooperation in the Oil and Gas Industry was signed by Shell and “Ukrgazdobycha” still in June 2006.

Ukraine connected great expectations concerning shale gas production with US assistance. In February 2011 there was the third meeting of the Ukrainian-US Commission on Strategic Partnership that was the main coordinating mechanism of bilateral cooperation for all issues being of mutual interest for Ukraine and USA. As a result of negotiations the joint declaration was adopted confirming the relevance of provisions contained in the Ukraine – USA Charter on Strategic Partnership signed in December 2008. In addition, the governments of Ukraine and USA signed the memorandum of mutual understanding in respect of unconventional gas resources, including shale gas. The purpose of this memorandum was to create conditions for exchange of knowledge and expert research results between these two countries on assessment and qualification of shale gas resources in Ukraine. In addition, it also referred to further development of mutually beneficial cooperation of the companies in analysis of potential reserves of coalbed methane, shale gas, tight gas in dense rocks and other unconventional hydrocarbons in different areas of Ukraine. And, finally, this document asserted that governments of USA and Ukraine were endeavoring to promote and to develop

further the direct contacts and cooperation among governmental authorities, universities, research centers, institutions, exploration and production companies. This memorandum was called to create, on a governmental level, the incentives and to give warranties of promoting projects on shale gas exploration and extraction.

In December 2011, the Ukrainian government issued the decree in which it approved the tender conditions for Product Sharing Agreement (PSA) for Yuzovsky (Donetsk and Kharkov regions) (reserves of 4 trillion cu. m) and Olessky (Lvov and Ivano-Frankovsky regions) (reserves of 2.98 trillion cu. m) shale gas plays.

Ukraine extended its cooperation with major oil and gas companies having experience in shale gas extraction. In 2012 Ukraine organized a tender for product sharing transactions in respect of perspective areas of probable shale gas extraction: Yuzovsky and Olessky. The Yuzovsky site (Donetsk and Kharkov regions) was taken by British-Dutch Shell that in January 2013 signed PSA with the Ukrainian government for 50 years and planned to extract shale gas. In the first phase of geological surveys it was expected to obtain 2D and 3D seismic data and to conduct drilling of 15 wells in the Yuzovsky site. Geological surveys should have been financed by foreign investors within 3 to 5 years. By rough estimates, their cost should have been from 200 to 400 USD. If the surveys and prospective drilling provided positive results the company could start drilling and completion of production wells. The volume of investments was expected to be some 3.5 billion USD. Simultaneously, the construction of the pools of water to be used in fracking was started.

For the second site — Olessky (Lvov and Ivano-Frankovsky regions) the tender was awarded to US Chevron (the contract was signed in 2013). In December the Ukrainian

government made changes in the tender for hydrocarbon sharing agreement to be extracted within the Olessky site.

Rather successful progress in attracting foreign oil and gas companies to shale play development in Ukraine was stopped by political events in this country. In late 2013 the actions of the opposition resulted in aggravation of the political situation that in February 2014 led to change of government. Later, in April of the same year the military actions began in Lugansk and Donetsk regions that affected seriously the possibilities to develop shale plays. As some part of shale plays located in the zone of military actions, the foreign oil and gas companies had to postpone their activities in these regions. In late 2014 US Chevron refused from geological and prospecting surveys in Ukraine due to growing risks. In August 2015 Shell withdrew from the joint project with Ukrainian company «Nadra Yuzovskaya». Western investors had to take such steps because of instability of the social and political situation in Donbass which was an obstacle for shale play development.

Lowered interest of foreign companies to shale play development in western regions of Ukraine was also noted. The main reason for such change of their attitude was connected with the general instability of the political situation in Ukraine. As a result, at the turn of 2014-2015 the development of shale plays in Ukraine had never started. Military actions in the eastern regions of Ukraine which intensity had declined in March 2015 enhanced the uncertainty as to when foreign oil and gas companies could start shale play development.

But Ukraine did not abandon the idea of shale play development. In March 2015 National Joint Stock Company «Nadra Ukrainy» allotted 15 sites for drilling prospecting wells for gas trapping from shale formations. For accomplishment of the perspective plan of development that will give a growth of 220

million tons of fuel equivalent this company, in the conditions of limited budgetary funding, is expecting to obtain 300 million USD under state guarantee from international financial institutions and, accordingly, it makes active efforts to attract international oil companies to participation in joint projects.

The task of diversification of hydrocarbon sources was included into the document “Energy Strategy of Ukraine: Security, Energy Efficiency, Competition” prepared in August 2015. It stated the need to reform the energy complex of Ukraine in the period till 2020 and to fix strategic benchmarks for the long-term perspective till 2035. According to this strategy, the share of unconventional energy should be about 20%, including shale gas.

Already in 2016 Ukrainian authorities returned once more to the idea of shale gas extraction in the Yuzovsky site that had been earlier abandoned by British-Dutch Shell. The rights to shale gas development in Donbass and in the Kharkov Region (Ukraine) were awarded to Dutch Company Yuzgaz B.V. In 2017 the company started preparatory works for shale gas production.

BUILD-IN INTO SHALE FLOW

In some post-Soviet countries the shale gas production is considered as an opportunity to alleviate in the future the dependence on external supplies of natural gas. Russia is the sole source of natural gas for Moldavia and Ukraine via which territory the Russian gas is delivered. Moldavia covers 100% of its gas needs by Russian gas and has no other alternative sources. Accordingly, Moldavia, being dependent on hydrocarbon import, is endeavoring to diversify the hydrocarbon sources. Shale gas plays found in Romania and Ukraine may change cardinally the energy security for Moldova. The representatives of this country have stressed more than once

that they are interested in energy sources diversification.

According to the Draft National Plan of Action in Renewable Energy Sources for 2013–2020, Moldavia expects by 2020 to provide 20% of energy consumption from the use of renewable energy sources (RES) and shale gas production. However, there are some obstacles for accomplishment of these plans, and the key one is that the state has no finance [26]. In addition, great wear-out of gas pipeline networks is also a negative factor for energy security of the country. According to the data contained in the Energy Strategy of Moldavia that was updated in 2013, by 2030 approximately 70-75% of the equipment used in the energy sector will become deteriorated.

In June 2014 the Moldavian government decided to establish the state enterprise «Vest-moldtransgaz» with the authorized capital of 0.57 million USD that would manage gas pipeline Yassy-Ungeny and provide services on natural gas transit via this line from Romania to Moldova. This enterprise will be a part of actions of the Moldavian government for obtaining «alternative sources of natural gas supplies in the context of energy security improvement».

In 2015 Moldavia started natural gas deliveries from Romania via pipeline Yassy-Ungeny, but in small quantities – less than 1 billion cu. m with the carrying capacity of this line being 1.5 billion cu. m. It should be noted here that Romania proper cannot cover its gas needs from its own sources and imports from Russia 22-42% of gas to meet its domestic needs. According to Bucharest, in case of stopping gas supplies from Russia the internal reserves of the country will be sufficient only for not more than 6 months.

Moldavia invited British Company Canyon Oil and Gas Ltd. that applied hydraulic fracturing technology (HFT) in prospecting shale gas and oil plays in the hope of future commer-

cial scale extraction. The company invested 1 million USD into drilling of two oil wells in the Valena Region in Moldova. Exploitation of one well began in September 2013 and of the second well in the second half of 2014. But the yields of both wells were insignificant.

The company also possesses several sites for gas extraction in Viktorovka and Baimaklia (Cahul Region) located quite near the state border with Romania. The company invested its own money into exploration of these sites and expected to get 80% of revenues from gas output. The remaining share was with Oil and Gas Company «Veliexchimp Ltd». Company Canyon Oil and Gas Ltd. expected to double the yields in Valena by installing additional advanced drilling equipment.

SHALE GAS REQUIRES FURTHER STUDY

In the recent years the post-Soviet countries have not achieved the unified understanding of the state and prospects of shale gas extraction. Scientists had noted that investigations were conducted in the 1940a-1950s on small territories.

The “shale revolution” quickly developing in the USA and having engulfed the post-Soviet countries has not produced the expected effect as yet. In view of the negative environmental consequences the post-Soviet countries are not in a hurry to push extraction of this kind of hydrocarbons.

In Russia the interest to shale gas is reduced to discussions at the expert level as availability of ample traditional gas reserves makes shale gas not so attractive [27]. And the more so as the prime cost of traditional gas is much lower than the expected cost of shale gas [28].

Great wish of Ukraine to start shale gas production and shale gas potential reserves in Moldova raise the issue of the need to coordinate efforts of these two countries in implementation of energy projects. Ukraine has discovered considerable shale gas resources

in the area adjoining the territory of Moldova and proposed to start their production jointly. In addition, Moldova was presented the results of researches and expertise of this energy source. There is also a possibility that shale gas plays may be found not far from Chernovtsy (Ukraine) that is close to the territory of Moldova.

Kazakh government also focuses much attention on shale gas, thus, the Program on Alternative Energy Development in Kazakhstan for the Period of 2012-2030 was prepared. The main targets defined in this program include development and management of alternative energy in Kazakhstan. Astana is not going to neglect alternative energy sources, including shale gas.

In 2014 Kazakhstan planned to launch development of shale gas plays. However these works were postponed due to probable negative consequences for Kazakhstan.

CONCLUSION

Shale gas may change the alignment of forces in the global gas market which may influence foreign and domestic policy of many countries. This applies in full measure to the post-Soviet countries which start looking more closely on this kind of hydrocarbons. It is worth noting that until recently the shale gas was not taken into consideration while developing oil and gas fields [29].

Shale gas production makes alterations in the policy of many world countries provoking the new lines of rivalry and changing cardinally the alignment of forces in the world and regional energy markets. The technologies of shale gas extraction which reserves are available in many world countries, including those which have not been in the group of gas producers, may lead to radical change of the situation. And the more so as many world countries, first of all, major producers and consumers of

hydrocarbons, are involved, directly or indirectly, in shale gas extraction.

The «shale revolution» bears certain challenges for Russia being at the same time the occasion to underline the importance of further development of pipeline projects. Russia is doing its best to assert the idea on the need of their implementation stressing the role of operating and potential projects in improving the energy security of Europe. In their turn, the opponents emphasize the growing role of shale gas which should reduce significantly the need of construction of new pipelines for Russian gas.

The main problem for Gazprom is depletion of gas fields and acute need in large investments into development of new sites: gas fields in Western Siberia have been worked out for more than 50%, while the share of difficult reserves exceeds 60% and goes on growing.

For many post-Soviet countries the shale gas production seems the sole alternative of Russian gas deliveries. In particular, Moldavia feels rather vulnerable in natural gas supplies as Russia is the only source of natural gas. Diversification of energy sources may create prerequisites for lowering the gas prices and developing rivalry to Russian gas. However, such scenario may be realized in the far perspective. Moldavia also takes into consideration the negative environmental impacts of shale gas production and do not force these projects.

Ukraine, for which the attainment of energy independence is a priority issue, tries to address the similar tasks. One of the directions of this policy is development of new hydrocarbon fields, in particular, production of unconventional gas resources (shale gas, coalbed methane, tight gas, etc.). However, the first attempts of Ukraine to develop shale gas plays, including with the assistance of the leading oil and gas companies, have failed. The political risks, lack of accurate data about shale gas reserves

and also lack of the required infrastructure played their role in this failure.

The issues of shale gas production in Kazakhstan are also rather acute. But insufficient geological study of potential plays, lack of explicit legislative regulation of development process, high environmental threats due to imperfection of extraction technologies and high investment risks of shale projects are obstacles for full-scale implementation of the shale development strategy in Kazakhstan. But this does not mean that the country will not take efforts to organize shale gas production. In the nearest decades Kazakhstan is going to take particular steps for development of shale plays available in the country [30].

Shale gas production in the post-Soviet countries may be rather perspective in terms of diversification of gas sources. At the same time, it will be possible to speak about particular plans on shale gas development only after obtaining answers to such questions as prime cost of extraction, possibilities to observe ecological norms. Among main environmental issues of shale gas production there are seismic risks, groundwater pollution, releases into atmosphere, pollution of surface waters and soils.

For increasing the volume of extracted shale gas and improving the energy security the post-Soviet countries should increase capital

investments into exploration and development of oil and gas fields. This will ensure growth of their own hydrocarbon reserves and permit to renovate and update the drilling and oil and gas extraction equipment, to commission new capacities and to intensify production in the existing fields.

Quite burning for the post-Soviet countries is also the issue of technologies which they have not possess so far. One more key issues that is a constraint for shale gas production in Russia is hydraulic fracturing without which commercial scale production of shales is impossible [31]. To obtain certain progress in this sphere the post-Soviet countries should increase considerably the quantity of operating drilling rigs and pumping plants for hydraulic fracturing of formations [32]. It is not accidental that about 2.5 million of HF operations are performed in the world and about 1 million in the USA.

Therefore, for development of unconventional gas reserves on a commercial level it is necessary to conduct geological surveys for their assessment and to verify the prime cost and cost effectiveness of their extraction; to develop modern technologies and engineering facilities for gas extraction and processing; to envisage privileged taxation for geological survey and production companies.

REFERENCES

1. Zhiltsov S.S., editor. *Shale Gas: Ecology, Politics, Economy*. Berlin: Springer; 2017. 250 p.
2. Agafonov I.A. Prospects of Shale Gas Use. *Newsletter of the Samara State University of Economics*. 2014;6:40. (In Russ.)
3. Pimonov E. Grandfathers and Fathers of the "Shale Revolution". *TEC of Russia*. 2014; 2:46-48. (In Russ.)
4. Osipov A.M., Shendrik T.G., Popov A.F., Grishchuk S.V. Natural Shale Gas: Forecasts and Reality. *Contemporary Science*. 2012;1:47. (In Russ.)
5. Rybakova M.P. First Meeting of the Chamber for Commerce and Industry on Shale Gas Development [Internet]. 2012. Available from: <http://tpprf.ru/ru/interaction/committee/komener/news/43007/> [Accessed: 12.11.2017] (In Russ.)
6. State Report «On the State and Use of Mineral Resources in the Russian Federation of 2010».

- Moscow: Ministry of Natural Resources and Ecology; 2011. 112 p. (In Russ.)
7. Gazprom Report and Gas Production in Russia. *Russian Oil and Gas Technologies*. 2014;39:40-50. (In Russ.)
 8. Davtyan V.S. Shale Play Development to Diversify Energy Systems in the Republic of Armenia. *Bulletin of Engineering Academy of Armenia. Special Issue*. 2014;1:62-65. (In Russ.)
 9. Kulikov S. The Europeans «Blow New Bubbles» [Internet]. 2011. Available from: http://www.ng.ru/economics/2011-10-13/4_gaz.html [Accessed: 19.12.2017] (In Russ.)
 10. Zhiltsov S.S., editor. The Shale Flash Mob: Technologies, Ecology, Politics. Moscow: Vostochnaya Kniga; 2013. 176 p. (In Russ.)
 11. Zhiltsov S.S., Nogomova A.S. Russia doesn't support «Shale revolution». *Post-Soviet Issues*. 2015;(4):16-28. (In Russ.)
 12. Zhiltsov S.S., Grigoryants V.E., Ishin A.V., editors. Shale Gas: Facts, Assessments, Forecasts. Simferopol: Tavria; 2012. 136 p. (In Russ.)
 13. Timokhov V.M., Zhiznin M.S. Alternative Revolution [Internet]. 2011. Available from: http://www.ng.ru/energy/2011-11-08/12_revolution.html?mprint [Accessed: 18.11.2017]. (In Russ.)
 14. Shorthand Record of Vladimir Putin in RF State Duma. [Internet]. 2012. <https://ria.ru/economy/20120411/623107721.html> [Accessed: 18.12.2017]. (In Russ.)
 15. Scenarios of Long-Term Forecasts of the Socioeconomic Development of the Russian Federation Until 2030. Moscow. Ministry of Economic Development of Russia. [Internet]. 2012. Available from: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> [Accessed: 21.12.2017]. (In Russ.)
 16. Russia will extract slate gas since 2014. [Internet]. 2012. Available from: <http://www.finmarket.ru/z/news/hotnews.asp?id=3137136> [Accessed: 17.05.2017]. (In Russ.)
 17. Putin V.V. The answer to a question whether Gazprom has overslept a shale gas revolution, no. [Internet]. 2013. Available from: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20130425160403.shtml> [Accessed: 21.11.2017]. (In Russ.)
 18. Chernyak I. The Most Hot Questions – from Crimea. [Internet]. 2014. Available from: <https://rg.ru/2014/04/18/otveti.html> [Accessed: 22.12.2017]. (In Russ.)
 19. James Ch. Shale Oil and Gas Transform America, but the Rest World Is not in a Hurry. *AC*. 2014;1:24-28. (In Russ.)
 20. Zhiltsov S.S. Shale Gas in Russia: New Outlines of the Energy Policy. In: Zhiltsov S.S., editor. Shale Gas: Ecology, Politics, Economy. Berlin: Springer; 2017. p. 185-192. DOI 10.1007/978-3-319-50275-5
 21. Ukolov P.A. Current State of the Russia–EU Energy Relationships. In: Russia in Restructuring the World Energy. Moscow: IMEMO RAS; 2017. p. 13-20. (In Russ.)
 22. Karpova N.S., Lavrov S.N., Simonov A.G. International Gas Projects of Russia: European Alliance and Strategic Alternatives. Moscow: TEIS; 2014. p. 146. (In Russ.)
 23. Ampilov Yu. When the Wide-Scale Shale Oil and Gas Production Can Be Expected in Russia? *Industrial Proceedings*. 2015;3:3-4. (In Russ.)
 24. Samedova E. When “Gazprom” Will Wake Up? *Profil*. 2013;25:6-9. (In Russ.)
 25. Zonn I.S., Zhiltsov S.S. Arctic Rush: Grab and Drill. Moscow: AST; 2013. 264 p. (In Russ.)
 26. Chepoy M., Aparatu S. Opportunities for Strengthening the Energy Security in RM: Natural Gas or Shale Gas. Moldavia: Institute of Social Initiatives Viitorul; 2013. P. 4-16.
 27. Magomet RD. Shale Gas Production. *Proceedings of the Mine Institute*. 2014;27:125-130. (In Russ.)
 28. Martynova A. Obscure Future. Oil and Gas. Moscow: Izvestia; 2015. p. 14-15. (In Russ.)
 29. Nadirov N.K. Unconventional Hydrocarbon Resources of the Republic of Kazakhstan:

- Problems and Some Possible Solutions. *Oil and Gas*. 2013;4(76):58. (In Russ.)
30. Bulekbaev A.A. Unconventional Tight, Methane-Coalbed and Shale Gas. Prospects for Kazakhstan? *Kazenergy Journal*. 2013;1(56):50-59. (In Russ.)
31. Tetelmin V.V., Yazev V.A., Solovyanov A.A. Shale Hydrocarbons. Extraction Technology. Environmental Threats. Dolgoprudny: Intellekt; 2014. p. 142. (In Russ.)
32. Solovyanov A.A. Environmental Impacts of Shale Gas Development. Moscow: The Green Book; 2014. p. 7. (In Russ.)
-
- Статья получена 11.06.2018*
Received 11.06.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов, Доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2;
sszhiltsov@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
sszhiltsov@mail.ru

Игорь С. Зонн, доктор географических наук, академик РАН, Инженерный научно-производственный центр по водному хозяйству мелиорации и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия; 107005, Россия, Москва, ул. Бауманская, д. 43/1;
igorzonn@yandex.ru

Igor S. Zonn, Doctor of Geography, Academician of RANS, Engineering Research Production Center on Water Management, Land Reclamation and Ecology «Sojuzvodproject», Moscow, Russia; bld. 43/1, Baumanskaj str., Moscow 107005, Russia;
igorzonn@yandex.ru

<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-251-267>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Модернизация экономики прикаспийских государств (на примере Казахстана)

Елена М. Кузьмина

*Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской Академии наук, Москва, Россия,
e_kuzmina07@mail.ru*

Аннотация: страны Каспийского региона, возникшие после распада Советского Союза, имеют много общего в своих изначальных ресурсных и экономических условиях. Динамика их развития также во многом идентична. Поэтому в статье рассмотрены процессы модернизации экономики Казахстана за период независимости, как типичного государства региона. Автор исследовал причины выбора ресурсной модели при вхождении в мировую экономику и действия правительства страны по экономической модернизации и началу перехода к инновационно-промышленному развитию.

Ключевые слова: Каспийский регион, модернизация экономики, ресурсная модель развития, программы инновационно-индустриального развития, институты развития, макроэкономические показатели, транспортно-логистическая система, инфраструктурная модернизация

Для цитирования: Кузьмина Е. М. Модернизация экономики прикаспийских государств (на примере Казахстана). *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(3):251-267. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-251-267>

Modernization of the Caspian States economy (Kazakhstan as an example)

Elena M. Kuzmina

*Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e_kuzmina07@mail.ru*

Abstract: The emerged after the collapse of the Soviet Union countries of the Caspian region have much in common in their resource and economic conditions. The dynamics of their development is also largely identical. Therefore, the article considers the processes of modernization

of the Kazakhstan's economy during the independence period as a typical state of the region. The author investigated the reasons for the choice of the resource model in the course of going to the world economy and the government actions on economic modernization and the beginning of the transition to innovation and industrial development.

Keyword: Caspian region, modernization of economy, resource model of development, programs of innovative and industrial development, development institutions, macroeconomic indicators, transport and logistics system, infrastructure modernization

For citation: Kuzmina E.M. Modernization of the Caspian States economy (Kazakhstan as an example). *Post-Soviet Issues*. 2018;5(3):251–267. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-251-267>

ВВЕДЕНИЕ

Экономики прикаспийских государств, возникших после распада Советского союза, однотипны. Они имеют значительные запасы углеводородов, причем значительная их часть располагается на шельфе или на национальных территориях Каспия. Исключение составляет лишь Россия, у которой основные запасы сосредоточены на других территориях. Но Каспийское море — внутренний водоем, не имеющий выходов в океаны. Его глубина не позволяет использовать значительное количество судов для перевалки углеводородов и любых других грузов. Поэтому оно не может использоваться в качестве основного транспортного пути.

Все постсоветские страны этого региона прошли сложный путь разрыва экономических связей некогда единого экономического комплекса. При этом республики испытывали и испытывают дефицит капиталов и технологий. Перед прикаспийскими странами встала задача целенаправленной модернизации экономики для выхода на траекторию эффективного развития, повышения технологического уровня и роста конкурентоспособности. Хотя эти страны различаются по глубине рыночных реформ, но структурные изменения в их экономиках за годы независимости значительны. Все

они серьезно увеличили долю сырьевых товаров и полуфабрикатов в экспорте и долю готовой и в первую очередь, машиностроительной продукции в импорте. Страны региона столкнулись с однотипными проблемами: при ограниченных финансовых возможностях, слаборазвитой производственной и транспортной инфраструктуре необходимо хождение на уже сложившиеся мировые рынки. Это наложило отпечаток на их модели развития и программы модернизации, которые по содержанию оказались во многом однотипными. В Азербайджане, Казахстане и Туркменистане акцент был сделан на развитие традиционных сырьевых отраслей с одновременной индустриализацией и диверсификацией некоторых отраслей экономики.

В статье рассмотрен процесс экономической модернизации Казахстана за период независимости, как типичный пример диверсификации и модернизации экономики постсоветских государств Каспийского региона.

Казахстан обладает значительными запасами углеводородов. По данным Министерства энергетики Казахстана, подтвержденные запасы углеводородов республики, как на суше, так и на шельфе, оцениваются в

пределах 4,8 млрд тонн или более 35 млрд баррелей. Казахстан входит в число 15 ведущих стран мира, обладая 3% мирового запаса нефти. Нефтегазоносные районы занимают 62% площади страны, и представлены 172 нефтяными месторождениями, из которых более 80 находятся в разработке [1]. Казахстан является ведущим производителем многих минеральных продуктов, в том числе урана, феррохрома, титановой губки, кадмия, магния, рения, меди, бокситов, галлия и цинка. Наличие такого количества природных ресурсов дало как позитивный так и негативный эффект для экономики развития страны.

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ 1990-Х ГОДОВ

В 90-е годы XX в., после распада СССР, республика боролась с глубочайшим системным кризисом, который вылился в разрушение существовавшей в стране экономики. С 1991 по 1995 г. ее ВВП сократился более чем на 30% [2]. Страна начала создавать рыночные институты и современную банковскую систему, проводила рыночные реформы во всей социально-экономической сфере. В 1996 г. наметились первые позитивные сдвиги: стало расти промышленное производство, но к 2000 г. достичь уровня 1991 г. так и не удалось — этот показатель был на 21,9 % ниже [2].

В 1991-1995 гг. произошел обвал в инвестиционной сфере. Инвестиции в основной капитал, несмотря на некоторое оживление во второй половине 90-х годов, составляли в 2000 г. соответственно всего лишь 36,2% от уровня 1993 г. [2]. Норма валового накопления основного капитала в 1995-1999 гг. в среднем составляла 18,8% [3]. В 1996 г. наметились первые позитивные сдвиги. В 1997-2000 гг. капиталовложения ежегодно увеличивались более чем на 30%. Столь заметный рост объяснялся в первую очередь чрезвычайно низкой исходной базой. При

этом их объем в 2000 г. составлял лишь 36,2% от уровня 1991 г. При этом в инвестициях ведущую роль играл иностранный капитал, который в основном инвестировал в добывающие отрасли, в первую очередь, в нефтедобычу и ее транзит. В целом валовый приток ПИИ в Казахстан с 1993 г. по 2000 г. увеличился более чем в 2 раза и составил 2782 млн долл., что позволило существенно расширить экспортную базу.

Это способствовало изменению структуры ВВП. Сельское хозяйство сократилось с 26,7% в 1992 г. до 8,7% в 2000 г. При этом услуги выросли с 28,7% до 50,8%, благодаря увеличению торговли, началу транспортировки и транзита углеводородов. Доля промышленности в ВВП сократилась меньше с 44,6% до 40,5% [4]. Однако, изменилась ее структура: стали сокращаться обрабатывающие отрасли и увеличиваться добывающие. Индекс объема промышленного производства в 2000 г. составил лишь 59,9% от уровня 1991 г. Индекс производства обрабатывающей промышленности в 2000 г. сократился на 57,3%, индекс добывающей промышленности вырос на 6,6% [2]. Рост доходов от добывающих отраслей привел и к увеличению золотовалютных запасов страны. Если в 1993 г. они составляли лишь 700 млн долл., то к 2000г. они выросли до 27,4 млрд долл. [5].

2000-Е ГОДЫ: ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ МОДЕРНИЗАЦИИ И РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Ресурсная модель развития обеспечивала экономике быстрый рост, но привела к значительным диспропорциям. На долю сырья и продукции первых переделов уже в первой половине 2000-х годов в общем объеме поставок за рубеж приходилось до 90%. При этом доля переработки нефти составила лишь около 20% от объема ее добычи. В структуре экспорта, осуществ-

вляемого в основном предприятиями с иностранным участием, доля несырьевой продукции сократилась за 2001-2005 гг. почти в два раза — с 11 до 6,1% [6]. Это сделало казахстанскую экономику чувствительной к изменениям конъюнктуры на рынке сырьевых ресурсов.

Постепенный рост экономики и сложившиеся диспропорции заставили правительство Казахстана в начале 2000-х годов впервые задуматься о модернизации экономики, продумать программу индустриального развития страны. Руководство страны намеревалось укрепить межотраслевую и межрегиональную интеграцию, приступить к развитию эффективного внутреннего рынка потребительских товаров и услуг, заняться развитием логистики и социальной инфраструктуры. Необходимо было также преодолеть старение основных фондов и низкую инновационность экономики [7].

Необходимо было исправлять эти диспропорции. В 2003 г. была принята «Стратегия индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003-2015 гг.». Основной ее задачей стало обеспечение перехода к политике стимулирования и повышения конкурентоспособности национальной экономики, диверсификации ее структуры и структуры экспорта. В стране были созданы институты развития, которые должны были способствовать проведению модернизации национальной экономики. В 2003-2004 гг. были сформированы: Казахстанский инвестиционный фонд, Банк Развития Казахстана, Национальный инновационный фонд, Корпорация по страхованию экспорта, Центр маркетинговых и аналитических исследований, Фонд науки, Центр инжиниринга и трансферта технологий.

Уже на начальном этапе реализации Стратегии стало понятно, что созданных институтов развития недостаточно и в 2006

г. произошло их существенное расширение. Был принят закон «О государственной поддержке инновационной деятельности в РК», определивший дальнейшие шаги по созданию инновационной инфраструктуры. Для управления государственными активами Правительство создало государственные финансовые холдинги: «Самрук»¹, «Казына»², «КазАгро»³. В Программе Правительства на 2006-2008 гг. приоритетными направлениями инвестирования были названы: информационные технологии, альтернативные источники энергии, биотехнологии и фармацевтика, новые материалы и нанотехнологии, новые технологии для углеводородного сектора и связанных с ним сервисных отраслей [8].

В 2007 г. начали функционировать Государственная комиссия по модернизации экономики страны и рабочая группа из представителей государства, предпринимательской корпорации «Сарыарка» и Общенационального союза предпринимателей и работодателей «Атамекен». Правительство приняло программу «30 корпоративных лидеров», включающую в себя поддержку инвестиционных проектов и производств в несырьевых секторах экономики [9]. В этот период также был создан консультативно-совещательный Совет национальных инвесторов при Президенте [10].

Для обеспечения диверсификации экономического развития предполагалось сконцентрировать усилия на реализации кластеров сервисно-инфраструктурного характера, производств с высоким технологическим переделом, а также на созда-

¹ обеспечивал повышение конкурентных преимуществ в зарубежных операциях

² реализовывал стратегию по поддержке экспортных операций малого, среднего и крупного бизнеса

³ финансировал сельхозпроизводителей, имеющих экспортных потенциал

нии новых отраслей. Приняты программы технологического развития республики до 2015 г. и развития науки на 2007-2012 г. К концу 2008 г. действовали 6 региональных технопарков, 12 технологических бизнес-инкубаторов и сервисно-технологических центров, создано 6 Специальных экономических зон (СЭЗ) [11].

В результате в 2000-2007 гг. темпы экономического роста республики были одними из самых высоких в мире — более 10%. Индекс физического объема ВВП в 2007 г. по сравнению с 1991 г. вырос до 159,2% [2]. В 2000 г. приток ПИИ в казахстанскую экономику составил 2,78 млрд долл. и до 2009 г. их объемы росли ежегодно в разы. Этому в немалой степени способствовало и принятие в 2003 г. нового Закона «Об инвестициях». Благодаря высоким доходам от добывающих отраслей и притокам иностранных инвестиций достаточно быстро росли международные резервы страны и составили на конец 2007 г. 38,6 млрд долл. [11]. Столь же быстрыми темпами рос валовый внешний долг Казахстана. К 2008 г. несмотря на все усилия правительства [11] он составлял 80%⁴, что является критическим показателем для любой экономики. Необходимо отметить, что столь высокий его уровень создали не государственные долги, а заимствования банков и предприятий [12].

МИРОВОЙ КРИЗИС 2008-2009 ГОДОВ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Разразившийся в 2008 г. мировой кризис особо остро высветил эти дисбалансы и серьезно повлиял на казахстанскую экономику. В 2008-2009 гг. макроэкономические показатели резко упали, что заставило вла-

сти корректировать свои действия и планы на будущее. Антикризисные меры, утвержденные в конце 2008 г. включали в себя: создание Фонда национального благосостояния «Сарук-Казына» (ФСК) с общей капитализацией порядка 30–35 млрд долл., объединивший все действовавшие институты развития, учреждение Казахстанской ассоциации антикризисных управляющих, усиление государственного контроля в недропользовании и ценах на топливо. На 2009 г. был принят план действий по стабилизации экономики. Он предполагал поддержку малого и среднего бизнеса, системообразующих банков, рынка недвижимости, агропромышленной сферы, поддержку ряда инновационных и промышленных проектов [13]. На эти цели ФСК выделил 10 млрд долл.

Стало понятно, что национальная экономика зависима от интересов ТНК и перед правительством встала задача разработать механизм защиты государственных интересов. Государство решило поддержать производственную сферу, вложив 54 млрд долл. в 45 проектов [14]. В государственную собственность были возвращены Экибастузская ГРЭС-1, разрез «Богатырь», доля в проекте «Кашаган», «Мангистаумунайгаз» и три действующих НПЗ. Это привело к значительному сокращению фонда национального благосостояния и уже в начале 2009 г. стала ощущаться нехватка средств, сократилась инвестиционная привлекательность казахстанской экономики.

К 2010 г. ВВП страны по отношению к 1991 г. выросло на 172,9% [2]. Доля промышленности в ВВП при этом составила 42,9% (+2,4% по отношению к 2000 г.), доля услуг — 51,7% (+0,9%). А доля сельского хозяйства сократилась почти в 2 раза до 4,5% [15].

Для преодоления ситуации были приняты Концепция индустриально-

⁴ Критический предел валового внешнего долга составляет 80% от ВВП.

инновационного развития на 2010-2014 гг. с перспективой до 2030 г. [16] и Концепция развития финансового сектора в посткризисный период. В 2009 г. проведена налоговая реформа для возможностей модернизации и диверсификации экономики, а также выхода бизнеса из тени. Новый Налоговый кодекс позволил снизить общую нагрузку для несырьевых секторов экономики [11].

В 2010-2011 гг. начался постепенный экономический рост из-за вновь возросшего спроса на сырье на мировых рынках и внутреннего потребительского спроса. В конце 2009 г. была утверждена пятилетняя государственная Программа форсированного индустриально-инновационного развития (ГПФИИР). Акцент в ней был сделан на значительное усиление обрабатывающей промышленности и увеличение производительности труда в полтора раза. Для этого предполагались инвестиции при участии и/или льготах со стороны государства более 300 проектов в приоритетных отраслях на общую сумму 60 млрд долл. В частности, в машиностроении предполагалось создание импортозамещающих производств. Это было связано с тем, что импорт такой продукции в ценовом измерении был в 15 раз больше чем национальное производство. В стране открываются сборочные производства, использующие импортные комплектующие, например, тепловозсборочный завод в Астане, завод по крупноузловой сборке коммерческих грузовиков Hyundai Autotrans в Алматы [11].

По официальным данным уже в 2011 г. достигнут предусмотренный в ГПФИИР индикатор по увеличению ВВП к 2015 г. относительно 2008 г. на 15% в реальном выражении. В 2012 г. в рамках программы реализовано 136 проектов на общую сумму около 3 млрд долл. Среди крупнейших проектов — нефтехимические объекты в Атырау по выпуску этилена и полиэтиле-

на, российско-казахстанское СП по производству фосфорных удобрений [11].

По итогам 2012 г. экономический рост замедлился до 5% из-за ослабления спроса на мировых рынках на сырьевые товары, технических сложностей в нефтяном секторе и спада в сельском хозяйстве [17]. Для расширения возможностей бизнеса в 2012 г. начата бюджетная программа «Дорожная карта бизнеса – 2020» [3] по развитию предпринимательства в регионах с созданием там центров экономического роста на основе специализации⁵.

Представленная Президентом в декабре 2012 г. Стратегия «Казахстан-2050» [18] предполагала новую экономическую политику в макроэкономической, налогово-бюджетной и денежно-кредитной сферах, индустриализации и развития инфраструктуры, недопользования, управления государственными активами. Будет также продолжен курс на поддержку предпринимательства, расширение механизмов государственно-частного партнерства и корректировку роли государства в хозяйственной деятельности.

Предполагается, что к 2050 г. Казахстан добьется следующих результатов: ВВП на душу населения — не менее 60 тыс. долл.; рост доли перерабатывающих и производственных секторов в ВВП с 32% до 70%; производительность труда увеличится в 5 раз до 126,5 тыс. долл. на человека, объем расходов на научные исследования и инновационные разработки возрастет с 0,2% до 3% от ВВП; до 30-го места в международных рейтингах должны быть подняты: эффективность системы гос. управления

⁵ В западном Казахстане акцент сделан на развитие нефтяного сектора, химической промышленности, производства оборудования и транспортных средств. В центре, на севере, юге и востоке — на металлургические, ядерные комплексы, химическую и сельскохозяйственную промышленность.

(с 116-го места), индекс легкости ведения бизнеса (с 49-го), индекс коррупционности Transparency International (с 133-го). Снижение энергоемкости ВВП с 0,4 до 0,2 т условного топлива на 1 тыс. долл.; демографический рост с 17 до 21 (25) млн человек при увеличении средней продолжительности жизни с 69,6 до 84 лет; улучшение рейтинга Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA) с 398 до 500 баллов; снижение уровня преступности на 90%; увеличение объема торговли с 12–14 до 40–45 млрд долл. между странами среднеазиатского региона; увеличение доли подготовки в казахстанских вузах иностранных студентов с 1 до 15% [19].

В 2013 г. принята Концепция по вхождению Казахстана в число 30 развитых государств мира [20], согласно которой такого результата Казахстан должен добиться к 2025 г.

В августе 2014 г. Президент РК Н. Назарбаев подписал Указ «Об утверждении Государственной программы индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 годы». Она предполагает достижение к 2019 г. следующих экономических показателей относительно уровня 2012 г.: прироста объемов продукции обрабатывающей промышленности на 43%; роста валовой добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности не менее чем в 1,4 раза; роста стоимостного объема несырьевого экспорта не менее чем в 1,1 раза; снижения энергоемкости обрабатывающей промышленности не менее чем на 15%. К приоритетным отраслям развития отнесены: черная и цветная металлургия, нефтепереработка, нефтегазохимия, агрохимия, производство продуктов питания, химикатов для промышленности, автотранспортных средств и их двигателей, электрооборудование, сельскохозяйствен-

ной и железнодорожной техники, производство машин и оборудования для горнодобывающей, нефтеперерабатывающей и нефтедобывающей промышленности, строительных материалов, а также отрасли мобильных и мультимедийных, нано- и космических технологий, робототехники, геномной инженерии, поиска и открытия энергии будущего [21].

Одним из базовых направлений модернизации экономики страны стало развитие транспортной инфраструктуры. О необходимости расширения транспортной сети внутри страны и ее встраивания в международные транспортные коридоры в Казахстане заговорили еще в конце 1990-х годов. Однако интенсивное транспортное строительство началось лишь осенью 2012 г., когда президент Н. Назарбаев инициировал проект «Новый Шелковый путь» [22], в рамках которого запущен пилотный контейнерный поезд по маршруту Ухань (КНР) — Пардубице (Чехия) [23].

Казахстан пытается преодолеть свое континентальное положение и отсутствие выходов к океану, используя свое транзитное положение в рамках строящихся международных транспортных коридоров, которые позволяют значительно сократить расстояние и сроки доставки грузов в сообщении Восток — Запад⁶. Кроме того модерниза-

⁶ По территории страны проходит четыре международных железнодорожных коридора: Северный коридор Трансазиатской железнодорожной магистрали (ТАЖМ): Западная Европа — Китай, Корейский полуостров и Япония через Россию и Казахстан (на участке Достык — Актогай — Саяк — Мионты — Астана — Петропавловск (Пресногорьковская)); Южный коридор ТАЖМ: Юго-Восточная Европа — Китай и Юго-Восточная Азия через Турцию, Иран, страны Центральной Азии и Казахстан (на участке Достык — Актогай — Алматы — Шу — Арысь — Сарыагаш); ТРАСЕКА: Восточная Европа — Центральная Азия через Черное море, Кавказ и Каспийское море (на участке Достык — Алматы — Актау); Север-Юг: Север-

ция транспортной сети была обусловлена высокой долей транспортной составляющей в производственных издержках [12]. Изменения в транспортной инфраструктуре обеспечат укрепление межрегиональных и международных экономических связей Казахстана.

В 2013 г. принята государственная программа по развитию транспортной инфраструктуры до 2020 г., которая предусматривает внедрение национальных стандартов качества услуг пассажирских перевозок, авто- и железнодорожных вокзалов, аэродромов⁷.

В ноябре 2014 г. была озвучена программа Новой экономической политики «Нұрлы Жол», стержнем которой стал пятилетний план инфраструктурного развития. Ключевыми задачами программы стали не только создание эффективной транспортно-логистической инфраструктуры по «лучевому» принципу, но и развитие индустриальной, энергетической и туристской инфраструктуры; модернизация (реконструкция и строительство) инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства и систем тепло-, водоснабжения и водоотведения; повышение доступности жилья для граждан; развитие инфраструктуры сферы образования; повышение конкурентоспо-

собности субъектов предпринимательства; поддержка отечественного машиностроения; поддержка экспорта; повышение конкурентоспособности субъектов АПК; обеспечение инфраструктурой проектов Дорожной карты бизнеса — 2020; обеспечение безопасности качества продукции через развитие лабораторных баз; обеспечение изученности территории Казахстана с оценкой прогнозных ресурсов [24].

В разделе транспорта Программы упор сделан на автодорожные проекты, создание логистического хаба «Хоргос» на востоке и морской инфраструктуры на западе страны с увеличением терминальных мощностей в «сухих» и морских портах Китая, Ирана, России и стран ЕС. Общая сумма инвестиций составит почти 32,5 млрд долл., из них доля государства — 4,8 млрд долл. [25]. Предусматривалось также строительство новых железнодорожных линий протяженностью 2300 км, а также электрификация существующих железнодорожных участков (1400 км). Одной из задач Программы стало увеличение транзитных перевозок через Казахстан к 2020 г. в 2 раза, а к 2050 г. — в 10 раз. Улучшение инфраструктуры предполагалось и в гражданской авиации [24].

ИЗМЕНЕНИЕ КОНЪЮНКТУРЫ МИРОВЫХ РЫНКОВ В 2015 Г. И ДЕЙСТВИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ФОРМИРОВАНИЮ СЕРВИСТНО-ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

2015 г. подтвердил серьезность опасений правительства страны в отношении ее сырьевой направленности. В этот период происходит обвал цен на основные экспортные товары — на углеводороды и металлы. В 2015 г. средняя цена на марку Urals составляла 51,23 долл. за баррель, что на 47,5% меньше, чем в 2014 г. (цена в среднем составляла 97,60 долл. за баррель). Примерно такой же процент падения

ная Европа — страны Персидского залива через Россию и Иран с участием Казахстана на участках морской порт Актау — уральские регионы России и Актау — Атырау. Через Казахстан проходят пять международных автомобильных маршрутов, общей протяженностью 23 тыс км: Алматы — Астана — Костанай — Челябинск; Алматы — Петропавловск — Омск; Алматы — Семей — Павлодар — Омск; Алматы — Шымкент — Ташкент; Шымкент — Актобе — Уральск — Самара.

⁷ К 2020 г. запланировано строительство новых 9 автовокзалов и 61 автостанции, 733 пунктов обслуживания пассажиров в селах и аулах. Будут приведены в соответствие со стандартами 34 автовокзала и 138 автостанций, проведены ремонтные работы 300 ж/д вокзалов и реконструированы 14 аэропортов.

цен был и на марки WTI и Brent. Ситуацию усугубило падение рынка металлов: цена на золото снизилась за 2015 г. на 16%, на медь — 14,5%, на алюминий — 18%, никель — 17%. Черные металлы тоже достаточно сильно просели в ценах [4]. Более того, происходила девальвация валют России и Китая — основных торговых партнеров страны и сокращение их потребности в казахстанских товарах. Это отразилось на макроэкономических показателях Казахстана. Если в 2014 г. ВВП страны составлял 217,9 млрд долл., то в 2015 г. — лишь 183,8 млрд долл. Сократился этот показатель и на душу населения: 12601,6 долл. т 10478,2 долл. соответственно [2]. Однако, ВВП по отношению к 1991 г. в 2015 г. составил 216% [2], а его показатель на душу населения по паритету покупательной способности сохранил свои позиции (25876,5 долл.) по отношению к 2014 г. (25869,2 долл.) [26]. Валовой приток ПИИ в казахстанскую экономику в 2015 г. сократился до 15170 млн долл. по сравнению с 23726 млн долл. в 2014 г. При этом более половины объема ПИИ приходится на разведочные работы, которые в основном ведутся иностранными компаниями [27].

Произошло и сокращение международных резервов Казахстана, включая валовые золотовалютные резервы (ЗВР) Национального банка и активы Национального фонда, с 102,452 млрд долл. до 91,581 млрд долл. (-10,6%) [28]. Это было связано, как с сокращением поступлений в казну в связи с падением цен на основные экспортные товары, так и использованием части резервов на поддержание курса тенге и проведение программных экономических реформ.

Доля промышленности в ВВП в 2015 г. составила лишь 33,9%, сократившись на 9% с 2010 г. (42,9%) при росте доли услуг до 59,3% и незначительном увеличении доли сельского хозяйства (+0,2%) [4]. Сле-

дует обратить внимание на то, что индекс объема промышленности по отношению к 1991 г. хоть и составил 127,6%, но сократился по сравнению с 2014 г. (129,5%). Спад промышленного производства в 2015 г. произошел из-за значительного сокращения в добывающих отраслях в связи с ослаблением экономического роста основных потребителей казахстанских углеводородов и металлов — Китая и России. А обрабатывающие отрасли промышленности по объему производства хоть и выросли более чем в 2 раза с 2000 г. по 2015 г., но не достигли уровня 1991 г., составив лишь 88,8% [2].

Это свидетельствует о том, что экономические показатели падали в большей степени из-за того, что резко сократилась экспортная выручка в ценовом формате, резко сократились те огромные доходы, которые шли в государственные бюджеты и способствовали укреплению социальных расходов, и развитию промышленных отраслей. А значит, нужно было искать новые источники финансирования широкомасштабных программ модернизации. Правда, нужно помнить, что ряд больших проектов уже имел инвестиции, рассчитанные на несколько лет вперед.

Несмотря на описанные проблемы, Казахстан продолжил искать пути модернизации экономики для формирования инновационно-индустриальной модели развития. В 2015 г. была разработана Программа «100 шагов» [29], рассчитанная на 10 государственного аппарата для сокращения его коррупции и создания транспарентного подотчетного государства, другой блок предполагает реформу законодательства для усиления подотчетности судей и формирование Международного арбитражного центра в Астане. В области индустриализации и экономического роста предполагаются создание современной инфраструктуры — транспортной, энерге-

тической и финансовой, развитие агропромышленного комплекса, инновационных производств и совершенствование системы образования. Цикл реформ под названием «Нация единого будущего» предполагает мероприятия по консолидации гражданского общества на базе создания региональных культурно-туристских кластеров.

Предложенные реформы масштабны. Речь идет не только о промышленных проектах, но и об изменении налоговой системы, о программе по совершенствованию таможенных процедур, финансовой инфраструктуры. Определена целая программа по открытости национальной экономики. Практическое воплощение данной программы начато с инфраструктурных транспортных проектов, например, проект по созданию мультимодального Евразийского трансконтинентального коридора по транзиту грузов из Азии в Европу. Другое направление — создание международного финансового центра в Астане (AIFC) на базе инфраструктуры ASTANA EXPO-2017.

Серьезная заявка на создание в приоритетных секторах экономики совместных предприятий с «якорными инвесторами» — международными стратегическими партнерами. В дальнейшем доля государства в совместных предприятиях будет выведена на IPO. Помимо прочего, предлагается создать благоприятный миграционный режим для высококвалифицированных специалистов из-за рубежа.

2015 г. стал знаковым для Казахстана в вопросах расширения своих международных экономических связей, необходимых для модернизации национальной экономики и укрепления экспортных возможностей. Во-первых, он совместно с Россией и Белоруссией создал Евразийский экономический союз, который способствовал республике не только в расширении рынков сбыта своих товаров, но и продвиже-

нию в создании общих рынков некоторых видов продукции. Так, с 1 января 2016 г. начал функционировать общий рынок лекарственных препаратов ЕАЭС. По оценкам специалистов, вступление Казахстана в ЕАЭС уже повлияло на лекарственный рынок в положительном ключе. По словам главы ассоциации производителей фармацевтической и медицинской продукции «ФармМедИндустрия Казахстана» С. Султанова: «из-за создания общего рынка в 170 млн человек к нам пришли инвесторы. С 2010 г. мы начали активно строить новые заводы по выпуску лекарственных средств, изделий медицинского назначения, хотя раньше инвесторов привлечь было нерентабельно» [4]. Но самая большая экономическая выгода, которую Казахстан получит от членства в ЕАЭС — использование своего транзитного потенциала и единых транспортных тарифов на пространстве Союза. Развитая транспортная инфраструктура должна способствовать расширению производств, увеличению их мощности и повышению товарооборота как внутри страны, так и за ее пределами. При использовании транзитного потенциала и обеспечение благоприятных условий для прохождения груза по территории страны, Казахстан будет более интегрирован в мирохозяйственные связи. Именно эта цель ставится во всех государственных документах развития. В рамках ЕАЭС идет процесс унификации транзитных тарифов железных дорог. В случае перевозки грузов через морские порты унифицированный тариф составит 19,44 долл. за 1 т на 500 км, а транзитный — 33,76 долл. [30]. Если ранее при транспортировке казахстанских грузов транзитом через Россию с выходом на российские порты, ОАО «Российские железные дороги» («РЖД») применяло унифицированный тариф, то и в случае перевозки российских или белорусских грузов транзитом через

Казахстан с выходом на порт Актау, АО «НК «КТЖ» будет применять унифицированный тариф. В связи с этим, в среднем экономия казахстанских грузоотправителей составит 14,32 долл. за каждую перевезенную тонну. В настоящее время решение данного вопроса проходит обработку среди участников ЕАЭС.

Это сопрягается и с другим важным шагом сделанным Казахстаном в 2015 г. — согласованием программы «Нұрлы Жол» с заявлением Китая и инициативы «Один пояс — один путь». Причем речь идет не только о совместном строительстве транспортных коммуникаций и создании транзитной логистической сети, но и о сотрудничестве в производственной сфере. В рамках казахско-китайских соглашений решено построить 52 новых промышленных объекта на территории страны.

Третьим серьезным решением в 2015 г. стало вступление страны в ВТО. Условия его вступления стали более либеральными, чем в ЕАЭС. Тарифная ставка для страны — 6,5%, для остальных государств более 10%, средневзвешенный тариф для промышленных товаров в Казахстане 5,6% а для ЕАЭС 8,7%. Для Казахстана такая ставка не критична, т.к. страна не имеет собственного развитого машиностроения. Более низкие ставки позволяют казахским предприятиям не переплачивать за продукцию, имеющую производственное назначение, что стимулирует деловую и потребительскую активность. По сельскохозяйственным продуктам средний тариф для Казахстана составит 10,2%, тогда как для прочих стран Евразийского союза — 17% [31].

Кроме того, республика обязалась либерализовать условия работы на внутреннем рынке услуг. В результате с 2017 г. иностранные компании могут полностью приобретать местных операторов междугородной и международной связи, а зарубежные

банки к 2020 г. получают право напрямую открывать свои филиалы и вести в республике банковский бизнес [4].

В последующие годы экономические планы страны конкретизировались в статьях [32] и посланиях [19] Президента, а также в новых программах развития отраслей экономики. По мнению президента, третья модернизация, которая была им продекларирована в 2017 г. — не план борьбы с текущими глобальными вызовами, а надежный мост в будущее. Сегодня в Казахстане реализуется Программа индустриализации, принята комплексная программа «Цифровой Казахстан». Для вхождения в четвертую промышленную революцию, по его мнению, Казахстану необходимо решить семь задач. Во-первых, индустриализация должна стать флагманом внедрения новых технологий. Для этого необходимо проводить цифровизацию предприятий с ориентацией на экспорт продукции, стимулировать трансферт технологий, в полной мере использовать такие инновационные центры, как Назарбаев Университет, МФЦА и Международный технопарк IT-стартапов, развивать IT- и инжиниринговые услуги, выработать согласованную политику по трудоустройству высвобождаемой рабочей силы. Во-вторых, дальнейшее развитие ресурсного потенциала при критическом переосмыслении организации сырьевых индустрий, подходов к управлению природными ресурсами и повышению требований к энергоэффективности и энергосбережению, а также экологичности. Большое значение придается возобновляемым источникам энергии (ВИЭ и доведение ее доли альтернативной энергии в Казахстане до 30% к 2030 году). В-третьих, развитие агропромышленного комплекса для увеличения экспорта переработанной сельскохозяйственной продукции и высококачественной готовой продукции в 2,5 раза.

В-четвертых, повышение эффективности транспортно-логистической инфраструктуры. Предполагается довести ежегодные доходы от транзита в 2020 г. до 5 млрд долл. с внедрением интеллектуальной транспортной системы. В-пятых, внедрение современных технологий в строительстве и коммунальном секторе. В-шестых, «перезагрузка» финансового сектора. Для этого необходимо завершить очистку банковского портфеля от «плохих» кредитов, решить вопрос обеспечения долгосрочного кредитования бизнеса по ставкам, учитывающим реальную рентабельность в отраслях экономики, дальше улучшить инвестиционный климат и развить фондовый рынок, сделать МФЦ «Астана» региональным хабом, применяющим английское право и современные финансовые технологии. В-седьмых, внедрить новое качество образования, соответствующее новому технологическому укладу мировой экономики [33].

В результате к началу 2018 г. были реконструированы все аэропорты страны, построено два морских порта на Каспийском море, появилось два железнодорожных перехода от КНР, построена автотрасса первой категории от границы Китая через Казахстан в Европу — почти в 3 тыс. км. Построена железнодорожная магистраль, протяженностью 1,5 тыс. км, от Китая до Каспийского моря, железная дорога через Туркменистан в Иран и далее в Персидский залив в порт Бендер-Аббас, автомагистрали Астана — Караганда — Алматы, Астана — Павлодар — Усть-Каменогорск, Алматы — Капчагай — Усть-Каменогорск. Продлен железнодорожный маршрут «Алматы — Екатеринбург», продлен от Алматы до Казани [34]. Транзит грузов через Казахстан в 2017 г. достиг 17 млн т. Начал свою работу Международный финансовый центр «Астана». Было подписано соглашение Китаем о строительстве 51 нового

предприятия в Казахстане с согласованным объемом китайских инвестиций в 26 млрд долларов [8]. Однако, сложно понять о каких проектах идет речь, поскольку их список так и не был опубликован. Однозначно можно только говорить об отраслях, в которых эти проекты предполагались: химическая промышленность, машиностроение, металлургия, производство электроэнергии и стройматериалов, топливно-энергетический комплекс и транспортная инфраструктура. По данным казахстанского исследователя К. Сыроежкина, к 2018 г. были реализованы следующие проекты: модернизация установок производства порошкового полипропилена в Павлодарской области, автомобильный завод крупно-узловой сборки JAC, завод по производству стекла в Алматинской области. В стадии реализации находятся Химпарк «Тараз», производство калийных удобрений в Актобинской и Западно-Казахстанской областях, горно-химико-металлургический комплекс на базе титаномагнетитового месторождения «Тымлай» на территории СЭЗ «Павлодар», проект по созданию производства стальных сварных труб большого диаметра в Алматы, строительство цементного завода в Кызылординской области, интегрированный газохимический комплекс в Атырауской области, проекты в транспортной сфере Астаны и Алматы, транспортно-логистический центр в СКО и проект покрытия территории Казахстана сетью оптоволоконных кабелей [35].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ программ развития показывает не только их модернизацию в связи с изменяющейся ситуацией в мировой экономике и выявлением недостатков в ранее принятых национальных программах, но и перетекаемость проблем развития экономики, особенно его производствен-

ной части, и определенной повторяемости мер их преодоления. Это подтверждается и статистикой. Несмотря на проводимы преобразования, доля промышленности в ВВП в 2017 г. сократилась (32%) не только по отношению к 1992 г. (44%), но и по отношению к 2014 г. (36%) [15]. Драйвером роста промышленности опять оказались добывающие отрасли: индекс объема производства горнодобывающей промышленности в 2017 г. по отношению к 1991 г. составил 255,1%, увеличившись по сравнению с 2014 г. на 9,1%. В тоже время этот показатель по обрабатывающей промышленности хоть и вырос с 88,6% в 2014 г. до 93,9% в 2017 г., однако не достиг уровня 1991 г. [2].

Динамика внешней торговли также свидетельствует о том, что программа по снижению сырьевой зависимости казах-

станской экономики не приносит должных результатов. Доля минеральных продуктов в экспорте страны в 2017 г. была самой значимой и составила 68,6%, хотя она сократилась по сравнению с 2015 г. на 2%. Вторую по величине доли в экспорте составляют металлы и изделия из них — 18,1%. В тоже время, машины, оборудование, транспортные средства, приборы и аппараты — лишь 1,3%, даже уменьшившись по сравнению с 2015 г. (1,8%) [35].

Вместе с тем 14 лет (2003-2017 гг.) — это не столь большой срок для полной диверсификации и модернизации любой экономики, особенно учитывая перманентные кризисные явления в мировой экономике, начиная с 2007 г., которые серьезно отразились на казахской экономике.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Васильев И. Геологоразведка в Казахстане: инвестиции в будущее. URL: <https://www.kursiv.kz/news/industry-issues/geologorazvedka-v-kazahstane-investicii-v-budusee/> (дата обращения — 26.07.2018)
2. Динамика основных социально-экономических показателей Республики Казахстан. Комитет по статистике Республики Казахстан 24.05.2018. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeDinamika.pokazateli?_afzLoop=5049886806710723#%40%3F_afzLoop%3D5049886806710723%26_adf_ctrl-state%3D347fzkxxd_71 (дата обращения 26.07.2018)
3. Дорожная карта бизнеса 2020. Офиц. сайт Премьер-министра Республики Казахстан. URL: https://primeminister.kz/page/article_item-88 (дата обращения — 20.10.2016)
4. Кузьмина Е. Казахстан в Евразийском экономическом союзе: проблемы и возможности. *Евразийский юридический журнал*. 2016;7:29-35
5. Выступление Председателя Национального Банка Республики Казахстан Данияра Акишева на пресс-конференции 21.01.2016 года. Национальный Банк Республики Казахстан. Офиц. сайт. URL: <http://www.nationalbank.kz/document/?docid=5417&switch=rus>
6. Ашимбаева А. Старые проблемы новой экономики Казахстана. *Капитал*. 2007;21(108):5.
7. Социально-экономическое развитие постсоветских стран: итоги двадцатилетия. Москва: Институт экономики РАН; 2012. С. 249
8. Программа правительства республики Казахстан на 2006-2008 гг. *Казахстанская правда*. 2006. 1 апр.
9. Программа «30 корпоративных лидеров» — путь к превращению ведущих отечественных компаний в современные транснациональные корпорации. URL: <http://www.zakon.kz/97007-programma-30-korporativnykh-liderov-put.html> (дата обращения 31.07.2018)

10. Совет национальных инвесторов. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: http://www.akorda.kz/ru/executive_office/presidential_councils/sovet-nacionalnyh-investorov (дата обращения — 20.10.2015)
11. Постсоциалистический мир: итоги трансформации / Под общ. Ред. С.П. Глинкиной: в 3 т. Санкт-Петербург: Алетей; 2017. Т.2. Постсоветские государства. 454 с.
12. Кузьмина Е.М. Транспортная система Казахстана в свете решения задач модернизации экономики страны. *Международная экономика*. 2014;4:42.
13. Акишев Д. Своевременные меры НБК, АФН и правительства обеспечили «мягкую» посадку ответственных банков. *Деловой Казахстан*. 2009. 9 янв.
14. Богданов Е., Чубуткина О. Место денег изменить нельзя. URL: <http://expert.ru/kazakhstan/2009/19/investicionnaya-privlekatelnost/> (дата обращения — 25.07.2018)
15. Мировые индикаторы развития. Казахстан. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&country=KAZ&series=&period=> (дата обращения — 26.07.2018)
16. Государственная программа форсированного индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2010-2014 годы. URL: <https://refdb.ru/look/1140675-pall.html>
17. Макромонитор СНГ. Аналитическое управление Евразийского банка развития. 2013. Март. URL: http://www.eabr.org/general/upload/docs/82_2013_1.pdf (дата обращения 10.11.2015)
18. Стратегия Казахстан 2050. URL: https://strategy2050.kz/ru/page/message_text (дата обращения — 01.08.2018)
19. Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 31 января 2017 г. URL: [kazakhstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-31-yanvara-2017-g](http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-31-yanvara-2017-g)
20. Концепция по вхождению Казахстана в число 30 самых развитых государств мира. Указ Президента Республики Казахстан от 17 января 2014 года №732. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000732> (дата обращения — 20.07.2018)
21. Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015-2019 годы. URL: <http://reestr.palata.kz/uploads/files/09c8cbc3b807da9b98a1aa62b71f7677.pdf>
22. В Алматы презентовали стратегию транспортно-логистической системы Казахстана. *Today.kz*. 2012. 21 сент.
23. КТЖ запустила первый контейнерный поезд Азия — Европа в рамках проекта «Новый Шелковый Путь». *Zakon.kz*. 2012. 12 нояб.
24. Государственная программа инфраструктурного развития «Нұрлы жол» на 2015 - 2019 годы. URL: <http://www.kfm.gov.kz/ru/activity/strategy-and-program/state-program-on-infrastructure-development-nurly.html> (дата обращения — 31.07.2018)
25. Северянин М. Новая Экономическая политика «Нұрлы Жол» станет двигателем роста нашей экономики. URL: <http://www.zakon.kz/4667625-novaja-jekonomicheskaja-politika.html> (дата обращения — 25.07.2018)
26. Данные Всемирного Банка. URL: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=NY.GNP.PCAP.CD&id=af3ce82b&report_name=Popular_indicators&populartype=series&ispopular=y (дата обращения — 26.07.2018)
27. Объем притока прямых иностранных инвестиций в Казахстан в 2014 году составил 9,6 млрд долл. URL: <http://www.analitika.kz/tz/28590-21072015-obem-pritoka-pryamyx-inostrannyx-investiczij-v-kazaxstan-v-2014-godu-sostavil-96-mlrd-doll> (дата обращения — 21.11.2016)

28. Активы Национального фонда РК за 2015 сократились на \$9,7 млрд. URL: http://forbes.kz/stats/aktivyi_natsionalnogo_fonda_rk_za_2015_sokratilis_na_97_mlrd
29. Сто конкретных шагов Президента Н.Назарбаева — полная версия. URL: <http://www.zakon.kz/4713070-sto-konkretnykh-shagov-prezidenta.html> (дата обращения — 01.08.2018)
30. Назарнулы А. Шаги на пути в 30-ку развитых стран мира. Взгляд молодых. URL: <http://yvision.kz/post/446613> (дата обращения — 10.10.2016)
31. Соков К. Как Казахстан совместит членство в ВТО и ЕАЭС. URL: <http://www.ritmearasia.org/news--2016-02-16--kak-kazahstan-sovmestit-chlenstvo-v-vto-i-caes-21928> (дата обращения — 26.07.2018)
32. Назарбаев Н. План нации — Путь к казахстанской мечте. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1600000001> (дата обращения — 20.22.2016)
33. Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 10 января 2018 г. URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-n-nazarbaeva-narodu-kazahstana-10-yanvarya-2018-g
34. Амирханов С. 7,5 тысяч дорог будет построено в РК в рамках «Нурлы жол». URL: <https://www.kursiv.kz/news/industry-issues/75-tysac-dorog-budet-postroeno-v-rk-v-ramkah-nurly-zol/> (дата обращения — 29.07.2018)
35. Сыроежкин К.Л. Проблемы сопряжения ЭППШ и «Нурлыжол». В.: Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Сб. ст. / Отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. Москва: ИМЭМО РАН; 2018. с. 206.

REFERENCES

1. Vasiliev I. Exploration in Kazakhstan: investments in the future. URL: <https://www.kursiv.kz/news/industry-issues/geologorazvedka-v-kazahstane-investicii-v-budusee/> [Accessed: 26.07.2018] (In Russ.)
2. Dynamics of the main socio-economic indicators of the Republic of Kazakhstan. Committee on statistics of the Republic of Kazakhstan 24.05.2018. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeDinamika.pokazate-li?_afzLoop=5049886806710723#%40%3FafzLoop%3D5049886806710723%26_adf.ctrl-state%3D347fzkxxd_71 [Accessed: 26.07.2018] (In Russ.)
3. Business road map 2020. Official. website of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan. URL: https://primeminister.kz/page/article_item-88 [Accessed: 20.10.2016] (In Russ.)
4. Kuzmina E. Kazakhstan in the Eurasian economic Union: problems and opportunities. *Eurasian legal journal*. 2016;7:29-35 (In Russ.)
5. Speech by the Chairman of the National Bank of Kazakhstan Daniyar Akishev at the press conference 21.01.2016 year. National Bank of the Republic of Kazakhstan. Official. site. URL: <http://www.nationalbank.kz/document/?-docid=5417&switch=rus> (In Russ.)
6. Ashimbayeva A. Old problems of the new economy of Kazakhstan. *Kapital.kz*. 2007;21(108):5. (In Russ.)
7. Socio-economic development of post-Soviet countries: the results of the twentieth anniversary. Moscow: Institute of Economics RAS; 2012. P. 249 (In Russ.)
8. The government program of the Republic of Kazakhstan for 2006-2008. *Kazakhstan truth*. 2006. 1 Apr. (In Russ.)

9. The «30 corporate leaders» program is a way to turn leading domestic companies into modern transnational corporations. URL: <http://www.zakon.kz/97007-programma-30-korporativnykh-liderov-put.html> [Accessed: 31.07.2018] (In Russ.)
10. Council of national investors. Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. URL: http://www.akorda.kz/ru/executive_office/presidential_councils/soviet-nacionalnyh-investorov [Accessed: 20.10.2015] (In Russ.)
11. Post-socialist world: the results of transformation. Ed. S.P. Glinkina; in 3 Vol. Sankt-Petersburg: Aleteya; 2017. Vol.2. Post-Soviet States. 454 p. (In Russ.)
12. Kuzmina E. M. Transport system of Kazakhstan in the light of solving the modernization problems of the country's economy. *International economics*. 2014;4:42. (In Russ.)
13. Akishev D. Timely measures of the NBK, AFN and the government provided a «soft» landing of domestic banks. *Business Kazakhstan*. 2009. 9 Jan. (In Russ.)
14. Bogdanov E., Kubatkina O. Place money you cannot modify the URL: http://expert.ru/kazakhstan/2009/19/investicionnaya_privlekatel-nost/ [Accessed: 25.07.2018] (In Russ.)
15. World development indicators. Kazakhstan. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&country=KAZ&series=&period=>. [Accessed: 26.07.2018] (In Russ.)
16. State program of forced industrial-innovative development of the Republic of Kazakhstan for 2010-2014. URL: <https://refdb.ru/look/1140675-pall.html> (In Russ.)
17. The CIS macro monitor. Analytical Department of the Eurasian development Bank. 2013. March. URL: http://www.eabr.org/geral/upload/docs/82_2013_1.pdf [Accessed: 10.11.2015] (In Russ.)
18. Strategy Kazakhstan 2050. URL: https://strategy2050.kz/ru/page/message_text [Accessed: 01.08.2018] (In Russ.)
19. The third modernization of Kazakhstan: global competitiveness. Message of the President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev to the people of Kazakhstan. January 31, 2017 URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-nnazarbaeva-narodu-kazakhstan-31-yanvarya-2017-g (In Russ.)
20. The concept of Kazakhstan's joining top 30 developed countries of the world. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated January 17, 2014 №732. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000732> [Accessed: 20.07.2018] (In Russ.)
21. State program of industrial and innovative development of the Republic of Kazakhstan for 2015-2019. URL: <http://reestr.palata.kz/uploads/files/09c8cbc3b807da9b98a1aa62b71f7677.pdf> (In Russ.)
22. The strategy of transport and logistics system of Kazakhstan was presented in Almaty. *Today.kz*: 2012. September 21st. (In Russ.)
23. KTZ launched the first container train between Asia and Europe in the framework of the project «New silk Way». *Zakon.kz*. 2012.12. Nov. (In Russ.)
24. State program of infrastructure development «Nurly Zhol» for 2015-2019. URL: <http://www.kfm.gov.kz/ru/activity/strategy-and-program/state-program-on-infrastructure-development-nurly.html> [Accessed: 31.07.2018] (In Russ.)
25. Severjanin M. The new economic policy «Nurly Zhol» will become the engine of our economy growth. URL: <http://www.zakon.kz/4667625-novaja-jekonomicheskaja-politika.html> [Accessed: 25.07.2018] (In Russ.)
26. World Bank Data. URL: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=NY.GNP.PCAP.CD&id=af3ce82b&report_name=Pop-

- [ular_indicators&populartype=series&_ispopular=y](#) [Accessed: 20.07.2018] (In Russ.)
27. The volume of direct foreign investment in Kazakhstan in 2014 amounted to 9.6 billion dollars. URL: <http://www.analitika.kz/tz/28590-21072015-obem-pritoka-pryamyx-inostrannyx-investicij-v-kazaxstan-v-2014-godu-sostavil-96-mlrd-doll> [Accessed: 21.11.2016] (In Russ.)
28. Assets of the national Fund of Kazakhstan for 2015 decreased by \$9.7 billion. URL: http://forbes.kz/stats/aktivyi_natsionalnogo_fonda_rk_za_2015_sokratilis_na_97_mlrd. (In Russ.)
29. One hundred concrete steps of the President N. Nazarbayev. The full version. URL: <http://www.zakon.kz/4713070-sto-konkretnykh-shagov-prezidenta.html> [Accessed: 01.08.2018] (In Russ.)
30. Nazarali A. Steps towards the top 30 developed countries of the world. Young Vision. URL: <http://yvision.kz/post/446613> [Accessed: 10.10.2016] (In Russ.)
31. Sokov K. Kazakhstan to join WTO membership and the Eurasian economic Union. URL: <http://www.ritmeurasia.org/news--2016-02-16-kak-kazahstan-sovmestit-chlenstvo-v-vto-i-eaes-21928> [Accessed: 26.07.2018] (In Russ.)
32. Nazarbayev N. The plan of the nation is the Way to the Kazakh dream. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1600000001> [Accessed: 20.12.2016] (In Russ.)
33. New opportunities for development in the fourth industrial revolution. Message of the President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev to the people of Kazakhstan. January 10, 2018 URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-n-nazarbaeva-narodu-kazahstana-10-yanvarya-2018-g (In Russ.)
34. Amirkhanov S. 7.5 thousand roads will be built in Kazakhstan in the framework of the «Nurly Zhol». URL: <https://www.kursiv.kz/news/industry-issues/75-tysac-dorog-budet-postroeno-v-rk-v-ramkah-nurly-zol/> [Accessed: 29.07.2018] (In Russ.)
35. Syroezhkin K. L. Problems pairing the silk road economic belt and «Nurly Zhol». In.: Post-Soviet space: the role of external factors. Ed.: Krylov A.B., Kuznetsov A.V., Chufirin G.I. Moscow: IMEMO RAS; 2018. P. 206. (In Russ.)
-
Статья получена 02.08.2018
Received 02.08.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена М. Кузьмина, Кандидат политических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской Академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная 23;
e_kuzmina07@mail.ru

Elena M. Kuzmina, PhD in Political Sciences, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 23, Profsoyuznaya str., Moscow, 117997, Russia;
e_kuzmina07@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Обеспечение продовольственной безопасности Казахстана путем интегрированного управления водными ресурсами

Михаил Н. Сенников^а, Галия Е. Омарова^б

^а*Таразский государственный университет им. М. Х. Дулати, Тараз, Казахстан,*
Sennikov_m50@mail.ru

^б*Таразский государственный университет им. М. Х. Дулати, Тараз, Казахстан,*
galiyaomar@mail.ru

Аннотация: одной из основных задач государств расположенных на территории аридных регионов является своевременное получение надежной и исчерпывающей информации, прогнозов связанных с климатическими явлениями, позволяющие обеспечить своевременную организацию работ по безопасности и предотвращению возможного ущерба для сельского хозяйства и в целом всей экономики страны. Данная задача может быть решена только при наличии хорошо налаженной системы сбора, обработки и реализации информации. Для обеспечения продовольственной безопасности страны необходимо обеспечить интегрированную систему управления водных ресурсов при своевременной координации всех этапов регулирования на основе многофакторного мониторинга показателей. Нарастающий дефицит водных ресурсов в бассейнах трансграничных рек аридного региона республики требует введения новой схемы управления, которая позволила бы использование их в условиях ограниченности.

В связи с образованием новых независимых государств обуславливается необходимость совершенствования существующих организационных форм собственности и управления водными ресурсами трансграничных рек, которые будут обосновываться на нормах международного права и лучшей практике сотрудничества бассейнах при совместном использовании с учетом интересов сопредельных стран региона. Основным приоритетным направлением аридного региона республики является разработка долгосрочных программ, обоснованный на комплексе мер и мероприятий по экономии воды, сохранению ее качества и повышение экологической ситуации водохозяйственных систем.

В настоящее время каждая страна разрабатывает собственные стратегии водопользования, которая ведет к усилению конкуренции за воду, обострению дефицита воды и экологических проблем, как на внутрисоветском, так и на региональном уровне. Далее, решается вопрос обеспечения продовольственной безопасности в условиях воздействия изменения климата на сельское хозяйство. Были определены существующие риски, связанные с изменениями климата и пути адаптации сельскохозяйственного производства.

Основная национальная политика республики нацелена на обеспечение своей продовольственной безопасности своим балансом производства. Учитывая особенности региона и имеющиеся ограничения как: наличие орошаемых земель, их продуктивность, ограниченность водных ресурсов и их эффективное использование должно обосновываться на повсеместном внедрении водосберегающих технологий орошения при проведении комплексной реконструкции оросительных систем и принципов интегрированного использования водных ресурсов.

Ключевые слова: климатические изменения, интегрированное использование водных ресурсов, ирригация, дефицит воды, принципы, гидрографические границы, водоучет, риски, угодья, факторы, засухи, мониторинг, гидрометеорологические процессы

Для цитирования: Сенников М. Н., Омарова Г. Е. Обеспечение продовольственной безопасности Казахстана путем интегрированного управления водными ресурсами. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(3):268–283. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-268-283>

Ensuring Food Security of Kazakhstan by the Integrated Water Resources Management

Mihail N. Sennikov^a, Galiya E. Omarova^b

^aTaraz State University M.h. Dulati, Taraz, Kazakhstan,
Sennikov_m50@mail.ru

^bTaraz State University M.h. Dulati, Taraz, Kazakhstan,
galiyaomar@mail.ru

Abstract: One of the main objectives of the states located in the territory of arid regions is the timely obtaining solid and exhaustive data, the forecasts connected with the climatic phenomena, allowing to provide the timely organization of works on safety and prevention of possible damage to agriculture and in general all national economy. This task can be solved only in the presence of well adjusted, system of collecting, processing and implementation of information. For ensuring food security of the country it is necessary to provide the integrated control system of water resources at timely coordination of all stages of regulation on the basis of multiple-factor monitoring of indicators.

The increasing deficiency of water resources in basins of the cross-border rivers of the arid region of the republic demands introduction of the new scheme of management which would allow their use in the conditions of limitation.

Due to the formation of the new independent states need of improvement of the existing organizational forms of ownership and water resources management of the cross-border rivers which will be proved on rules of international law and the best practice of cooperation pools when sharing taking into account the interests of the adjacent countries of the region is caused. The

main priority direction of the arid region of the republic is development of long-term programs, proved on a package of measures and actions for water economy, maintaining her quality and increase in an ecological situation of water management systems.

Now each country develops own strategies of water use which leads to strengthening of the competition for water, sharpening of deficiency of water and environmental problems, both on interstate, and at the regional level. Further, the issue of ensuring food security in the conditions of impact of climate change on agriculture is resolved. The existing risks connected with climate changes and ways of adaptation of agricultural production have been defined.

The main national policy of the republic is aimed at ensuring the food security with the balance of production. Considering features of the region and the available restrictions as: existence of the irrigated lands, their efficiency, limitation of water resources and their effective use has to be proved on universal introduction of water-conservation technologies of irrigation when carrying out complex reconstruction of irrigating systems and the principles of the integrated use of water resources.

Keywords: climatic changes, the integrated use of water resources, an irrigation, deficiency of water, the principles, hydrographic borders, water account, risks, grounds, factors, droughts, monitoring, hydrometeorological processes

For citation: Sennikov M.N., Omarova G.E. Ensuring Food Security of Kazakhstan by the Integrated Water Resources Management. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(3):268–283. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-268-283>

ВВЕДЕНИЕ

В условиях ограниченности водных ресурсов и неравномерности распределения их по территории создает проблемы дефицита водных ресурсов. Наиболее важное значение на сегодняшний день приобретают вопросы влияния климатических условий на формирование запасов водных ресурсов и воздействия ее на отрасли экономики. Для решения данного вопроса, как на местном, так и на региональном уровне возможно при комплексном решении вопроса на основе многофакторного мониторинга и при интегрированном использовании запасов поверхностных водных ресурсов с учетом особенностей регионов.

Зная, что до 60 % водных ресурсов Казахстана формируются за пределами государства и являются трансграничными, и в этих условиях вопросы управления и

распределения водных ресурсов и построения взаимовыгодных водохозяйственных отношений была и есть актуальной во все времена [1].

Многие страны уже рассматривают вопросы влияние изменения климата на урожайность возделываемых сельскохозяйственных культур и оценивают как положительные, так и отрицательные стороны. Это рост производства сельскохозяйственных культур в условиях дефицита водных ресурсов, изменения температуры и снижения влажности почвы. При этом, необходимо учитывать существующие риски при производстве сельскохозяйственных культур и появляющиеся в результате изменения климата. Для решения поставленного вопроса необходимо определить факторы адаптации и распределения запасов водных ресурсов на экономиче-

ские секторы, который создает дисбаланс между потребностями и запасами водных ресурсов. В последнее время в связи с таяниями ледников и изменениями климата увеличивается давление на водные ресурсы. Для решения возникшей проблемы необходимо рассматривать комплексный подход снижения риска возникновения засух, включая систему мониторинга и разработать меры по снижению продовольственной безопасности [2].

Происходящие процессы деградации экосистем трансграничных рек Казахстана при существующих принципах и подходах использования водо-земельных ресурсов привели к опустыниванию в низовий рек, что стало основной причиной нарушения экологической устойчивости естественных природных систем, которые веками обеспечивали достаточные условия проживающих в регионе народов.

ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА И ОСОБЕННОСТИ ИХ ВЛИЯНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ.

Изменение климата все больше влияет на человеческое общество и природные экосистемы. Климатические изменения неизбежны, но его можно предотвратить согласовано действуя в ключевых сферах экономики, в т. ч. и в водной области путем интегрированного управления водными ресурсами. В связи с этим необходимо разработать мероприятия связанные с повышением средней температуры, сдвигом сезонных циклов и увеличением частоты чрезвычайных погодных явлений, которые требуют выявления ключевых направлений при составлении прогнозов, и определения основных приоритетов в процессе адаптации к изменениям климата. Водные ресурсы в этих регионах определяют различные аспекты национальной и региональной безопасности [2,3].

Особенности климатических условий южного региона Казахстана сильно влияет на формирование поверхностных водных ресурсов и всего микроклимата региона. Для приведения комплексного мониторинга и анализа необходимо произвести кратко- и долгосрочное прогнозирование для получения показателей потенциальной урожайности, климатически обеспеченности урожайности, действительно возможной урожайности и урожайности в производстве.

Комплексный мониторинг и анализ хозяйственной деятельности человека, влияние ее на природную среду позволяет выделить следующие направления, которые возможны при решении и определении прогнозных показателей с эколого-экономическим предупреждением, истощения, деградации и сохранения возобновляемых природных ресурсов, как: почва и вода, эколого-биологическое сохранение разнообразия жизни, здоровья человека, животных и растений. Социально-политическое обоснование общей стратегии развития агропромышленного комплекса на уровне регионов. Таким образом, основными задачами временно-пространственными и информационными показателями являются обоснование критериев оценки и прогноза всех ее компонентов в условиях конкретной хозяйственной деятельности исследуемого региона. В силу климатических особенностей различных регионов республики до 90% стока поверхностных источников приходится на весенний период. Поверхностные водные ресурсы распределены по территории крайне неравномерно и колеблются по годам и внутри года, обуславливая неравномерную обеспеченность различных регионов и отраслей экономики (рис. 1) [2-4].

В настоящее время в республике водообеспечение осуществляется (85% обеспеченности) за счет поверхностных водных источников, остальная часть за счет под-

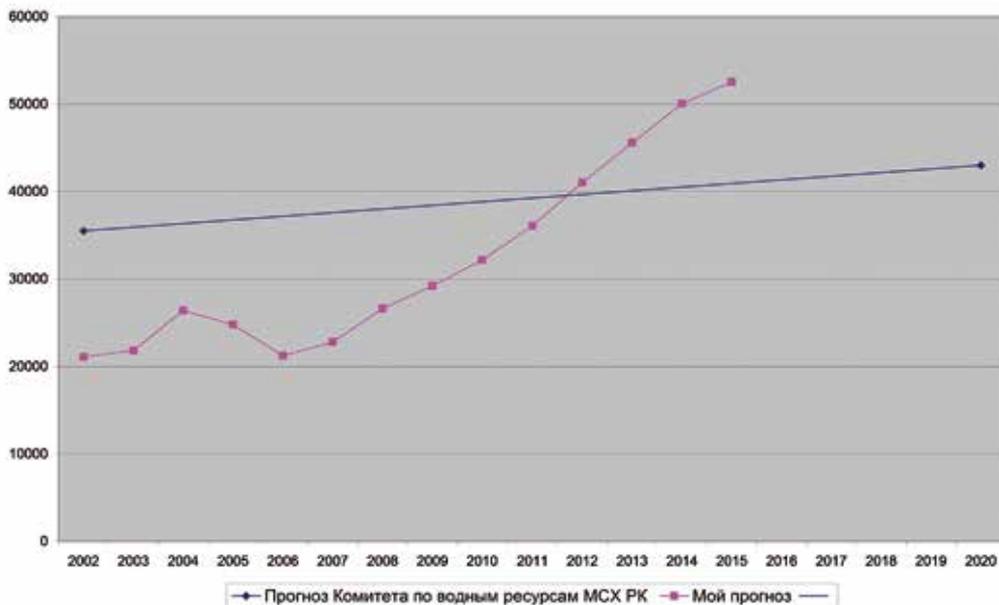

Рисунок 1. Совмещение прогнозных графиков

земных и сточных вод. Дефицит водных ресурсов приводит к сокращению водопотребления мелиоративных земель в республике. При рациональном использовании водных ресурсов Казахстана можно оросить до 5 млн. га земель, что более чем в два раза покрывает потребности орошаемых земель. В этой связи наиболее актуальным и необходимым является решение вопроса по прогнозированию выбора ресурсосберегающих технологий орошения, при этом необходимо учесть принятые постановления и правила по регулированию водных ресурсов при бассейновом соглашении и решении исполнительными органами республики. При этом охватывают все пространственные уровни, от глобального до муниципального, интегрируя самую разнообразную информацию — картографическую, аэрокосмическую, статистическую, материалы полевых исследований и т. д. Прогнозирование и управление запасами водных ресурсов в зависимости от года

водобеспеченности требует проведения многофакторного мониторинга и анализа исследуемого региона, которые позволяют получить прогнозные показатели по созданию планов, согласовании графиков, принятии важных решений по использованию водных ресурсов.

Проблемы охраны и рационального использования водных ресурсов в Казахстане решаются в значительной степени путем государственного регулирования, в первую очередь, через систему прогнозирования и планирования. Исходной базой прогнозирования и планирования использования водных ресурсов являются данные водного кадастра и учета расходования вод по системе водохозяйственных балансов, бассейновых схем комплексного использования и охраны вод, а также проекты перераспределения вод между водопотребителями по бассейнам рек. Прогноз использования водных ресурсов основывается на расчете водохозяйственного баланса,

который содержит ресурсную и расходную части. Ресурсная (приходная) часть водохозяйственного баланса учитывает все виды вод, которые могут быть потреблены (естественный сток, поступление из водохранилищ, подземные воды, объем возвратных вод). В расходной части водохозяйственного баланса определяется потребность в воде по отраслям экономики, с учетом сохранения в реках транзитного стока для обеспечения экологических требований, необходимого санитарно-гигиенического состояния водоемов. Результатом балансового расчета является установление ожидаемого резерва или дефицита стока, объема, характера, а также сроков осуществления мероприятий, необходимых для обеспечения водой народного хозяйства в прогнозируемый период. При этом учитываются показатели, характеризующие сокращение забора свежей воды из поверхностных и подземных водных источников за счет совершенствования и внедрения безводных технологических процессов, развития систем повторно-последовательного использования воды, совершенствования схем водоснабжения и других аналогичных мероприятий.

Прогнозирование водопотребления на перспективный период основывается на расчетах водообеспечения населения, промышленности, сельского хозяйства и других отраслей экономики.

Для обоснования концепций развития и разработки национальной стратегии развития водохозяйственного сектора, и экономики государства в целом, весьма важным является оценка перспективных и прогнозных водохозяйственных балансов. В таблицах 1 и 2 приведены современный и перспективный (прогнозный) водохозяйственные балансы РК, которые дают представление о распределении водных ресурсов, а также о дефиците воды, отра-

жающихся на экономике и экологической обстановке страны [4].

По данным национальных гидрометеорологических служб Центрально-Азиатского региона (ЦАР), за последние десятилетия отмечается тенденция увеличения температуры воздуха, как в зимние, так и в летние периоды, вследствие чего сокращаются переходящие запасы снега и деградируют ледники. Площадь ледников Заилийского и Джунгарского Алатау, который за этот период уменьшилась почти в 3 раза. Последнее свидетельствует о том, что изменение климатических условий в регионе способно привести к истощению водных ресурсов. Во всех государствах Центрально-Азиатского региона наблюдается неэффективное и неэкономное использование воды, которое превышает в несколько раз средние показатели использования воды в развитых странах мира. Между тем, каждое государство строит определенные планы и прогнозы по увеличению водопотребления преимущественно для сельскохозяйственного развития и коммунально-бытовых нужд. Увеличение перспективного водопотребления при отсутствии масштабных и действенных мер по водосбережению приведет к росту дефицита водных ресурсов, которые сейчас на территории Центрально-Азиатского региона полностью вовлечены в хозяйственный оборот. Постоянно нарастающий дефицит воды без принятия адекватных мер будет сопровождаться ухудшением ее качества.

ПРОГНОЗНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЛИОРАЦИИ В БАССЕЙНАХ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕК СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Оценка перспектив водопотребления в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане, расположенных в нижней части бассейнов рек, позволяет считать, что в ближайшем

будущем меры по водосбережению должны стать главными для удовлетворения растущих потребностей в воде. Кыргызская Республика и Республика Таджикистан, находящиеся в зоне формирования основного стока трансграничных рек и потому являющиеся наиболее водообеспеченными в Центрально-Азиатском регионе. Предусматривают рост водопотребления в перспективе и, исходя из этого, предлагают инициировать переговорный процесс о пересмотре принципов и механизмов вододелиения между странами Центральной Азии. Угроза повышенного ьотбора воды из рек Или и Иртыш со стороны Китая является дополнительным фактором риска для национальной безопасности страны. Проблема совместного использования Республикой

Казахстан и Китайской Народной Республикой водных ресурсов трансграничных рек уже в ближайшем будущем может стать одной из самых острых во взаимоотношениях не только этих двух государств, но и с другими государствами Центральной Азии.

Современные тенденции изменения климата, развития экономики, демографической ситуации в Центральной Азии дают основание предполагать, что в ближайшем будущем следует ожидать обострения проблем водообеспечения в стране. В таблице 1 приведен водохозяйственный баланс по республике Казахстан, который дает наглядное представление о структуре приходной и расходной части водных ресурсов по республике на современном уровне.

Таблица 1. Водохозяйственный баланс на современном этапе, км³

Статьи баланса		Средне-годовая водность	75% обеспеченность	95 % обеспеченность
ПРИХОДНАЯ ЧАСТЬ				
1	Естественный речной сток	100,5	76,1	58,2
2	Подземные воды (используемые)	1,7	1,7	1,7
3	Поступление возвратных вод в реки	1,9	1,4	1,1
4	Сработка многолетних запасов водохранилищ	-	0,4	0,4
5	Шахтные, сточные и коллекторно-дренажные воды, не поступающие в реки (используемые)	1,1	1,1	1,1
6	Морская вода (используемая)	1,8	1,8	1,8
ИТОГО		107,0	82,5	64,3
РАСХОДНАЯ ЧАСТЬ				
1	Водопотребление народного хозяйства (из всех источников)	35,5	35,5	31,5
2	Наполнение водохранилищ	1,4	1,0	0,5

	Статьи баланса	Средне-голетняя водность	75% обеспеченность	95% обеспеченность
3	Экологические, рыбохозяйственные, санитарные попуски в низовья рек	28,8	28,8	28,8
4	Транспортно-энергетические попуски (в Россию)	8,8	8,8	8,8
5	Потери стока на испарение и фильтрацию	12,1	11,0	10,0
6	Нерегулируемый сток весенних половодий	4,8	4,0	3,0
ИТОГО РАСХОД		91,4	89,1	82,6
	Избыток стока	15,6		
	Дефицит стока		6,6	18,3

Источник: Комитет по водным ресурсам МС РК.

Сопоставление возможных к использованию водных ресурсов с потребностью в них показывает, что уже в настоящее время

в маловодные годы имеет место дефицит в воде в отдельных бассейнах рек Сырдарья, Урала, Чу и др.

Таблица 2. Прогнозный водохозяйственный баланс до 2020 года, км³

	Статьи баланса	Средне-голетняя водность	75% обеспеченность	95% обеспеченность
ПРИХОДНАЯ ЧАСТЬ				
1	Естественный речной сток	95,5	71,1	53,2
2	Подземные воды (утвержденные запасы)	15,1	15,1	15,1
3	Поступление возвратных вод в реки	1,7	1,2	1,0
4	Сработка многолетних запасов водохранилищ	-	0,5	0,5
5	Шахтные, сточные и коллекторно-дренажные воды, не поступающие в реки (используемые)	1,5	1,5	1,5
6	Морская вода (используемая)	2,0	2,0	2,0
ИТОГО		115,8	91,4	73,3

РАСХОДНАЯ ЧАСТЬ				
1	Водопотребление народного хозяйства (из всех источников)	43,0	43,0	39,0
2	Наполнение водохранилищ	1,5	1,0	0,5
3	Экологические, рыбохозяйственные, санитарные попуски в низовья рек	30,0	30,0	30,0
4	Транспортно-энергетические попуски (и доля России)	12,2	12,2	12,2
5	Потери стока на испарение и фильтрацию	12,0	11,0	10,0
6	Нерегулируемый сток весенних половодий	4,5	4,0	3,0
ИТОГО РАСХОД		103,2	101,2	94,7
Избыток стока		12,6		
Дефицит стока			9,8	21,4

Источник: Комитет по водным ресурсам МСХ/ПК.

На основании всего вышеизложенного произведен сравнительный прогноз показателей, который отличается темпами. Основная доля использования воды в республике приходится на сельское хозяйство. В сельскохозяйственном водопотреблении наибольший удельный вес приходится на регулярное орошение, базирующееся, в основном, на поверхностном стоке.

Объем ирригационного водопотребления в республике снизился с 21,5 в 1990 году до 17,8 км³/год в 1995 году при площадях орошения соответственно 2,3 и 1,9 млн. гектаров. В 2002 году полное водопотребление сельского хозяйства составило 14,68 км³, в том числе безвозвратное — 14,47 км³. Оно складывается из следующих составляющих (рис. 2).

Рисунок 2. Составляющие водопотребления сельского хозяйства

Таким образом, 14,31 км³ или 97 % всего водопотребления в сельском хозяйстве приходится на долю орошения (регулярного и лиманного, включая заливные сенокосы).

В республике Казахстан, несмотря на значительное снижение водопотребления, эффективность использования водных ресурсов следует признать недостаточной во всех водопотребляющих отраслях экономики и прежде всего, в орошаемом земледелии. Основные безвозвратные потери воды происходят во внутрихозяйственной оросительной сети, а на полях орошения они превышают 40 % объема водоподачи к контурам хозяйств.

В настоящее время при урегулировании межгосударственных водных отношений руководствуются бассейновыми схемами комплексного использования и охраны водных ресурсов.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ В НИЗОВЬЯХ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕК РК

На территории Казахстана характерно большое разнообразие климатических ус-

ловий, резко выраженная континентальность со значительными колебаниями температур, сухость воздуха, малое количество атмосферных осадков. Вместе с тем, в каждой отдельной климатической зоне климат существенно меняется от орографических условий, а общие закономерности нарушаются. Например, в горной части региона главную роль играет вертикальная зональность в распределении основных климатических факторов. Наличие гор оказывает существенное влияние не только на климат, но и на гидрогеологические, гидрологические и почвенно-мелиоративные условия агроклиматических зон Казахстана.

Ресурсы поверхностных вод Казахстана в средний по водности год составляют 100,5 км³, из которых только 56,5 км³ формируется на территории республики. Остальной объем 44,0 км³ поступает из сопредельных государств: Китая — 19,9 км³; Узбекистана — 13,7 км³; Кыргызстана — 3,0 км³; России — 7,4 км³ (табл. 3), что определяет их трансграничный характер.

Таблица 3. Ресурсы речного стока Казахстана, км³/год

№	Бассейновые водохозяйственные управления	Среднеголетний сток (50 %)			Сток маловодных лет (95 %)		
		всего	в том числе		всего	в том числе	
			сопредельные страны	внутри страны		сопредельные страны	внутри страны
	Всего	100,5	44,0	56,5	58,2	30,1	28,1

По водообеспеченности Казахстан на единицу площади занимает одно из последних мест среди стран СНГ. Удельная водообеспеченность равна 37,0 тыс. м³/км² и 6,6 тыс. м³ на одного человека в год.

Приведенные проблемы борьбы с опустыниванием в низовьях трансграничных рек, вызванным использованием водных ресурсов для развития орошаемого зем-

леделия. Результаты многолетних исследований позволили раскрыть процессы опустынивания и их рост в современном периоде. Рост процессов современного опустынивания обусловлен взаимодействием двух групп факторов, природных и антропогенных. На протяжении многих лет доминирующую роль играли природные изменения, влияющие на динамику

Рисунок 3. Формирование водных ресурсов Казахстана

границ пустынь, то сейчас, наряду с усилением аридизации климата, значительно возросли последствия хозяйственной деятельности, получаемые в результате нарушения растительного и почвенного покрова, нерационального использования природных ресурсов, которая привела к деградации окружающей среды, загрязнение подземных вод, и осушение водных источников. Следовательно, любая трансформация природных угодий нуждается в дифференцированном учёте последствий и интегрированном использовании водных ресурсов в бассейнах трансграничных рек.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕК

Сбалансированное использование водных ресурсов трансграничных рек требует решения комплексных задач, обеспечивающих формирование экологической безопасности речных бассейнов, которая нуждается в определении изъятия допустимого объема речных вод, установления норм попуска, определений ущерба и тарифов на воду и разработки основ равноправного и равномерного распре-

ления водных ресурсов трансграничных рек. Реки Сырдарья, Или, Иртыш, Урал являются трансграничными, а их водосборные бассейны лежат вне территории Казахстана. Это положение затрудняет определение возможных изменений по водообеспеченности Казахстанской части бассейнов.

Отсутствие единых подходов решения проблем требует создания общей базы данных управления водораспределения как на территории республики, так и между сопредельными государствами, которая будет способствовать совершенствованию путей мониторинга и оценки трансграничных вод (рис.4) [5]. Для интегрированного использования водных ресурсов нужно базироваться на прогнозных данных, которая позволяет: определить удовлетворение основных требований по водопользованию, комплексный подход к прогнозированию водохозяйственных проблем прогноз соотношения спроса на воду и его реализация, учитывать требуемые в перспективе финансовые, материальные и трудовые ресурсы и разрабатывать ряд альтернативных вариантов прогноза с выделенными ресурсами и темпами развития, производить выбор

Рисунок 4. Мониторинг и оценка трансграничных водных ресурсов

оптимальных путей и достижения водоохранных мероприятий [4-6].

Система динамических рядов строится для взаимосвязанных показателей, которая позволяет сделать новые выводы, получить новую качественную информацию. Напри-

мер, имеем ряды динамики водопотребления в Казахстане, численности населения и уровня ВВП и на их основе спрогнозируем экономические показатели водопотребления на 2015г. и на перспективу до 2020 года (табл.4, рис.5).

Таблица 4. Численность населения и уровень ВВП на душу населения в РК за 2015 и 2020 гг.

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2020
Численность населения, тыс. чел	16724	17141	17588	18053	18530	18992	21000
ВВП на душу населения, тыс. тг	1050	1100	1110	1150	1200	1350	1547

Согласно Национальной стратегии водообеспеченности Республики Казахстан к 2020 году планируется увеличение численности населения страны более 20 млн. человек, поэтому необходимо сделать прогноз показателей сельского хозяйства с уч-

том функций прогнозирования на основе уравнений линий тренда.

Прогнозные значения экономических показателей забора воды до 2020 года учитывают особенности прогнозного забора воды (рис. 5).

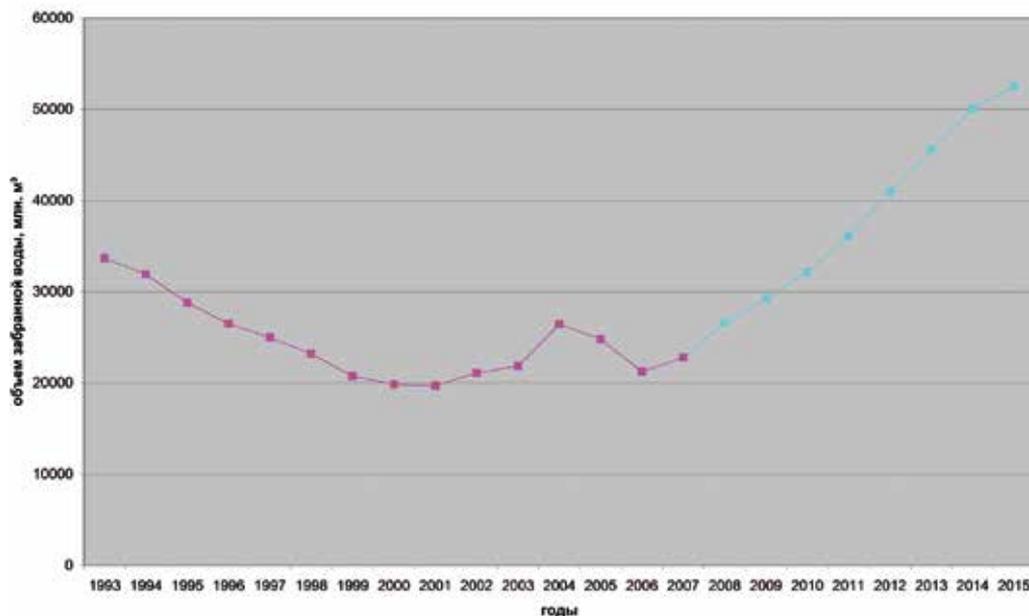

Рисунок 5. Вычисленные прогнозные значения экономических показателей забора воды на 2015 и до 2020 годы

Для достижения устойчивого роста и наращивания сельскохозяйственного производства в Казахстане необходимо, чтобы огромные природные ресурсы орошаемой зоны управлялись более эффективно и комплексно на основе комплексного подхода к производству и переработке сельскохозяйственной продукции, интегрированного управления почвенными и водными ресурсами, взаимопонимания и тесного сотрудничества водопотребителей и водохозяйственных организаций. Информационные потребности для управления водохозяйственной деятельностью в трансграничной реке должны основываться на согласованных вопросах управления и на особенностях процесса принятия решений в ходе управления речными бассейнами.

Использование водных ресурсов трансграничной реки требует осуществлять ряд таких мероприятий, как идентификация

функций и видов использования речного бассейна, проведение обследования и кадастров на основе имеющейся информации, определение критериев и оценка водохозяйственного законодательства в прибрежных странах.

При внедрении коммерческих отношений в водопользовании необходимо учитывать следующие условия: переход к платному водопользованию в орошаемом земледелии при бюджетном финансировании и содержании межхозяйственной части оросительных каналов, повышения качества водных ресурсов и экономии бюджетных средств на организацию водопользования, тарифы на воду путем формирования на основе прямых договоров и установить предел обоснованных затрат функционирования водохозяйственных предприятий, платежи за оросительную воду с стимулированием водопользователей и к экономному расходованию.

Дополнительными источниками создания системы многоканального финансирования водохозяйственной деятельности требует инвестиционную деятельность в зоне орошаемого земледелия. Притоку инвестиций на водохозяйственные мероприятия в зоне орошаемого земледелия будут способствовать:

Для рационального использования потенциала орошаемых земель ирригационных систем для получения прогнозной продукции является привлечение всех хозяйствующих субъектов водопользователей на вновь организуемые сельскохозяйственные потребительские кооперативы водопользователей, которая улучшит поступление оплаты от водопотребителей и повысит финансовое состояние водохозяйственных организаций, т.е. их инвестиционные возможности. Для совершенствования ценового механизма платного водопользования на оросительную воду необходимо обеспечить реализацию инвестиционных проектов и привлечение средств национальных инвесторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Совместное использование и охрана водных ресурсов трансграничных рек, где сосредоточены экономические и политические интересы каждого отдельного госу-

дарства, расположенного в одном речном бассейне, является одной из главных и сложных международных проблем, требующих всестороннего анализа и обобщения для выработки единого консенсуса в рамках международных договоров и соглашений.

Анализ и систематизация использования водных ресурсов трансграничных рек может принят бассейновый подход, включающий систему мониторинга и оценки трансграничных вод, последовательно проводить мониторинг и управление водохозяйственной деятельности. Необходимо создать системы платежей за водопользование и водопотребление, которая стала бы экономическим стимулом ресурсосбережения и водоохраной деятельности в зоне орошаемого земледелия, позволяющий реализацию инвестиционных проектов, требующих решения в рамках государства. Оптимизации путей развития орошаемого земледелия и механизмов его обеспечения. В будущем предусмотреть совершенствование принципов организации и управления в орошаемом земледелии с учетом особенностей регионов, нормативно-правовой базы орошаемого земледелия, технологического обеспечения, оптимальной тарифной политики водопользования внутри страны и политики инвестирования водохозяйственной деятельности в орошаемом земледелии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исабеков Т.А. Совершенствование управления водными ресурсами на объектах межгосударственного пользования (на примере бассейнов рек Чу и Талас). Бишкек: Издательство Кыргызско-Российского Славянского Университета; 2014. С. 17-86.
2. Ибатуллин С.Р., Водные ресурсы Центральной Азии: Современное состояние, проблемы и перспективы использования. Алматы: Diamond Creative Studio; 2013. С.36, 118-126.
3. Ибатуллин С.Р., Койбагарова К.Б. Проблемы рационального использования водных ресурсов трансграничных рек. В.: Материалы республиканской научно-практической конференции «Программа «Ауыл» и научное обеспечение агропромышленного сектора экономики Республики Казахстан» (Тараз, 23-24 октября 2003 г.). Тараз: «Тараз университеті»; 2003. С. 36-39.

4. Омарова Г.Е., Сенников М.Н., Омаров Е.О., Колбачаева Ж.Е., Мейрбекова А. Прогнозное программирование продуктивности сахарной свеклы с применением ГИС технологий. Тараз; «Тараз университети»; 2016. С. 189-198.
5. Ибатуллин С.Р., Сенников М.Н., Ибраев Т.Т., Карлыханов О.К. Вопросы рационального использования водных ресурсов Шу-Таласского бассейна. В.: Материалы международной научно-практической конференции «Индустриально-инновационное развитие — основы устойчивой экономики Казахстана» (Шымкент, 2006 г.). Шымкент: Издательство Южно-Казахстанского государственного университета; 2006. С.371-374.
6. Ибатуллин С.Р. Основные принципы использования водных ресурсов трансграничных рек для устойчивого развития. *Поиск*. 2010;4:228-230.

REFERENCES

1. Isabekov T.A. Improvement of water resources management on objects of interstate use (on the example of basins of the Chu and Talas Rivers). Bishkek: Publishing house of the Kyrgysko-Rossiysky Slavic University; 2014. P. 17-86. (In Russ.)
 2. Ibatullin S. R., Water resources of Central Asia: Current state, problems and prospects of use. Almaty: Diamond Creative Studio; 2013. P. 36,118-126. (In Russ.)
 3. Ibatullin S. R., Koybagarova K.B. Problems of rational use of water resources of the cross-border rivers. In.: Materials of a republican scientific and practical conference «The Auyt Program and scientific providing the agro-industrial sector of economy of the Republic of Kazakhstan» (Taraz, on October 23-24, 2003). Taraz: «Taraz the university»; 2003. P. 36-39. (In Russ.)
 4. Omarova G.E., Sennikov M.N., Omarov E.O., Kolbachayev Zh.E., Meyrbekova A. Expected programming of efficiency of sugar beet with application of GIS of technologies. Taraz: «Taraz university». 2016. P. 189-198. (In Russ.)
 5. Ibatullin S. R., Sennikov M.N., Ibrayev T.T., Karlykhanov O. K. Questions of rational use of water resources of the Shue-Talas basin. In.: Materials of a republican scientific and practical conference «Industrial innovative development — fundamentals of steady economy of Kazakhstan» (Shymkent, 2006). Shymkent: Publishing house the Southern Kazakhstan state. University; 2006. P. 371-374. (In Russ.)
 6. Ibatullin S. R. The basic principles of use of water resources of the cross-border rivers for sustainable development. *Search*. 2010;4:228-230. (In Russ.)
-
- Статья получена 21.06.2018*
Received 21.06.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Михаил Н. Сенников, Доктор технических наук, Таразский государственный университет им. М. Х. Дулати, Тараз, Казахстан; 080000, Казахстан, Тараз, переулок Школьный, д. 25;
Sennikov_m50@mail.ru

Mihail N. Sennikov, Doctor of technical sciences, Taraz State University M.h. Dulati, Taraz, Kazakhstan; bld. 25, lane Shkolny, Taraz, 080000, Kazakhstan;
Sennikov_m50@mail.ru

Галия Е. Омарова, Доктор технических наук, Таразский государственный университет им. М. Х. Дулати, Тараз, Казахстан; 080000, Казахстан, Тараз, переулок Школьный, д. 25;

galiyaomar@mail.ru

Galiya E. Omarova, Doctor of technical sciences, Taraz State University M.h. Dulati, Taraz, Kazakhstan; bld. 25, lane Shkolny, Taraz, 080000, Kazakhstan;

galiyaomar@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Политика Турции на Южном Кавказе

Мээрим С. Суванова

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия,

meerim020294@gmail.com

Аннотация: Регион Южного Кавказа традиционно играет важную роль в мировой политике. Данный регион на протяжении веков являлся ареной противоборства геополитических и геостратегических интересов региональных государств и держав, здесь пересекаются транспортные пути, соприкасаются разные культуры и религии. С распадом СССР, Южный Кавказ занял важное место в стратегии западных стран, которые выступали за ослабление российского влияния в регионе и создание плацдарма для дальнейшего усиления своих партнеров. Западных стран стремились установить контроль над добычей и диверсификацией азербайджанских углеводородов. Для осуществления данных целей Западные страны сделали ставку на своего союзника Турцию, которая преследует свои интересы в регионе Южного Кавказа. С начала 1990-х годов произошла активизация политики Турции в отношении стран Южного Кавказа. Для Турции были созданы условия для осуществления политики расширения своего влияния. Политика Турции отличается комплексностью, которая включает как экономическую, энергетическую так и культурную составляющую. Ключевым элементом политики Турции в регионе стал энергетический фактор. В вопросе диверсификации энергоресурсов Южного Кавказа, Турция добилась значительных успехов, реализовав проекты трубопроводов идущих через ее территорию. Она добилась статуса энергетического транспортёра.

Важным направлением в политике Турции на Южном Кавказе является культурно-образовательная составляющая. Она основана на политике «неоосманизма», которое включает в себя элементы «пан-тюркизма». Основной целью данной идеи является расширение влияния Турции посредством воспитания протурецко настроенной молодежи в странах региона, а также посредством формирования положительно образа Турции среди различных слоев населения, которые бы поддерживали ее политику.

Особенность политики Турции состоит в многосторонне и гибкой политике, которая включает в себя как экономическую интеграцию, энергетическое сотрудничество, так и мягкую и эффективную политику, включающую в себя культурное взаимодействие, основанное на этнической и языковой схожести.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Политика Турции, Азербайджан, Армения, Грузия, энергетическая политика, «пан-тюркизм», «неоосманизм»

Для цитирования: Суванова М. С. Политика Турции на Южном Кавказе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(3):284-297. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-284-297>

Turkish policy in the South Caucasus

Meerim S. Suvanova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

meerim020294@gmail.com

Abstract: The South Caucasus region traditionally has an important role to play in global politics. This region for centuries has been an arena of confrontation for geopolitical and geostrategic interests between regional states and world powers; this affected the main transport routes, different cultures and religions. With the collapse of the USSR, the South Caucasus became an important and strategic place for Western countries; this bolstered the weakening of Russian influence in the region and the creation of a catalyst for further strengthening of its partners. Western countries sought to establish control over the extraction and diversification of Azerbaijani hydrocarbons. To fulfill these goals Western countries have relied on their ally Turkey, which also pursues its interests in the South Caucasus region.

Since the early 1990s, Turkey's policy towards the countries of the South Caucasus has intensified. Turkey developed policies of expanding its influence in the region. These policies were complex; it included both economic, energy and cultural components. A key element of Turkey's policy in the region was the energy aspect. In the issue of diversifying the energy resources of the South Caucasus Turkey has made significant progress by implementing projects of pipelines going through its territory, she achieved the status of an energetic conveyor. Another important area of Turkey's policy in the South Caucasus was the cultural and educational aspect. It is based on the policy of «neo-Ottomanism», which includes elements of «pan-Turkism». The main purpose of this idea was to expand Turkey's influence by educating pro-Turkic youth in the countries of the region, and also create a positive image for Turkey among various segments of the population that would support its policies.

The peculiarity of Turkey's policy is a multilateral and flexible policy that includes both economic integration, energy cooperation, and a soft and effective policy that includes cultural interaction based on ethnic and linguistic similarity.

Keywords: South Caucasus, Turkish Policy, Azerbaijan, Armenia, Georgia, energy policy, pan-Turkism, neo-Ottomanism

For citation: Suvanova M.S. Turkish policy in the South Caucasus. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(3):284–297. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-284-297>

ВВЕДЕНИЕ

Южный Кавказ — регион, в котором наиболее ярко отразился распад СССР и его последствия. Данный регион в отличие от других субрегионов постсоветского пространства, ярко отражает новые тенденции экономических и социальных отношений, основанных на принципах демократии, тор-

говли, свободы слова, то есть формирования нового гражданского общества, основанные на принципах западной идеологии. В данный турбулентный период глубоких геополитических изменений и в условиях смены устоявшего мирового порядка, Южный Кавказ, также стал одной из важных территорий за которую, мировые центры ведут

борьбу. Более того, за счет огромных запасов нефти и газа, Южный Кавказ стал более значимым. Негативная тенденция, сопровождаемая формированием нового мирового порядка; как рост непризнанных государств, усиление сепаратизма, стремление малых народов к самоопределению, также имеет место быть и на Южном Кавказе. Причиной этому является этническая пестрота региона. Геополитическая роль Южного Кавказа действительно уникальна — как по его потенциалу, так и по географическому расположению. Южный Кавказ, примыкает к региону Ближнего Востока, который считается одной из горячих точек, регулирование и модернизация, которого на сегодняшний день является одной из сложнейших задач [1]. Южный Кавказ в значительной мере приобщен к Западным принципам, к демократии, в котором проживают, представители различных конфессий. Несмотря на активное проникновение Запада на Южный Кавказ, не стоит сбрасывать психологический опыт данных стран, который представляет сложное переплетение; общего советского прошлого, с динамично развивающимся тюркским Азербайджаном с огромными западными инвестициями. Также тесно сотрудничающую Грузию с НАТО. Армению, для которой Россия является ближайшим партнером, при этом имеющая огромные представительства диаспор в Западных странах. Данные страны пытаются вести сбалансированную и гибкую политику между Россией и Западными странами. Однако стоит учесть, что страны Южного Кавказа более русифицированные, нежели вестернизированы. Многолетнее общее советское прошлое до сих пор существует в ментальности населения и в политике государств. Данный регион сформировался на расцвете русской и советской культуры, то есть советский фактор стал доминирующим культурным элементом в становлении региона.

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Межправительственное соглашение между СССР и Великим Национальным Собранием Турции Марта 1921 года о Дружбе и Добрососедстве, полностью вычеркнул из повести турецкой политики, термин о «внешние тюрки» [2], который подразумевал поддержку народам тюркского происхождения, проживающим на территории Средней Азии и Кавказа. В соглашение, турецкая сторона обязалась не оказывать поддержку движению «Туран», и не содействовать ее образованию на территории Средней Азии и Кавказа [3], что означало добровольное отстранение Турции от данных регионов. Турция к моменту подписания данного соглашения переживала глубокие внутренние изменения, а также в первые годы после образования Турецкой Республики, коммунистическая партия Турции набирала обороты, в связи, с чем для нее не выгодно было портить отношение с СССР [4]. Другим не менее важным фактором было то, что к началу 1920-х годов СССР взял под контроль территории Средней Азии и Кавказа, тем самым выстраивание отношений с народами, проживающими в составе союза, стало невозможным. Таким образом, вплоть до конца 1980-х годов, до горбачевских реконструкций, не наблюдается каких либо отношений между Турцией и народами Южного Кавказа. Завершение холодной войны стал причиной турбулентных изменений в мире, и пересмотру Турцией прежних внешнеполитических приоритетов и своего положения в мире. Изменения в мировой системе обеспечили независимость 15 новым республикам, что открывало новые горизонты для сотрудничества и расширения своего влияния, но вместе с тем, разрушение механизмов холодной войны, которые способствовали предотвращению региональных конфлик-

тов, стал повышенным риск локальных и региональных войны, нестабильности на территориях новообразованных государств, граничащих с Турцией. Системные изменения способствовали усилению соперничества за регионы, которые в составе СССР носили маргинальный характер. На смену блоковому делению пришел вопрос регионализации, регионы Центральной Азии, Южного Кавказа, Восточной Европы, прежде являвшиеся периферией стали центром борьбы внешних акторов. Турция, которая в годы холодной войны являлась стратегическим членом НАТО в борьбе с коммунизмом, потеряла прежние позиции [5]. Турция оказалась в центре регионов, за которые шла активная борьба внешних акторов, перед ней стояла задача укрепить свои позиции не как член НАТО, а как один из региональных лидеров. Тем самым, стало невозможным продолжать внешнюю политику Турции, которая сложилась веками, основанная на вестернизации, на западной экономической, военной и политической помощи, нацеленную на «безопасность и спокойствие» [6]. Таким образом, в начале 90-х годов наблюдается активизация политики Турции в отношении стран Центральной Азии и Южного Кавказа основанная на единстве языка, религии и культуры.

Политика Турции осуществлялась в двух направлениях, Турция продвигала свою модель развития для новообразованных государств, а также идеи «Турана» [7]. Однако, уже к 1995 году стало ясно о недостаточном наличии ресурсов у Турции для осуществление своих планов в Центральной Азии и на Кавказе, к тому время Россия выкарабкивалась глубокого экономического кризиса, что означало место СССР вскоре займет Россия. Начиная с 1995 года, Турция стала вести прагматичную, сбалансированную политику в отношении стран постсоветского пространства с учетом интересов России,

основанную на сотрудничестве. Только с приобретением независимости новых государств, в период с 1991-1993 годов стал открыто подниматься вопрос «внешних тюрков» в самых высших кругах, их положение и будущее, что прежде воспринималось как национализм и запрещалось, произошло изменения восприятия данного вопроса и самим турецким обществом [8]. Попытки Турции активного проникновения в регион Центральной Азии и Азербайджана, по ряду причин не нашло должного отклика в странах Центральной Азии, однако, имело эффективность в отношении Азербайджана. Ведение тюркской политики разделило Азербайджан от других стран Южного Кавказа, и на долгие годы определило роль самой Турции на Южном Кавказе. В отношении Южного Кавказа, Турция обделила себя Азербайджаном, ведя политику в рамках тюркского мира, не проявляя должного внимания другим не тюркским странам региона. Идея тюркизма, которая набирала обороты к тому времени, тесно переплелась с вопросом Карабаха. Данный вопрос стал одним из основных лозунгов политических партий, с того периода Турция преследует политику активной и безусловной поддержки Азербайджана в вопросе Карабаха, он и по сей день является важным сближающим фактором Азербайджана и Турции. В отношении Армении также время от времени наблюдалось смягчение, Турция всегда подчеркивала возможность нормализации армяно-турецких отношений при решении карабахского вопроса. Турция участвовала в применении экономического эмбарго в отношении Армении и не выстраивала дипломатических отношений, но при этом с опасением подходила к вопросу вооружения Азербайджана, и возникновения новых военных столкновений. Несмотря на накал в турецком обществе и негативного отношения к Армении, турец-

кое руководство стремилась к налаживанию отношений с Арменией. В 1992 году, несмотря на то, что Армения не является Черноморской страной, была приглашена на встречу, по инициативе создания Черноморского Экономического Сотрудничества, как член учредитель [9]. На то период, нормализация отношений было выгодным для обоих государств, для Турции она обеспечила бы выход в Центральную Азию, и способствовало бы прекращению действий армянской диаспоры в США, которая существенно влияла на политику Вашингтона в отношении Анкары. Тем самым вначале 90-х Турция стремилась вести политику в отношении Армении, основанную на жестком прагматизме, в соответствии геополитическим интересам Турции. В тот временной период, единственным фактором препятствующим улучшению отношений оставался Нагорно-Карабахский конфликт и Азербайджан. В 2001 после заявления армянской стороной о требовании признать геноцид армян мировым сообществом, а также заявления о несправедливости Московского и Карского соглашения 1921 года, определившие армяно-турецкие границы, последующая отмена данного соглашения и требования пересмотра турецких территорий Карса и Ардахана стали причиной похолодания между Анкарой и Ереваном.

Турецкая Республика, имеющая непосредственные границы с регионом Южного Кавказа, имеет существенное влияние в обеспечении безопасности данного регион. Турция, которая за последние десятилетия прослеживает политику конструктивного диалога, направленную на разрешение всех существующих конфликтов и противоречий, включила свое присутствие в соседних регионах как один из приоритетов во внешней политики, которая подверглась кардинальным изменениям с приходом к власти Партии Справедливости и Развития

(ПСР). Внешняя политика Турции фактически основана на концепции книги бывшего премьер министра Турции Ахмеда Давутоглу «Стратегическая глубина». Основным направлением данной книги является концепция «ноль проблем с соседями...» [10], которая способствовала активному налаживанию отношений Турции с ближайшими и дальними соседями. Южный Кавказ, несмотря на важность региона и непосредственную близость к Турции, является не полностью изученным и известным объектом внешней политики Турции.

После распада СССР сложились условия для изменения политики Турции, которая поставила цель заполнить геополитический вакуум, который образовался после распада коммунистического блока. Тем самым Анкара стремилась реализовать планы по расширению свое влияния в странах тюркского происхождения. Грузия и Армения не были одними из приоритетов во внешней политики Турции на тот период. Таким образом, Турция сделала ставку на страны Центральной Азии и Азербайджан. Основные финансовые ресурсы был сконцентрированы в данных странах, в целях создания сфер влияния. Однако ожидания новообразованных стран и возможности Турции не сходились, что стало причиной неэффективности политики Турции в странах постсоветского пространства. Страны Центральной Азии и Азербайджан, как и все другие страны постсоветского пространства, переживали глубокий экономический кризис и нуждались в крупных кредитах, Турция не обладала такими огромными ресурсами, способными потянуть за собой экономики новых государств. Только в конце 90-х и в начале 2000-х годов, уже после частичного преодоления кризиса странами, и сменой власти в самой Турции, началась разрабатываться многосторонняя и конструктивная политика Турции в отношении стран

Южного Кавказа. С данной точки зрения Турция может рассматриваться, как актор, пришедший в регион с опозданием.

Рассматривая политику Турции, сложно говорить о комплексной или одинаковой политике в отношении стран Южного Кавказа. Как и сам регион, политика Турции представляет собой комплекс противоречий. Двусторонние отношения, заложенные между Турцией и Азербайджаном после обретения независимости, стали жизненно важным элементом внешней политики Турции в Южно-Кавказском регионе. Слоган как «Один народ, два государства» [11], даже если не находит полного отражения в политической реальности, активно используется в политическом дискурсе. Тесное сотрудничество и поддержка между политической элитой двух стран еще более укрепляет отношения. Также это связано с развитием проектов о превращении Турции в мирового энергетического транспортера. Транспортировка каспийской нефти стало самым главным вопросом во внешней политике Турции, что на долгие годы вперед определила бы роль Турции в регионе и в мире. Данный фактор, одновременно, обеспечивает Турцией верного союзника в лице Азербайджана, однако, также становится барьером для дальнейшего продвижения в регион. Наряду с Азербайджаном, с начала 2000-х годов наблюдается улучшение торгово-экономических отношений между Грузией и Турцией, которая включила Грузию в список соседей, с которыми Турция имеет хорошие дружественные отношения. Камнем преткновения остается Армения, безусловная поддержка Азербайджана в вопросе Нагорного Карабаха, тесное экономическое, культурное сотрудничество, ухудшает и без этого напряженные отношения Турции с Арменией, основанных на ряде серьезных противоречий, как вопрос признания геноцида, неопределенных гра-

ниц между Турцией и Арменией. Решение данных противоречий в обозримом будущем кажется невозможным, но и ухудшение отношений с Арменией не в интересах турецкого руководства.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Одним из важнейших направлений политики Турции на Южном Кавказе является энергетическое направление. Огромные запасы Каспийской нефти перевернули всю картину региона и внесли кардинальные изменения в экономику и в политику, как Азербайджана, так и Турции.

Географическое расположение Турции близ 72% мировых запасов газа и 73 % запасов мировой нефти [12], располагающиеся на Ближнем Востоке и в Каспийском бассейне, а также контролирование важнейших энергетических путей проходящих через проливы Босфор и Дарданеллы, превращает ее в ключевую страну в системе энергетической безопасности Европы. Турция представляет собой энергетический мост, осуществляющий основные потоки транспортировки нефти и газа на мировые рынки. Реализация энергетических проектов стало важным в развитии региона, тем самым стабильность и обеспечение безопасности транспортировки углеводородов стало основным направлением в политики стран добывающих, транспортирующих и экспортирующих ресурсы. Единственным государством Южного Кавказа, обладающим внушительными запасами ресурсов является Азербайджан. По данным Государственной Нефтяной Компании Азербайджанской Республики (SOCAR) «извлекаемые запасы углеводородов в Азербайджане составляют 4,05 миллиарда тонн нефтяного эквивалента, прогнозные запасы углеводородов — 5,45 миллиарда тонн нефтяного эквивалента. Таким обра-

зом, общий объем запасов углеводородов оценивается в 9,5 миллиарда тонн условного топлива [13]. К тому же в отличие от других Каспийских стран, Азербайджан являлась единственной страной обладающей развитым нефтепромышленным комплексом еще со времен СССР. С обретением независимости Азербайджан связывает свое будущее с «большой нефтью», таким образом, сотрудничество Турции с Азербайджаном в энергетической сфере стало одним из важнейших факторов определяющим положение Турции на Южном Кавказе. Кроме того, сближение двух стран подталкивал и тот факт, что Азербайджан, обладающий запасами нефти, мог стать альтернативным источником поставки энергоресурсов в Турцию. Так как в результате быстрого развития турецкой экономики, усилилась зависимость Турции от экспорта нефти. Собственная добыча покрывает около четверти потребностей Турции [14].

В 1994 году был создан консорциум по добыче каспийской нефти на азербайджанском секторе Каспийского моря. Первым шагом в активизации энергетической политики стало подписанное Баку и Анкарой в 1995 году, соглашение о строительстве нефтепровода из Баку к порту Джейхан. Позже к данному проекту присоединилась Грузия, будущий проект получил название Баку — Тбилиси — Джейхан (БТД). В 1999 году данный проект был закреплён пакетом межправительственных соглашений подписанных между Азербайджаном, Грузией и Турцией [15]. Тем самым, было положено начало энергетической системе Южного Кавказа, что стало важнейшим фактором развития региона в следующем десятилетии.

БТД, является центральным компонентом западного энергетического коридора, проходящего через Турцию, который предусматривает доставку азербайджанской

нефти с месторождения Азери — Чираг — Гюнешли, через территорию Азербайджана и Грузии к берегам Средиземного моря к терминалу Джейхан, и дальше танкерами к Европейским рынкам. Данный терминал транспортирует 1 млн. баррель нефти в день (приблизительно 1,5% мирового экспорта), годовая пропускная способность составляет 50 млн. тонн, а также является вторым по длине нефтепроводом мире (1760 км).

Проект БТД является одним из основ энергетической политики Турции на Южном Кавказе. Во-первых, данный проект превратил Турцию в главного транспортера Каспийской нефти, сделав Джейхан новым энергетическим хабом евразийской энергетической системы. Во-вторых, укрепила позиции Турции на международной арене в сфере безопасности, так как в целях обеспечения энергетической безопасности теперь Анкара имела легитимное право подавлять сепаратистские движения курдов, проживающих по маршруту трубопровода, который проложен на юго-восточных районах Турции. БТД, является первым проектом, по транспортировке нефти проложенным в обход России, что существенно изменило геополитическую обстановку, учитывая важность энергетического фактора в современном развитии государств. Нефтепровод БТД стал укрепляющим фактором политики Турции на Южном Кавказе и возможностью для дальнейшего расширения Турции в других Каспийских государствах, в энергетической сфере.

Вторым проектом в энергетической политике Турции является южно-кавказский газопровод «Баку — Тбилиси — Эрзурум». Исследование месторождения «Шах-Дениз» началось в начале 1990-х годов. В 1992 г. Азербайджан подписал соглашение с британо-норвежским альянсом «Бритиш Петролеум/Статойл» («British Petroleum/ Statoil») о проведении работ по разведке и

разработке перспективной газовой структуры «Шах-Дениз», совместно с ГНКАР. К 1999 г. был создан международный консорциум в составе «Бритиш Петролеум/Стагойл», ГНКАР, «ЛУКОЙЛ», «Элф Аквитан» («Elf Aquitaine» (Франция)), «ОИЕС» («OIES» (Иран)) и ТРАО (Турция) [16]. Разведывательные работы показали наличие в первой скважине порядка 700 миллиардов кубометров природного газа и около 200–300 миллионов тонн конденсата [17]. Таким образом, начали выдвигаться идеи по строительству газопровода из Баку. Газопровод Баку — Тбилиси — Эрзурум (БТЭ), который нацелен на транспортировку природного газа добываемого на месторождении «Шах-Дениз», был реализован на основе межправительственного соглашения подписанного 12 Марта 2001 года между Азербайджаном и Турцией. В рамках данного соглашения между ГНКАР и турецким Боташем (BOTAS) было подписано соглашение об экспорте 6,6 млрд. м³ природного газа в течение 15 лет. Протяжённость проекта газопровода составила 970 км (442 км проложены по территории Азербайджана, 248 км — по территории Грузии и 280 км — от грузино-турецкой границы до города Эрзурум) [18]. Несмотря на то, что планировалось начать транспортировку газа уже в 2004 году, разрешение на строительство было дано только в 2003. Сроки эксплуатации постоянно смещались, и таким образом в 2007 году осуществился запуск газопровода. На отрезке БТЭ, расположенном на территории Азербайджана и Грузии (южно-кавказский газопровод) планируется увеличить объем поставки, а также на отрезке турецко-грузинской границы присоединение БТЭ к Транс-Анатолийскому газопроводу (TANAP), запуск которого запланирован к концу 2018 года.

TANAP является третьим проектом энергетической политике Турции на Южном

Кавказе, который предусматривает транспортировку 6 млрд. м³ газа с месторождения Шах-Дениз в Турцию, согласно соглашению, подписанному в ходе переговоров 25 ноября 2011 между Турцией и правительством Азербайджанской Республики и консорциумом, разрабатывающим данное месторождение [19]. Также, 26 июня 2012 года было подписано межправительственное соглашение о транспортировке 10 млрд. м³ азербайджанского газа через трубопровод TANAP в Европу. Основными акционерами проекта TANAP являются ГНКАР с 58% акций, и Турция с 30%, а также в проекте участвуют Бритиш Петролеум и норвежский Стейт Оил (State Oil) с 12% акций [20]. Тем самым, данный проект является важнейшей сферой сотрудничество Турции и Азербайджана на мировой энергетической арене, потенциал которого будет составлять 32 млрд. м³ в год и протяженностью 1850 км. Расширение TANAP за счет присоединения к Транс-адриатическому и к южно-кавказскому газопроводам, образует «Южный газовый коридор» [21]. Представляя собой один самых масштабных проектов евразийской энергетической системы, проект TANAP в какой-то степени заменил проект Набукко, который ранее активно поддерживался Западными странами. Отличие проектов Набукко и TANAP заключается в том, что по проекту Набукко маршрут должен был проходить через территорию Ирана вместо Азербайджана, и основной поток экспорта должен был составлять туркменский и иранский газ, что не отвечало интересам Азербайджана. Вопрос наполняемости данного проекта вызывал сомнения, однако проект в будущем предусматривает также присоединения веток экспортирующих туркменский газ, что представляется весьма сложным из-за нерешенности правового статуса Каспийского моря, так как маршрут из Туркмении

должен проходить по дну Каспия. Потенциальным экспортером газа по трубопроводу TANAP является Иран, который имеет значительные запасы, и после отмены санкций увеличил добычу природного газа. Также в рамках TANAP планируется протянуть ветку из Израиля, по которой возможно будет также экспортироваться Кипрская нефть.

Проект TANAP является одним из самым масштабных проектов энергетической политики Турции, который укрепляет позиции Турции, как энергического транзитного центра. Турция в свою очередь, рассматривает возможности получения политических и экономических дивидендов от реэкспорта газа. Данный подход вызвал в 2008 году разногласия между Турцией и Азербайджаном. Турция получала газ по заниженной цене (120 долл. за 1000 м³) и перепродавала его по более высокой цене [22]. В связи с этим Азербайджан начал требовать пересмотра, а также начала искать альтернативные пути экспорта газа, тем самым пытаясь снизить полную зависимость от Турции. В результате Азербайджан подписал договор в 2009 году с Россией, в 2011 году с Ираном о поставке газа. Однако российский и иранский рынок не может конкурировать с европейским рынком, в связи с этим, Азербайджан начал искать альтернативные транспортные коридоры, одним из которых был проект «Белый поток», согласно которому трубопровод должен быть проложен по дну Черного моря до Украины или Румынии. Вторым возможным вариантом было создание инфраструктуры для экспорта сжиженного природного газа из грузинских портов в Румынию. Оба возможных варианта противоречили энергетическим интересам Турции. В результате переговоров, Турция и Азербайджан пришли к соглашению. Турция согласилась на повышение цен до рыночного уровня, получив при этом воз-

можность снижать уровень потребления на 20% в зависимости от своих потребностей. В свою очередь Азербайджан добился единого унифицированного тарифа для транзита своего газа по территории Турции для всех проектов и направлений экспорта. Что способствовало для дальнейшей реализации проекта TANAP.

Особенность проекта состоит в том, что ключевая роль в его реализации принадлежит региональным игрокам — Азербайджану и Турции. Если прежде подобные стратегические проекты осуществлялись с непосредственным участием западных компаний, то это первый азербайджано-турецкий проект. Этому способствовал опыт и уже достаточная экономическая мощь Азербайджана и региональная роль Турции.

В энергетической стратегии Турции одним из важнейших регионов является регион Южного Кавказа, за счет богатых запасов углеводорода. В данном вопросе Турция успешно использовала свое географическое положение естественного моста между богатыми ресурсами Каспия и европейским рынком. Трубопроводы, проложенные из Южного Кавказа, обеспечили современное положение Турции, как транзитной страны. Укрепление Турцией, статуса транзитной, страны-энергетического хаба, может обеспечить ей региональное влияние и энергетическую независимость. Таким образом, сам регион Южного Кавказа имеет жизненно-важное значение в энергетической стратегии Турецкой Республики, так как за счет реализации таких крупномасштабных проектов, как БТД, БТЭ и TANAP, Турция стало транзитным центром. В результате чего полностью поменялся геополитический расклад региона, Турция вытеснив Россию, стала важным стратегическим партнёром Азербайджана и Грузии в энергетической сфере.

**КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В СТРАНАХ ЮЖНОГО
КАВКАЗА**

Распад СССР стал причиной коренных изменений мирового порядка и геополитической ситуации в мире после завершения противостояния двух идеологических блоков. Подобные социально-политические изменения усилили угрозу экспансионизма, сепаратизма, национализма и терроризма.

Образовавшийся идеологический вакуум бросились заполнять региональные лидеры, которые когда то в историческом прошлом имели свое влияние. С распад СССР и переориентация стран постсоветского пространства для Турции сложилась удобная обстановка для осуществления своих желаний, которые прежде казались далекими от реальности. К тому же заинтересованность США в ослаблении России в регионе, выдвигала модель Турции для продвижения в регионе. Культурно-цивилизационный фактор составляет основу всей политики Турции на евразийском пространстве. Имперские устремления, основанные на тюркском супер этносе, которые прочно осели в сознании турецкого общества, способствовали активизации Турции во всех сферах сотрудничества.

В 90-х годах прошлого века, Турция начала разрабатывать новую культурную политику в отношении стран постсоветского пространства, что соответствовало процессам того времени и идеям которые турецкое общество вынашивала многие годы. С распадом СССР турецкие политологи начали возрождение идею создания Турана — единого «пан-тюркского» сообщества государств с населением 120 млн. человек, простирающихся от Западного Китая до восточного побережья Средиземного моря. Данная идея рассматривала перспективы создания единого политико-экономического союза тюркских госу-

дарств с общим рынком, объединенной энергосистемой. Сама теоритическая основа идея «пан-тюркизма», так как несет в себе некие элементы радикализма и национализма, часто осуждается. Так как теория идеи «пан-тюркизма» охватывает огромные территориальные пространства современных независимых государств, тем самым данная идея несет некую угрозу территориальной целостности некоторым странам евразийского континента. Современная Турецкая Республика, учитывая подобные минусы данной идеи, перенесла некоторые аспекты и в более мягкой форме, сформулировала ее в политике «неоосманизма», сохраняя некоторые важные элементы. Она сочетает в себе элементы устоявших кемалистских, умеренно-исламистских и современных подходов к системе международных отношений. В данной концепции найден удачный баланс между традиционным для турецкой внешней политики евразийством и имперским стремлением как «неоосманизм».

Основным институтом осуществления культурной политики Турции в отношении Грузии является агентство ТИКА, которое с 2000 года реализует проект «Тюркология», в рамках которого в грузинских вузах были созданы факультеты и отделения по изучению Турции. По количеству реализуемых проектов в рамках ТИКА, Грузия занимает второе место на постсоветском пространстве после Киргизии. В 2007 в Турции был создан Институт Юнус Эмре, целью которого является продвижение за рубежом турецкой культуры и языка. В 2012 году, при поддержке данного фонда, в Тбилиском Государственном Университете им. И. Джавахишвили был открыт культурный центр Юнуса Эмре, который проводит культурный мероприятия, дни Турции в Тбилиси и научные курсы по изучению тюркологии. Образовательная политика Турции также

осуществляется в рамках проектов «Туркие Бурслары» (Turkiye Burslari) и YÖK, которые предоставляют квоты для иностранных студентов. По количеству иностранных студентов обучающихся в Турции, первое место занимает Азербайджан, по данным Министерства Образования Турции, за период 2016-2017 годы число студентов с Республики Азербайджан составило 15,036 студентов [23]. Студентов из Грузии насчитывается свыше 500 студентов. Культурно-образовательную политику Турции на Южном Кавказе можно разделить на два этапа. Первый представляет собой период с начала 1990-х до 2002 года. В данный временной период Турция ведет культурно-образовательную политику направленную сугубо в отношении тюрко говорящих стран. Так как единственным государством тюркского происхождения на Южном Кавказе является Азербайджан, в отношении ее наблюдается более активная культурно-образовательная политика, по сравнению с другими странами Южного Кавказа. Политика осуществлялась в рамках организаций «Тюркской» и «ТКА», целью которых являлось продвижение идеи «пан-тюркизма». Были открыты культурные центры, был принят общий алфавит тюркских государств, начал функционировать теле- и радиоканал. Несмотря на эффективную политику и сближение тюркских народов в культурном плане, основная цель по созданию тюркского союза не была достигнута. Культурно-образовательная политика подверглась изменениям с приходом к власти Партии Справедливости и Развития в 2002 году. ПСР отбросив стремления о создании тюркского союза, начала проводить прагматичную политику. С 2002 года наблюдается активизация политики Турции, наряду с Азербайджаном, также и в Грузии. Начали проводиться различные культурные мероприятия, открываться учебные заведения.

В отношении Грузии политика осуществлялась в рамках деятельности организации ТКА, а также движения Ф. Гюлена. Движение Гюлена проделала огромную работу в Азербайджане и в Грузии по подготовке и воспитанию про турецки настроенного нового поколения. В продвижение культурно-образовательной политике Турции важное место занимает движение проповедника Ф. Гюлена, известное, как «Нурджулар», «Хизмет». Движение Гюлена представляет собой мощный институт, целью которого является распространение исламских и пантюркских идей. Для достижения этих целей создана сеть образовательных центров по всему миру, направленная на воспитание нового поколения. Деятельность «Фетхуллахчылар» за пределами Турции соответствовала стратегии внешней политики страны, и движение рассматривалась правительством Турции, как дополнительный инструмент с точки зрения культурно-идеологической гегемонии Турции. Попытка переворота 2015 года полностью изменило положение учебных заведений данного движения. Ответственность попытки переворота была возложена на движение Ф.Гюлена, которая на данный момент преследуется как террористическая организация, все учебные заведения были закрыты. Турецкое правительство также требовала закрытия учебных заведений, расположенных в странах Южного Кавказа. На территории Азербайджана по официальным данным насчитывается 12 учебных заведений, в которых по приблизительным подсчетам, получали образования свыше 30 тысяч азербайджанских студентов. В Грузии насчитывалось три крупных учебных заведений, колледж и также Черноморский Университет в Тбилиси, официальной статистики студентов нет, по приблизительным данным в общем целом в данных университетах получали образование около

семи тысяч студентов. Несмотря на закрытия и гонения данной организации, Гюленовские школы — являлись одними из самых известных и рейтинговых учебных заведений на постсоветском пространстве. С начала 90-х годов, гюленовские учебные заведения, колледжи и университеты на Южном Кавказе, которые по количеству насчитываются более трех тысяч, выпустили свыше миллиона студентов. Несмотря на светскую основу, обучение в них тесно связано с религиозным воспитанием. Школы активно пропагандировали синтез турецко-исламской идеологии, тем самым создавая реальный арсенал протурецко настроенной молодежи внутри страны. Их деятельность была направлена на создание основы, которая бы в перспективе могла бы сформировать «турецкое лобби».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В политике Турции в отношении стран Южного Кавказа выделяется два этапа. Первый этап охватывает период с распада СССР до прихода к власти в Турции партии Справедливости и Развития. Первый этап характеризуется идеей «пантюркизма». Так как единственным тюркским государством Южного Кавказа является Азербайджан, наблюдается акцент на Азербайджанскую Республику. Идея о создании тюркского мира не была достигнута. Однако, за данный временной период, Турция достигла значительного успеха в расширении своего влияния в Азербайджане во всех направлениях.

Второй этап охватывает период с 2002 года, с приходом к власти партии Справедливости и Развития, под руководством Р. Т. Эрдогана. политика Турции подверглась существенным изменениям. Турция начала проводить политику в рамках идеи «неоосманизма», в которую были вложены некоторые элементы идеи «пантюркизма»,

однако не в столь радикальной форме, и с учетом реалий современного мира. Идея «неоосманизма» ставит цель расширение влияния Турции в бывших османских территориях и возрождение былой мощи Османской империи. Данная идея основана на концепции «ноль проблем с соседями», которая отражена в книге бывшего премьер-министра Турции Ахмеда Давутоглу «Стратегическая глубина». Отталкиваясь от данной концепции и отбросив далекие от реальности идеи «пантюркизма», Турция активировала политику в отношении ближайших соседей. С данного периода Грузия начала занимать важное место во внешней политике Турции, как один из его стратегических партнеров в регионе. Однако ряд существующих проблем и разногласий, таких как нерешенность Нагорно-Карабахского конфликта, вопрос признания «армянского геноцида» остаются барьером в восстановлении добрососедских отношений между Арменией и Турцией.

Важнейшим направлением политики Турции стало энергетическое взаимодействие, в котором Анкара добилась больших результатов, тем самым, обеспечив влияние на страны Южного Кавказа. Энергетические проекты, такие как БТД, БТЭ и TANAP обеспечили Анкаре статус главного регионального энергетического транзитера (хаба). Тем самым Турция получила возможность непосредственно влиять на геополитическую ситуацию в регионе. Современная политика Турции на Южном Кавказе направлена на сохранение стратегических отношений с Азербайджаном, укрепления отношений с Грузией, а также разрешения разногласий с Арменией. Говорить о турецкой экспансии не приходится, однако важным для Турции является сохранение статуса-кво в регионе, то есть предотвращение возможного усиления российского влияния на Южном Кавказе [24].

ЛИТЕРАТУРА

- Hannon J., Dudden L. US-TURKEY Relation under the AK Party. Ankara: SETA; 2017. 205 p.
- Öksüz H. Batı Trakya Türkleri. Hikmet. Ankara: Published; 2006. 243 p.
- Baskın O. Türk Dış Politikası. İstanbul: İletişim Yayıncılık; 2010. P. 366–440.
- Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. Москва: Международные отношения; 2001. 464 с.
- Gözen P.E. Turkish Foreign Policy. Ankara: METU; 2015. 273 p.
- Hannon J., Dudden L. US-TURKEY Relation under the AK PARTY. Ankara: SETA; 2017. 205 p.
- Baskın O. Türk Dış Politikası. İstanbul: İletişim Yayıncılık; 2010. P. 366–440.
- Özcan T. «Türkiye’de Siyasal Rejim ve Dış Politika». İstanbul: Türk Dış Politikasının Analizi; 1994. 311 p.
- Эшба Э.Д. Региональное сотрудничество на Черном море: достижения, проблемы, перспективы. Москва: МГИМО; 2013. 47 с.
- Davutoglu A. «Strategic Depth». İstanbul: İstanbul Bilgi University; 2001. 563 p.
- Baskın O. Türk Dış Politikası. İstanbul: İletişim Yayıncılık A. Ş; 2010. P. 366–440.
- İskender S. «Dünya Enerji Durumu ve Geleceğe Yönelik Planlar». İstanbul: WEC Turkish National Committee; 2006. P. 27-30.
- <http://www.socar.az/socar/en/home> (дата обращения: 10.03.2018)
- Grinevetskiy S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S., Kosarev A.N., Kostyanoi A.G. The Black Sea Encyclopedia. Berlin: Springer; 2015. 889 p.
- <http://www.enerji.gov.tr/tr-TR/Sayfalar/Elektrik> [accessed: 04.03.2018]
- Gareth M. W. The Southern Gas Corridor and Turkey’s Role as an Energy Transit State and Energy Hub. *Insight Turkey*. 2013;15(1):145-163.
- Karakaya L. «Turkey Played its Hand Well in the Energy Game». http://www.tepav.org.tr/upload/files/13306910437.Turkey_Played_its_Hand_Well_in_the_Energy_Game.pdf (дата обращения: 05.04.2018)
- Жильцов С.С., Зонн И.С. Черноморский регион: новые очертания. Москва: МГОУ; 2010. 198 с.
- http://www.tanap.com/content/file/TANAP_Hukumetlerarası_Anlasma.pdf (дата обращения: 10.04.2018)
- <http://www.socar.az/socar/en/home> (дата обращения: 05.02.2018)
- Edward C. Ch. «Turkey as an Energy Bridge», Turkey’s Evolving Dynamics: Strategic Choices for US-Turkey Relations. Washington: Center for Strategic and International Studies; 2009. С. 77-78.
- Stevens P. Transit Troubles: Pipelines as a Source of Conflict. London: Chatham House; 2009. P.11-23.
- <http://www.meb.gov.tr/> (дата обращения: 17.04.18)
- Zhiltsov S.S. Revolutionary Waves in the Post-Soviet Expanse. *Central Asia and the Caucasus*. 2005;6:7-13.

REFERENCES

- Hannon J., Dudden L. US-TURKEY Relation under the AK Party. Ankara: SETA; 2017. 205 p.
- Öksüz H. Batı Trakya Türkleri. Hikmet. Ankara: Published; 2006. 243 p.
- Baskın O. Türk Dış Politikası. İstanbul: İletişim Yayıncılık; 2010. P. 366–440.
- Gadjiev K.S. Geopolitic of Caucasus. Moscow: International Relations; 2001. 464 p. (In Russ.)
- Gözen P.E. Turkish Foreign Policy. Ankara: METU; 2015. 273 p.

6. Hannon J., Dudden L. US-TURKEY Relation under the AK PARTY. Ankara: SETA; 2017. 205 p.
7. Baskın O. Türk Dış Politikası. İstanbul: İletişim Yayıncılık; 2010. P. 366–440.
8. Özcan T. «Türkiye’de Siyasal Rejim ve Dış Politika». İstanbul: Türk Dış Politikasının Analizi; 1994. 311 p.
9. Eshba E.D. Regional cooperation at the Black Sea: achievements, problems and perspectives. Moscow: MGIMO; 2013. 47 p. (In Russ.)
10. Davutoglu A. «Strategic Depth». İstanbul: İstanbul Bilgi University; 2001. 563 p.
11. Baskın O. Türk Dış Politikası. İstanbul: İletişim Yayıncılık A. Ş; 2010. P. 366–440.
12. İskender S. «Dünya Enerji Durumu ve Geleceğe Yönelik Planlar». İstanbul: WEC Turkish National Committee; 2006. P. 27-30.
13. <http://www.socar.az/socar/en/home> [Accessed: 10.03.2018]
14. Grinevetskiy S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S., Kosarev A.N., Kostyanoi A.G. The Black Sea Encyclopedia. Berlin: Springer; 2015. 889 p.
15. <http://www.enerji.gov.tr/tr-TR/Sayfalar/Elektrik> [Accessed: 04.03.2018]
16. Gareth M. Winrow, The Southern Gas Corridor and Turkey’s Role as an Energy Transit State and Energy Hub. *Insight Turkey*. 2013;15(1):145-163.
17. Karakaya L. «Turkey Played its Hand Well in the Energy Game». http://www.tepav.org.tr/upload/files/13306910437.Turkey_Played_its_Hand_Well_in_the_Energy_Game.pdf [Accessed: 05.04.2018]
18. Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Black Sea Region: New Outlines. Moscow: MGOU; 2010. 198 p. (In Russ.)
19. http://www.tanap.com/content/file/TAN-AP_Hukumetlerarasi_Anlasma.pdf (Accessed:10.04.2018)
20. <http://www.socar.az/socar/en/home> [Accessed: 05.02.2018]
21. Edward C. Chow «Turkey as an Energy Bridge», Turkey’s Evolving Dynamics: Strategic Choices for US-Turkey Relations. Washington: Center for Strategic and International Studies; 2009. C. 77-78.
22. Stevens P. Transit Troubles: Pipelines as a Source of Conflict. London: Chatham House; 2009. P.11-23.
23. <http://www.meb.gov.tr/> [Accessed:17.04.18]
24. Zhiltsov S.S. Revolutionary Waves in the Post-Soviet Expanse. *Central Asia and the Caucasus*. 2005;6:7-13.

.....
 Статья получена 01.06.2018
 Received 01.06.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мээрим С. Суванова, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2;
meerim020294@gmail.com

Meerim S. Suvanova, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
meerim020294@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Водно-энергетические проблемы в Центральной Азии на современном этапе

Ксения С. Захарова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

kсениаза95@gmail.com

Аннотация: Одной из самых сложных проблем для стран Центральной Азии является дефицит пресной воды и связанные с этим вопросы совместного использования трансграничных водных ресурсов. Сложившиеся реалии в Центральной Азии непосредственно связаны с проводимой экономической политикой, отсутствием взаимодействия стран региона в сфере использования водных ресурсов, а также изменениями климата, ростом населения и потребления водных ресурсов, что уже привело к физическому уменьшению запасов воды.

Особенностью гидрографической сети Центральной Азии является крайне неравномерное распределение ее водных объектов не только в рамках региона, но и в рамках каждой из держав региона, что не позволяет странам в полной мере использовать водные ресурсы в обеспечении своих национальных интересов. Основные источники воды в регионе находятся в пределах двух государств — Киргизии и Таджикистана, что порождает трудности во взаимоотношениях этих стран с Узбекистаном, Казахстаном и Туркменистаном. Также ситуация осложняется различными подходами к водопользованию.

С начала 1990-х годов водные проблемы стали факторами региональной безопасности. В сложившемся механизме использования трансграничных водных ресурсов Центральной Азии заложен значительный конфликтный потенциал, водные проблемы занимают одно из ведущих мест в иерархии проблем центрально-азиатского региона. В итоге, проблемы, связанные с водопользованием в Центрально-Азиатском регионе, обладают немалым конфликтным потенциалом и нуждаются в постоянном мониторинге. Несмотря на многочисленные обсуждения и попытки урегулирования водного вопроса стороны так и не пришли к соглашению. Вовлеченность других стран и международных организаций также не увенчалась успехом в попытках поспособствовать решению водной проблемы. В настоящее время в регионе наблюдается потепление отношений и выработка совместного курса на развитие Центральной Азии после прихода к власти нового президента Республики Узбекистан, что может также оказать влияние на развитие ситуации вокруг водно-энергетических ресурсов.

Ключевые слова: Центральная Азия, водно-энергетические ресурсы, ЕС, водный потенциал, механизм распределения водных ресурсов

Для цитирования: Захарова К. С. Водно-энергетические проблемы в Центральной Азии на современном этапе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(3):298–308. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-298-308>

Modern hydro-energy problems in Central Asia

Kseniia S. Zakharova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
kseniaza95@gmail.com

Abstract: One of the most complex problems for Central Asia is scarcity of fresh water and related transboundary water-sharing. The current situation is the result of countries' economic policy, lack of regional engagement on water use, global climate change, population growth and increased consumption of water resources, what has already influenced on reducing water availability.

Feature of Central Asian drainage system is extremely uneven distribution of water resources not only throughout the region, but also throughout each country, what does not let republics take full advantage of water resources in its ensuring of the national interests. The major water sources of the region located on the territory of two countries as Kyrgyz Republic and Republic of Tajikistan, what causes difficulties in relations of these countries with Republic of Kazakhstan, Turkmenistan and Republic of Uzbekistan. Furthermore, situation is compounded by different approaches of Central Asian countries to water use.

Since the early 1990s, water issues became a factor of regional security. The potential of conflict in current mechanisms for water distribution is notably high, that is why water issues one of the priorities on the list of Central Asian problems and requires constant monitoring. Despite many discussion and attempts to resolve regional water problem, the sides have not come to an agreement. Involvement of other countries and international organizations in development of water problem solution has not been successful.

With the election of a new President of Republic of Uzbekistan, there have been a warming of relations in the region and trend towards joint policy-making with respect to Central Asian development. That could have a positive impact on the situation with hydro-energy resources.

Keywords: Central Asia, hydro-energy resources, EU, water potential, mechanisms for water distribution

For citation: Zakharova K. S. Modern hydro-energy problems in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(3):298–308. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-298-308>

ВВЕДЕНИЕ

Человечество столкнулось с нетипичными для себя вызовами и угрозами XXI в., носящими глобальный и нетрадиционный экологический характер. Одним из таких вызовов стал вопрос доступа населения планеты Земля к пресной воде.

Ключевым и фундаментальным требованием для существования и развития всех живых организмов и выращивания сельскохозяйственных культур является наличие водных ресурсов и, в частности, пресной воды. Кроме того, многие виды хозяйственной деятельности, включая лесное и сельское хозяйство, горнодобывающую промышленность и др. также нуждаются в значительном количестве воды.

Определяющий характер воды делает ее стратегическим природным ресурсом в глобальном масштабе, а ее отсутствие — одним из элементов политических конфликтов. Именно поэтому для Центральной Азии так важно найти общее решение водной проблемы в регионе.

Согласно данным различных исследовательских центров, которые занимаются за мерами количества водных ресурсов в регионе, с каждым годом отмечается уменьшение количества пресных водных ресурсов. Их сокращение определяется рядом причин. Среди них — рост населения в странах региона. В Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане рост населения в последние годы равен или превышает 30%. Это уже привело к увеличению потребления водных ресурсов в странах региона.

Помимо обеспечения пресными ресурсами населения, каждой стране необходимы водные ресурсы, идущие на промышленные нужды. Объемы, необходимые для развития производства с каждым годом также неуклонно растут. Более того, некоторые сферы производства потребляют воду без-

возвратно, что также ведет к обострению проблемы дефицита водных ресурсов в странах региона.

Общий ежегодный водозабор в странах региона Центральной Азии составляет около 145 км³ (примерно 3,7% от общего объема водного потребления в мире). Узбекистан имеет самый высокий уровень безвозвратного потребления — 56 км³, что составляет 39% от общего количества. Это связано с тем, что страна имеет самую большую орошаемую площадь. Она в 2-4 раза больше площадей, орошаемых в других странах Центральной Азии. Наименьшее потребление осуществляется Таджикистаном и Кыргызстаном, что составляет 8% и 6% от общего объема потребления в регионе. Около 89% безвозвратного потребления — это вода, забираемая сельским хозяйством. Во всех странах региона, за исключением Казахстана, забор воды сельскохозяйственным производством составляет более 90% от общего объема водозабора. В Казахстане он составляет лишь 66%.

Данные страны находятся под влиянием глобальных факторов истощения водных ресурсов, так как экономический рост, изменение климата, урбанизация, неравномерное использование водных ресурсов.

Второй проблемой, которая усугубляет ситуацию в сфере использования водных ресурсов, является отсутствие правовой базы, направленной на регулирование спорных вопросов вододелиения. В мире накоплен значительный опыт по совместному использованию водных ресурсов, прежде всего, общепризнанные конвенции и декларации, многосторонние и двусторонние соглашения. Однако применяемые в разных регионах мира документы не отражают в полной мере все нюансы совместного водопользования в Центральной Азии. Кроме того, документы не предусматривают какие-либо принудительные меры воздей-

ствия в случае нарушения достигнутых договоренностей.

К ИСТОРИИ ВОПРОСА

В советскую эпоху распределение воды и водопользование не были источником конфликта между бывшими республиками Средней Азии. Поскольку в Советском Союзе республики, расположенные выше по течению, предоставлялись необходимые субсидии, чтобы они пускали воду для орошения в республиках, находящихся ниже по течению. Соответственно, республики, расположенные выше по течению, не ставили задачу выработать максимальный объем электроэнергии [1]. После распада СССР ситуация изменилась. Можно сказать, что гидроэнергетика и ирригация в Центральной Азии вступили между собой в конфликт. Это связано с различием интересов стран Центральной Азии.

Для Кыргызстана Сырдарьинский водный бассейн является «сердцем» страны. Пять основных гидроэлектростанций, расположенных на реке Нарын, производят 97% гидроэнергетики страны [2]. Хотя в настоящее время используется лишь небольшая часть потенциала гидроэнергетики. Страна экспортирует от 2 до 2,5 млрд. кВт/ч в соседние страны, такие как Китай, Казахстан и Узбекистан [2]. Поэтому для Кыргызстана основной интерес представляет производство достаточного количества энергии для внутреннего использования, а также ее экспорт в другие страны. Как и в Токтогуле, многие искусственные водохранилища были созданы для функционирования не только для накопления водных ресурсов, но и с целью минимизации рисков сезонных наводнений и производства гидроэнергетики.

После обретения независимости страны, расположенные ниже по течению, перестали поставлять нефть, уголь и газ странам

верховья. Это не оставляло странам верховья выбора, вынуждая их увеличить сброс воды в зимний период, чтобы произвести больше гидроэлектроэнергии [3]. Кыргызстан также построил дополнительные электростанции на реке Нарын в дополнение к тем, которые были построены в советское время. Также в стране планируют построить более 200 малых гидроэлектростанций для удовлетворения потребностей в энергии небольших сельских деревень [4].

Интересы Узбекистана в водной сфере не совпадают с интересами Кыргызстана. В то время как Кыргызстан заинтересован в увеличении производства электроэнергии, для Узбекистана важно развивать сельское хозяйство. Прежде всего, это касается выращивания хлопка. Хотя только 10% его земель является пахотным, хлопок является наиболее важным урожаем, и на нужды хлопководства идет около 90% общего потребления воды. Узбекистан предпринимал усилия по снижению зависимости от выращивания хлопка, чтобы сократить количество воды, используемой для орошения [5]. К 1990-м годам им удалось сократить производство хлопка примерно до 30% от общей площади орошаемых земель, заменив его выращиванием других культур, таких как пшеница и овощи [5]. Тем не менее, для Узбекистана, выступающего против строительства Киргизией новых гидроэлектростанций и водохранилищ вверху течения трансграничных рек, водная проблематика остается одной из ключевых.

Также Узбекистан возражал против сооружения гидроэлектростанций в Таджикистане. Ситуация осложнилась с обострением водного вопроса в регионе, тогда Узбекистан прекратил поставки газа и повысил тарифы на грузоперевозки по железной дороге. В свою очередь, Таджикистан начал строить новые ГЭС. Это привело к обострению двусторонних отношений. За

годы независимости между странами были закрыты более 20 пропускных приграничных пунктов, заминированы приграничные поля с узбекской стороны.

Как и Кыргызстан, Таджикистан страдает от дефицита энергии. Ее нехватка усугубляется работой алюминиевого завода и увеличением потребления электроэнергии в суровые зимы [6]. В этом отношении основной интерес страны состоит в обеспечении достаточного количества энергии для внутреннего потребления и производства гидроэлектроэнергии для экспорта. Тем не менее, страна более ориентирована на разработку своих гидроэлектростанций в бассейне Амударьи, поскольку занимает почти весь верхний бассейн реки. Таджикистан уже построил около 250 гидроэлектростанций в реке Вахш, которая является самым важным притоком. Также до последнего времени Таджикистан и Узбекистан спорили относительно целесообразности строительства и размеров Рогунской плотины, которая станет самой высокой в мире.

Казахстан заинтересован, в первую очередь, в управлении потоками воды, которые берут начало на территории Кыргызстана и проходят через Узбекистан, особенно в течение вегетационного периода. Казахстан также заинтересован в возрождении северной части Аральского моря. Для подготовки и минимизации последствий сокращения стока из верховьев трансграничных рек Казахстан построил Коксарайское водохранилище, расположенное чуть выше Аральского моря. Это позволяет Казахстану накапливать и пускать воду зимой, тем самым, уменьшая зависимость от сбросов в верхнем течении. Водоохранилище также позволяет Казахстану сохранять ранее неиспользованную воду и контролировать поток в Аральское море. Однако помимо использования вод реки Сырдарьи, не менее актуальной проблемой для Казахстана

выступает использование водных ресурсов в бассейне рек Или и Балхаш. Или-Балхашский бассейн расположен в самой восточной части страны, граничащей с Китаем. Китайцы активно используют воду этого бассейна, что ставит под угрозу экологический баланс.

Водные проблемы в региона возникают из-за того, что каждая страна делает упор на свои национальные интересы для развития своей экономики. Проблема водных ресурсов связана не только с самой водой, но и с энергетическими потребностями и сельским хозяйством. Другими словами, водная проблема сочетает в себе жизненно важные потребности в питьевой воде, пище и энергии. Поэтому крайне важно найти механизм, который позволит более эффективно заменить бывшую советскую бартерную систему. Важно понимать вода в регионе является источником выживания. Без поддержания производства энергии для стран, расположенных выше по течению, и сельскохозяйственной промышленности для стран, расположенных ниже по течению, споры будут продолжаться. Объем и качество воды в бассейне продолжают ухудшаться, поэтому необходимы краткосрочные и долгосрочные решения для поддержания использования, а также экологического здоровья воды [7].

В рамках водно-энергетической взаимосвязи, странам региона нужно продолжить совместный поиск и разработку решения, для получения «общей выгоды» или «взаимной выгоды». Продолжать выполнять действия в рамках «Программы бассейна Аральского моря» (ПБАМ), которая является одним из каналов для содействия региональным усилиям по разработке концепции по водопользованию.

Отправной точкой начала взаимовыгодного сотрудничества может стать изменение ситуации в Республике Узбекистан,

в связи с избранием нового президента Ш. М. Мирзиёева, который уже проявил себя, как лидер, нацеленный на укрепление сотрудничества со странами Центральной Азии. Об этом свидетельствует прогресс в отношениях Республики Узбекистан с Республикой Таджикистан: отмена визового режима, вновь были открыты пропускные приграничные пункты.

Важным этапом в отношениях стран Центральной Азии стала встреча глав государств в городе Алма-Ата, которая прошла 18 марта 2018 года по инициативе президента Республики Узбекистан. В ходе встречи страны подчеркнули необходимость расширения сотрудничества в рамках региона не только в экономической сфере, но также развитие транспортных связей. Поскольку главы государств решили проводить такие встречи на регулярной основе, данная площадка может сыграть большую роль в решении водной проблемы в регионе.

УЧАСТИЕ ЗАПАДНЫХ СТРАН

В Центральной Азии существует значительный скептицизм по поводу иностранного участия в решении проблемы водных ресурсов. Доноры предпочитают технические, а не политические средства, их усилия направлены на ремонт и замену неэффективных ирригационных установок и т.п. Однако технические решения имеют ограниченное влияние, поскольку не сопровождаются политическими мерами.

Основными соседними странами, влияющими на региональную политику Центральной Азии в водной сфере, являются Россия, Китай и Афганистан.

Согласно Концепции внешней политики РФ [8], Центральная Азия является сферой жизненно важных интересов России. Однако перед Россией встает сложная задача, поскольку страна поддерживает хорошие отношения со всеми странами региона.

Соответственно, необходимо найти баланс для решения водной проблемы с учетом интересов каждой из стран ЦА. Именно поэтому, Россия заняла нейтральную позицию по данному вопросу, делая упор на то, что строительство ГЭС должно продолжаться только после того, как интересы всех государств будут учтены надлежащим образом.

Китай также является важным экономическим партнером для стран Центральной Азии. Китай в основном играет роль инвестора, предоставляя финансирование для нефтяных проектов и строительства плотин, дорог и линий электропередач. Стратегия Китая по обеспечению природных ресурсов заключалась в том, чтобы заключить контракт на строительство двух крупных трубопроводов, один через Казахстан, а другой из Туркменистана по территории Узбекистана и Казахстана [9]. В соответствии с этой стратегией Китай пытался наладить хорошие отношения со странами Центральной Азии дипломатическими средствами и урегулировать многие пограничные споры в регионе [10]. Наиболее сложно в водной сфере развиваются отношения у Казахстана с Китаем, которые расположены в трансграничном бассейне. Политика Китая может осложнить водную ситуацию в Казахстане, сделав его более зависимым от своего соседа.

Экономика Афганистана также, как у ряда стран Центральной Азии, базируется на сельском хозяйстве. Потенциальное развитие гидроэнергетики в этой стране может усилить роль страны в решении водного вопроса. Амударья, важный источник воды в регионе, проходит через северную границу Афганистана и питает 40% ее орошаемых земель. Однако плохая инфраструктура приводит к потерям воды до 70%. Более того, примерно 75% из 34 миллионов жителей Афганистана живут в сельских районах, которое является основным средством

обеспечения жизнедеятельности [11]. Следовательно, развитие сельскохозяйственного сектора Афганистана в будущем может усилить спрос на дефицитные водные ресурсы в регионе, создавая тем самым потенциал для конфликта.

Еще одна потенциальная проблема связана с распределением воды Амударьи. Речь идет о том, что Афганистан может претендовать на 9 км³ воды в год, в то время, как в последнее десятилетие он использует в среднем около 2 км³. В последнее время Таджикистан заложил основу для взаимодействия и сотрудничества с Афганистаном. В 2007 и 2010 годах между странами были подписаны два протокола и Меморандум о взаимопонимании, касающиеся расширения сотрудничества, в том числе, в сфере водопользования.

Европейский союз (ЕС) сотрудничает с пятью странами Центральной Азии с тех пор, как они обрели независимость. За эти годы отношения между странами претерпели сильные изменения, в ходе которых стороны смогли выявить общие экономические интересы и интересы в сфере обеспечения безопасности. Особый интерес для ЕС представляют энергетические ресурсы Центральной Азии, поскольку ЕС зависит от внешних источников энергии, ему необходимо повышать свою энергетическую безопасность [12]. В результате в июне 2007 года был принят документ «ЕС и Центральная Азия: стратегия нового партнерства», который был направлен на развитие отношений между ЕС и Центральной Азией.

В рамках Стратегии в Центральной Азии был создан Экологический диалог «ЕС — Центральная Азия» для содействия охране окружающей среды и более эффективного управления водными ресурсами. ЕС ориентируется на работу с пятью странами Центральной Азии для улучшения управ-

ления земельными и лесными ресурсами и поддержки стабильной ситуации в районе Аральского моря. В целях поощрения и наращивания потенциала в области возобновляемых источников энергии и повышения энергоэффективности последние мероприятия включают в себя тренинги и семинары государственных служащих и финансирование технико-экономических обоснований по установке малых гидроэлектростанций и использованию возобновляемых источников энергии в регионе [13]. ЕС также пытается смягчить проблемы, возникающие в связи с конфликтующими потребностями в доступе к воде и их использовании между странами, расположенными в верхнем и нижнем течении, путем активного содействия эффективному и экономичному использованию этого ресурса. Для решения этих проблем было инициировано несколько инициатив, например, более эффективное использование ресурсов, управление и восстановление ирригационных систем и линий электропередачи. ЕС заявил, что сокращение спроса на эти ресурсы является фундаментальным компонентом возможного решения.

Работа, проводимая в рамках Водной инициативы ЕС, посредством его основного оперативного инструмента — Диалогов по национальной политике в области водных ресурсов — является центральным элементом усилий ЕС по достижению связанных с водой Целей развития тысячелетия и целевых задач Сети интегрированного управления водными ресурсами (ИУВР). Общие цели Диалогов по национальной политике — инициировать мероприятия по конкретным странам в области водоснабжения и санитарии. Стратегия финансирования ИУВР предполагает совершенствование нормативной и административной базы, оказание помощи в определении приоритетов стран, определении проектов и раз-

витии потенциала в регионе посредством диалога, который включает общественные органы власти и представителей гражданского общества. Национальные диалоги по водной политике были начаты в Кыргызстане в 2008 году, Таджикистане и Туркменистане в 2009 году.

ЕС в сотрудничестве с ПРООН рассматривал вопросы комплексного управления водными ресурсами (ИУВР). Идея заключалась в том, чтобы изучая национальную координацию, можно разработать модель сотрудничества. Однако Узбекистан отделился от этих многонациональных проектов. Кроме того, проекты ЕС в основном были сосредоточены на вопросах качества воды. Это не способствовало решению основной проблемы совместного использования и распределения водных ресурсов. Хотя диалоги проводились в рамках Водной инициативы ЕС, они в основном реализовывались на национальном уровне. На практике участие ЕС, подобно усилиям ПРООН и Всемирного банка в некоторой степени, по-прежнему сосредоточено на предоставлении технической помощи.

Вовлеченность третьих стран в разработку эффективного механизма по совместному водопользованию трансграничных водных ресурсов в регионе не дает положительного эффекта. Это еще раз подтверждает тезис, что для решения данной проблемы требуется вовлеченность всех пяти Центрально-азиатских стран, жители которых, экономики, экология продолжают страдать от нерационального водопользования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Центральная Азия обладает высоким водным потенциалом, поскольку в регионе заключен не только большой объем пресной воды, но также вода региона признана высококачественной, а трансграничные водные ресурсы региона являются неза-

менимым и универсальным природным достоянием каждой Центрально-азиатской страны. На современном этапе водный потенциал региона уже пострадал из-за интенсивного техногенного вмешательства, а также сократился из-за безвозвратного потребления и загрязнения водных ресурсов. Примером служит высыхание Аральского моря. По этой причине вода для стран региона играет ключевую роль в обеспечении не только экологической, но и экономической безопасности государства. Ее нехватка обостряет отношения между странами и является причиной соперничества за обладание водных ресурсов.

Разные подходы стран Центральной Азии, различные интересы и водная потребность каждой из стран обуславливают сложность водной проблемы Центральной Азии: страны верховья используют воду для выработки электроэнергии, в свою очередь странам низовья необходима вода в целях ирригации. Разное понимание водопользования стран Центральной Азии обусловлено их национальными интересами. Поскольку у стран верховья, Кыргызстана и Таджикистана, нет достаточного количества углеводородных ресурсов, гидроэнергетика является их приоритетным направлением. В странах низовья, Казахстане, Туркменистане и Узбекистане, в экономике преобладает сельское хозяйство. Для его развития необходимы большие объемы воды в летний период.

Государства, расположенные в низовьях трансграничных рек, не хотят и не готовы признать воду товаром и нести издержки связанные с обслуживанием гидротехнических систем в странах верховья — Кыргызстане и Таджикистане. Они пытаются через международные соглашения закрепить практику водodelения, которая применяется в других регионах мира. Речь идет о принципах и рекомендациях, закреплен-

ных в документах: Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (г. Хельсинки, 17 марта 1992 г.), Конвенции ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков (г. Нью-Йорк, 21 мая 1997 г.) и др. Однако в этих документах нет положений о столь важных для региона проблемах международного государственного вододелиения, водопользования и охраны окружающей среды в условиях дефицита водных ресурсов, что характерно для Центральной Азии.

Что касается вышеназванных конвенций, не все страны региона являются их участниками, например, Кыргызстан и Таджикистан используют их в качестве рекомендаций для определения в практике водопользования. Однако Таджикистан выстраивает свои интересы в водно-энергетическом вопросе с учетом интересов соседних государств согласно принципам Стокгольмской конференции ООН от 1972 г. В них говорится, что «государства имеют суверенное право эксплуатировать свои собственные ресурсы (водные) в соответствии с их собственной экологической политикой и ответственностью, будучи уверенными, что эта деятельность внутри их юрисдикции и контроля не нанесет ущерба окружающей среде других государств или территориям вне их предела национальной юрисдикции». Исходя из этого, можно сделать вывод, что каждая из сторон вопроса всеми способами пытается защитить свои национальные интересы.

Таким образом, водные ресурсы можно рассматривать как общую проблему стран Центральной Азии, поскольку это ключевой потенциальный фактор, который приводит к региональным конфликтам.

Несмотря на различные подходы к водопользованию страны не раз прибегали

к диалогу для решения общих экологических проблем с ситуацией вокруг Аральского моря, а также привлекали такие международные организации, как ООН и ЕЭК ООН, для поиска путей решения водной проблемы. Также в Центральной Азии существует ряд региональных организаций, который способствует позитивному развитию диалога. Прежде всего это, Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК), которая является главным органом, принимающим основные решения и выполняющим важные задачи по эффективному управлению водными ресурсами и устойчивому развитию сферы в Центральной Азии; Международный Фонд спасения Арала (МФСА), который занимается преодолением экологического кризиса и улучшением социально-экономического положения в бассейне Аральского моря, признанного мировым сообществом одной из крупнейших катастроф XX века.

За время существования суверенных государств, странам Центральной Азии так и не удалось выработать действенный механизм по совместному водопользованию. И помехой этому является в первую очередь то, что страны Центральной Азии прямо сопоставляют ценовые параметры на поставляемые водные и энергетические ресурсы. Во-вторых, отсутствие четкого законодательства, регулирующего использование гидроресурсов трансграничных рек, также затрудняет поиск взаимовыгодных решений. В-третьих, в сфере водопользования страны делают упор на национальные интересы, но нужно понимать, что все 5 стран Центрально-Азиатского региона имеют единую гидросистему, и принятие зависимости стран от соседей может быть первым шагом в выработке данного механизма.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жильцов С.С., Зонн И.С. Борьба за воду. *Индекс безопасности*. 2008;3(14):49-62.
2. Макилова А.М. Энергетическая политика Кыргызской Республики: итоги и проблемы. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4:94-102.
3. Хуррамов Х.Х. Политический аспект водно-энергетических проблем в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2015;4:100-108.
4. Мубаракшин Б.Н. Гидроэнергетика Киргизии в контексте решения водно-энергетических проблем Центральной Азии. *Вестник МГИМО Университета*. 2013;1(28):113-117.
5. Абдуллаев Р.Р., Алиев А.Ш. Долгосрочное прогнозирование обеспеченности водными ресурсами в Республике Узбекистан. *Актуальные проблемы экономики и управления на предприятиях машиностроения, нефтяной и газовой промышленности в условиях инновационно-ориентированной экономики*. 2015;1:255-263.
6. Жильцов С.С., Бименова А.Н. Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек. *Центральная Азия и Кавказ*. 2015;1(18):90-100.
7. Тобириров О.К. Разумное пользование трансграничными водными ресурсами и потоками. *European Science*. 2017;3(25):31-36.
8. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: [принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2017).
9. Арутюнова Г.И., Султыгова А.А. Зачем Китаю Центральная Азия? *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2014;4:160-163.
10. Ионова Е.П. Центральная Азия и Китай: новый этап отношений. *Россия и новые государства Евразии*. 2013;4(21):99-105.
11. Тулеев М.С. Центральная Азия: Афганистан и современные аспекты геополитики. *Вестник Кыргызско-Российского славянского университета*. 2016;16(6):185-188.
12. Акматалиева А.М. Центральная Азия в энергетической политике ЕС. *Вестник Кыргызско-Российского славянского университета*. 2014;14(11):142-146.
13. Гусев Л.Ю. Возможности и пределы осуществления политики ЕС в Центральной Азии. *Международная аналитика*. 2016;3(17):27-36.

REFERENCES:

1. Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Fight for water. *Security index*. 2008;3(14):49-62 (In Russ.).
2. Makilova A.M. Energy policy of the Kyrgyz Republic: results and problems. *Post-Soviet Issues*. 2017;4:94-102. (In Russ.).
3. Hurramov H.H. Political aspects of hydro-energy problems in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2015;4:100-108. (In Russ.).
4. Mubarakshin B.N. Hydropower Sector of Kyrgyzstan in the Context of Solving the Water-Energy Problems in the Central Asia. *MGIMO review of international relations*. 2013;1(28):113-117.(In Russ.).
5. Abdullaev R.R., Aliev A.Sh. Long-term forecasting of water resources in the republic of Uzbekistan. *Actual Problems of Economics and Management at the enterprises of mechanical engineering, oil and gas industry in the conditions of the innovative focused economy*. 2015;1:255-263.(In Russ.).

6. Zhiltsov S.S., Bimenova A.N. Central Asian Politics Regarding Water Use of Transboundary Rivers. *Central Asia and the Caucasus*. 2015;1(18):90-100. (In Russ.).
 7. Tobirov O.K. Reasonable use of transboundary water resources and streams. *European Science*. 2017;3(25):31-36. (In Russ.).
 8. Constitution of the Russian Federation [Electronic resource] [passed by nation-wide voting of December 12, 1993 with the Amendments by Constitution Amendment Acts of the Russian Federation from 30 December 2008 N 6-FCL, from 30 December 2008 N 7-FCL, from 5 February 2014 N 2-FCL, from 21 July 2014 N 11-FCL]. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus" [accessed: 15.03.2017]. (In Russ.).
 9. Arutyunova G.I., Sultygova A.A. Why China needs Central Asia? *Actual problems of humanitarian and natural sciences*. 2014;4:160-163. (In Russ.).
 10. Ionova E.P. Central Asia and China: new chapter of relations. *Russia and new states of Eurasia*. 2013;4(21):99-105. (In Russ.).
 11. Tuleev M.S. Central Asia: Afghanistan and modern aspects of geopolitics. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic university*. 2016;16(6):185-188. (In Russ.).
 12. Akmatalieva A.M. Central Asia in EU's energy strategy. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic university*. 2014;14(11):142-146. (In Russ.).
 13. Gusev L.U. Possibilities and limits of the implementation of the policy of EU in Central Asia. *International Analytics*. 2016;3(17):27-36. (In Russ.).
-
Статья получена 05.08.2018
Received 05.08.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ксения С. Захарова, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2;
kсениаза95@gmail.com

Kseniia S. Zakharova, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
kсениаза95@gmail.com

<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-309-328>

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

История становления украинского государства (до распада СССР)

Сергей С. Жильцов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

sszhiltsov@mail.ru

Аннотация: Изменения территории современной Украины между Востоком и Западом тянется уже почти 800 лет — со времен монголо-татарского нашествия. Именно тогда после уничтожения ханом Батыем Древней Руси современная территория Украины оказалась под полным и безраздельным правлением татарского Востока. В XVI веке в составе Литвы Украина была включена в Речь Посполитую и перешла в подчинение к польским магнатам, попав под гнет западно-польской цивилизации. В 1569 году была подписана Люблинская уния, результатом которой стало присоединение украинских земель к Речи Посполитой. Если брать отрезок времени с X по XIX век, то такого государства, как Украина, на политической карте мира не существовало. На части территории нынешней Украины в X веке была Киевская Русь, в XIII веке — Золотая Орда, в XIV–XV веках — Литовское государство, Золотая Орда и Россия. В последующие столетия территория Украины находилась под контролем Оттоманской империи, Польши, России. И лишь в 1918 году на политической карте появилось государство Украина.

Созданная большевиками единая советская Украина не представляла собой внутреннего культурно-языкового единства, поскольку всегда была разделена между разными империями, являвшимися враждебными и непримиримыми центрами силы в Европе, — Речью Посполитой, Российской и Австро-Венгерской империями.

В период 1917–1920 годов на территории Украины было образовано около десятка разных республик. Все они предполагали обособление в границах тех территорий, которые охватывали новые образования. В соответствии с этим можно говорить о том, что территория Украины периода 1917–1920 годов представляла собой мозаику различных образований, которые зачастую были результатом амбиций отдельных проходимцев и политических авантюристов, желающих получить в свои руки власть и провозгласить себя руководителем государства. Лишь жесткая политика большевиков, направленная на то, чтобы не допустить разбегания земель, позволила Украине сохранить свою территорию.

После своего избрания Верховный Совет приступил к разработке проекта Декларации о государственном суверенитете Украины. Одновременно разрабатывался проект закона о государственном суверенитете Украины. Оба проекта — закона и декларации — были рассмотрены в мае 1990 года. После их обсуждения было принято решение о разработке проекта в виде Декларации о государственном суверенитете.

16 июля 1990 года украинский парламент после длительного обсуждения подавляющим большинством принял Декларацию о государственном суверенитете Украины. Декларация, которая не меняла и не заменяла собой Конституцию УССР, стала важным документом в становлении украинской государственности, заложив основы будущей Конституции Украины.

Концепция новой Конституции Украины предусматривала создание президентской республики. В итоге в июне 1991 года были приняты законы «Об учреждении поста президента Украинской ССР и внесении изменений и дополнений в конституцию», «О президенте Украинской ССР» и «О выборах президента Украинской ССР». Учреждение поста президента было направлено на усиление вертикали исполнительной власти, чтобы в перспективе сделать ее независимой от исполнительной власти союзных органов. Закон наделял президента широкими полномочиями. Например, он обладал правом останавливать действия решений органов исполнительной власти СССР на территории Украинской ССР, если они противоречили ее конституции.

К середине 1991 года на Украине была создана законодательная база, которая фактически делала ее самостоятельным государством, поскольку законы, принятые в 1990 году и в первой половине 1991 года, практически вывели Украину из подчинения органов власти СССР. Единое экономическое, политическое и военное пространство СССР фактически было разрушено. К этому периоду времени Украина лишь номинально подчинялась союзным органам власти.

24 августа на внеочередной сессии Верховной рады был принят Акт провозглашения независимости Украины. Тогда же было принято решение о проведении 1 декабря республиканского референдума, который должен был подтвердить Акт провозглашения независимости. Расчет был сделан на то, чтобы продемонстрировать союзным властям стремление к независимости украинского населения, тем самым придав Акту провозглашения независимости легитимность.

После обретения независимости в 1991 году начался новый этап развития Украины. В региональной системе Украины проявилось два четких полюса — Донбасс и Галичина, которые определили развитие страны на последующие десятилетия.

Ключевые слова: Украина, Российская империя, распад СССР, независимость

Для цитирования: Жильцов С. С. История становления украинского государства (до распада СССР). *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(3):309–328. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-309-328>

History of the Ukrainian State Formation (Prior to the USSR Breakup)

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

sszhiltsov@mail.ru

Abstract: The changeover of the ruling of the modern Ukrainian territory between East and West had lasted for around 800 years beginning from the Mongol-Tatar invasion. It was that time when Batu Khan defeated Ancient Rus that the present territory of Ukraine came under complete and absolute ruling of the Tatar East. In the 16th century as a part of Lithuania Ukraine was included into the Polish-Lithuanian Commonwealth and then passed under the rule of the Polish magnates, under the yoke of the Western Polish civilization. In 1569 the Union of Lublin was signed that formalized the accession of the Ukrainian territory to the Polish-Lithuanian Commonwealth. In the period from the 10th to the 19th centuries there was no such state as Ukraine on the world political map. In the 10th century some part of the territory of present Ukraine was taken by Kievan Rus, in the 13th century — by Golden Horde, in the 14th-15th centuries — by Lithuania, Golden Horde and Russia. In the next centuries the territory of Ukraine was controlled by the Ottoman Empire, Poland and Russia. And only in 1918 the state of Ukraine appeared on the political map.

Single Soviet Ukraine created by Bolsheviki did not present any internal cultural and language unity as it was always shared by different empires being the hostile and irreconcilable centers of force in Europe — the Polish-Lithuanian Commonwealth, Russian Empire and Austro-Hungarian Empire.

In 1917-1920 about dozens of different republics were established in the territory of Ukraine. They were isolated within the borders of their formations. Accordingly, it may be said that in 1917-1920 Ukraine presented a mosaic of different formations which were often formed due to ambitions of some scoundrels and political adventurers striving to get to power and to become the leader of a state. But only the tough policy of Bolsheviki aimed to prevent the disintegration process permitted Ukraine to preserve its territory. After its election the Supreme Council started preparation of the Draft Declaration of Ukraine State Sovereignty simultaneously with the Draft Law on Ukraine State Sovereignty. Both drafts were considered in May 1990. After their discussion it was decided to develop the Draft Declaration of State Sovereignty.

On July 16, 1990 the Ukrainian Parliament after long discussions adopted the Declaration on State Sovereignty of Ukraine by majority voting. This declaration which did not change and substitute the Constitution of Ukrainian SSR became a very important document for establishment of the Ukrainian statehood having laid the basis for the future Constitution of Ukraine.

The concept of the new Constitution of Ukraine envisaged the establishment of the presidential republic. As a result, in June 1991 the laws «On Establishment of the Office of President of Ukrainian SSR with Making Alterations and Additions in the Constitution», «On President of Ukrainian SSR» and «On Election of President of Ukrainian SSR». The office of president was established to strengthen the vertical of executive power and to make it in the future independent of executive power of union bodies. The law assigned broad authorities to the president. Thus, the president acquired the right to cancel the decisions of the USSR bodies of executive power in the territory of Ukrainian SSR if they contradicted its constitution.

By mid-1991 the legislative base was created in Ukraine which, in fact, made it an independent state as the laws adopted in 1990 and in the first half of 1991 brought out Ukraine from subordination to the USSR powers. The single economic, political and military space of the USSR practically ceased to exist. By this time Ukraine subordinated only nominally to union authorities. On August 24 the Extraordinary Meeting of Supreme Rada passed the Act on Declaration of Independence of Ukraine. That time it was also decided to conduct on December 01 the republi-

can referendum to confirm the Act of Independence. This was done with a view to demonstrate to the union authorities that the Ukrainian people were endeavoring to become independent, thus, making legitimate the Act of Independence. After becoming independent in 1991 Ukraine entered the new stage of its development. The regional system of Ukraine revealed two clear poles — Donbass and Galichina which determined the country's development for decades ahead.

Keywords: Ukraine, Russian Empire, USSR breakup, independence

For citation: Zhiltsov S. S. History of the Ukrainian State Formation (Prior to the USSR Breakup). *Post-Soviet Issues*. 2018;5(3):309–328. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-309-328>

ВВЕДЕНИЕ

С 1654 года вслед за подписанием договора между гетманом Богданом Хмельницким и российским царем Алексеем Михайловичем часть территории нынешней Украины вошла в Российскую империю. После Переяславской рады она рассматривалась как часть единой и большой страны. Согласно договору, население и территории, на которые распространялась власть гетмана, переходили «под руку» русского царя Алексея Михайловича [1]. В итоге та небольшая часть территории, которая сегодня входит в состав нынешней Украины, фактически перестала рассматриваться как отдельное государство.

Трудно согласиться с утверждением, что «Россия присоединила к себе Украину как колонию». За все годы пребывания в составе Российского государства Малороссия — Украина никогда не была ни колонией, ни «порабощенной народностью» [2]. До момента, когда произошло воссоединение Украины и России, на украинской территории хозяйничали польские паны. Они целиком распоряжались не только имуществом украинцев, но и их жизнями. Это касалось как селян, так и состоятельных украинцев. Украинцам запрещалось учить детей родному языку, печатать и читать украинские книжки [3].

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРИТЯЖАНИЯ

Вероятно, Б. Хмельницкий не собирался на столетия объединять Украину с Россией, поскольку наряду с переговорами с российской стороной он вел переговоры с придунайскими странами, а также со Швецией и Турцией. Фактически Б. Хмельницкий вел «двойную игру», признавая над собой власть двух государей. Еще в 1650 году он принял турецкое подданство. Этот факт стал известен лишь в XIX веке, когда историком Костомаровым были найдены две турецкие грамоты Мехлей-султана. По этой причине союз с русским царем не выглядел чем-то необычным. Б. Хмельницкому просто нужно было время, чтобы окончательно не попасть под гнет Польши. К тому же Украину в тот период раздирали внутренние противоречия, постоянно вспыхивали крестьянские восстания. В итоге Б. Хмельницкому приходилось проводить, говоря современным языком, многовекторную политику, балансируя между более сильными соседями.

Присоединение к России позволило Украине избавиться от польского гнета и перейти под «зонтик» другого, более сильного соседа — России, которая использовала украинскую территорию в своей борьбе против Турции и Польши. В свою очередь Украина не исключала возможности изба-

виться с помощью России от своего врага — Польши, а затем вновь «обрести» независимость. До этого аналогичные союзы против Польши Украина заключала с Турцией. Все это говорит о том, что Украина постоянно искала себе более сильных союзников, поскольку была не в состоянии самостоятельно отстаивать свои интересы. В итоге это приводило к тому, что Украина попадала под влияние либо России, либо Турции, либо Польши.

Переяславское соглашение 1654 года было перечеркнуто Андрусовским перемирием в 1667 году, когда договоренности между Россией и Польшей привели к разделу Украины по Днепру между этими странами. Согласно перемирию, к России переходила часть бывшего Киевского воеводства на левом берегу Днепра. В результате украинское войско продолжало служить как российскому царю, так и польскому королю.

После раздела Украины гетман Правобережной Украины Петр Дорошенко при поддержке Турции и Крымского ханства поднял восстание против России. Объединившись с войском Левобережной Украины, возглавляемым Иваном Сирко, он победил российские войска. Однако в 1669 году началась гражданская война между сторонниками и противниками П. Дорошенко. Одновременно Россия, Польша и Турция не прекращали попыток вновь поделить Украину. В 1676 году Дорошенко сдался в плен русским войскам и передал власть гетману И. С. Самойловичу.

«Вечный мир» 1686 года окончательно закрепил левобережье с Киевом за россиянами, а правобережье — за поляками. Украинцы проиграли по единственной причине — они не смогли договориться между собой.

До учреждения в 1722 году Малороссийской коллегии управление Малороссией

носило номинальный характер. Это объяснялось военной и экономической слабостью Российского государства, занятого решением внутренних проблем. Лишь в 1780 году была начата реформа, направленная на упразднение гетманства.

Восточнукраинская культура формировалась под влиянием России, православия и двуязычия (русского и украинского языков). За 350 лет со времени воссоединения Украины и России на этой территории образовалась своя особая украинско-русская культура, составные элементы которой взаимно дополняли друг друга. После Переяславской рады 1654 года восток и юг Украины, а в какой-то мере и центр сумели сформировать свою особую культуру, в которой вполне органично слились наиболее яркие и самобытные черты Украины и России — украинцев и русских. Именно эту культуру представители западных регионов третируют и третируют как «не украинскую» и «имперскую», хотя восток Украины является таким же уникальным в культурном отношении формированием, как и запад страны.

К середине XVII века территория нынешней Украины была «разобрана» татарами, турками, поляками и литовцами. Территории, расположенные западнее Винницкой и Житомирской областей, практически постоянно находились под чьим-то контролем.

В XVIII веке, к 1775 году, когда Екатерина II прекратила существование Запорожской Сечи, территория, которую националисты называют Украиной, была представлена границами нынешних Винницкой, Житомирской, Киевской, Черкасской, Кировоградской, Сумской, Черниговской, Полтавской, правобережных частей Днепропетровской и Запорожской областей. Таким образом, Малороссия (а не Украина) не имела выходов к Черному и Азовскому морям, а ее соседом было Крымское хан-

ство (территория Одесской, Николаевской, Херсонской, Запорожской области и Крым). Рядом также находилось Дикое поле, нынешний Донбасс. Это было время, когда Россия вытесняла турок из Северного Причерноморья [4].

Попытки усилить российское влияние на Украине были связаны с активизацией политики Польши, которая стремилась использовать украинскую сторону в борьбе против России. В Польше еще задолго до декабристов существовали тайные общества, готовившиеся к восстанию против русского правительства [2].

Деятельность Польши, а затем и Германии, направленной против России, заставляла российские власти ограничивать развитие национального самоопределения. Тем более что Польша издавна была фабрикой памфлетов, книг, речей, направленных против России [2]. Российское правительство стремилось предотвратить сепаратистские тенденции, поскольку в распространении украинского языка видел прежде всего политические замыслы Польши и польскую пропаганду. По этой причине 8 июля 1863 года был издан указ, одобренный Александром II, в котором говорилось: «большинство малороссов весьма основательно доказывает, что никакого малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорчен влиянием на него Польши; что общерусский язык также понятен для малороссиян, чем так называемый украинский язык».

Украинское националистическое движение всегда обслуживало чужие интересы. В январе 1888 года в немецком журнале «Гегенварт» была опубликована статья немецкого философа Эдуарда фон Гартмана, в которой предлагался план создания из украинских земель «Киевского королев-

ства» под протекторатом Австро-Венгрии с целью ослабления России.

МОЗАИКА ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВА

7 (20) ноября 1917 года в Киеве Центральной радой была провозглашена Украинская Народная Республика (УНР) в составе России. Но в декабре того же года Первый Всеукраинский съезд Советов в Харькове объявил Центральную раду вне закона и провозгласил Украинскую Народную Республику. В ответ 11 (24) января 1918 года Центральная рада объявила УНР независимой от России. Спустя полмесяца войска Красной армии заняли Киев. В феврале 1918 года советская власть утвердилась на всей Украине (за исключением Волыни, куда бежала Центральная рада). Также в феврале в Харькове возникло еще одно государственное образование — Донецко-Криворожская Советская Республика, объединившая нынешние восток и юг Украины (прекратила свое существование к маю 1918 года). Впрочем, о границах Украины в то время нельзя было вести речь — отсутствие собственной государственности просто не позволило их сформировать. Западные территории подчинялись Западно-Украинской Народной Республике (ЗУНР), провозглашенной во Львове 1 ноября 1918 года. В январе 1919 года ЗУНР объединилась с Украинской Народной Республикой (УНР), «опекавшей» центр Украины, но этот акт стал скорее декларацией, нежели реальностью. Ну а восток оказался под контролем большевиков, которые создали свою республику, хотя официально, как ни парадоксально, она тоже называлась Украинской Народной Республикой.

22 января 1919 года после совместного совещания Рады народных министров УНР и делегатов ЗУНР, которые прибыли в Киев, был утвержден так называемый Универсал соборности. Итогом этого стало

то, что ЗУНР получила название Западной области УНР. Акт Злуки в большей степени носил формальный характер. Не стоит забывать, что представители ЗУНР пошли на объединение из-за тяжелого положения в войне с Польшей, а не из-за стремления к объединению украинских земель. Кроме того, у представителей УНР и ЗУНР были серьезные расхождения во взглядах на будущее. Западноукраинское правительство ориентировалось на интересы западных стран. В Киеве придерживались антимосковских взглядов. Военные неудачи и провал дипломатических переговоров так называемого объединенного правительства привели к тому, что Киев заняли войска Красной армии, а правительство было вынуждено искать себе новое пристанище. Неспособность двух правительств договориться привела к тому, что уже в декабре 1919 года западные области отменили Акт воссоединения.

В период 1917–1920 годов на территории Украины было образовано около десятка разных республик. Помимо нескольких украинских народных республик было объявлено о создании Донецко-Криворожской Республики, Одесской Советской Республики, Социалистической Советской Республики Тавриды, Крымского краевого правительства, Западно-Украинской Народной Республики, Галицкой Социалистической Советской Республики, Крымской Советской Социалистической Республики. Это свидетельствует о том, что в разных частях Украины в силу исторических факторов существовало разное видение будущего развития страны. Однако все они предполагали обособление в границах тех территорий, которые охватывали новые образования. В соответствии с этим можно говорить о том, что территория Украины периода 1917–1920 годов представляла собой мозаику различ-

ных образований, которые зачастую были результатом амбиций отдельных проходивцев и политических авантюристов, желающих получить в свои руки власть и провозгласить себя руководителем государства. Лишь жесткая политика большевиков, направленная на то, чтобы не допустить разбегания земель, позволила Украине сохранить свою территорию.

В состав Украины вошли земли, культура, язык, население которых в большей степени были связаны с общеимперским наследством. В частности, с Новороссией, в городах которой господствовал русский язык и культура. На Правобережье, в Волыни и Подолии, употребление того или иного языка было связано с социальной стратификацией, а русский язык рассматривался как язык пришлого господствующего элемента. В Новороссии русский язык был домашним языком. Жителям Новороссии украинская идентичность была присуща в городах в меньшей степени, чем обитателям центральноукраинских районов [1].

В дальнейшем политика центральных властей СССР строилась на создании советской Украины. С этой целью в 1934 году было принято решение о переносе столицы Украины из Харькова в Киев. Как отмечалось в решении XII съезда КП(б)У, для «дальнейшего быстрого развития национально-культурного строительства и большевистской украинизации».

С начала 1930-х годов на Украине была развернута индустриализация. За десять лет, с 1928 по 1938 год, было построено 2000 новых крупных промышленных предприятий, что составляло 22 % всех новостроек СССР за этот период.

Вхождение Украины под «зонтик» России было добровольным и не сопровождалось уничтожением местных традиций и истории. Известна фраза лидера Народного руха Украины, признанного и авторитетного во-

жды современных национал-демократов, покойного Вячеслава Чорновила, который полусуто-полусерьезно утверждал, что Украину создали три коммуниста. Большая часть территории была присоединена к Украине Владимиром Ульяновым-Лениным, давшим ей новые территории на востоке и статус самостоятельной республики в СССР. Затем в 1939 году И. Сталин присоединил к республике западные земли Галиции и Черновицкую область. Завершил формирование украинской территории Н. Хрущев, который в 1954 году передал Крым в состав Украины. В итоге нынешняя территория Украины стала во много раз больше территории, которую занимала Запорожская Сечь.

ПЕРВЫЕ ШАГИ К НЕЗАВИСИМОСТИ

Перестройка, объявленная в 1985 году М. Горбачевым (президент СССР 1990-1991 гг.), который в тот период был Генеральным секретарем ЦК КПСС, положила начало периоду активных политических событий, которые закончились распадом СССР.

Придя к власти, М. Горбачев попытался провести перемены в обществе и преобразования в экономической сфере. Однако предложенная им концепция ускорения социально-экономического развития никак не отражала реальное состояние советской экономики и уровень развития производства. Обвал цен на нефть в середине 1980-х годов, спровоцированный США, сильно ударил по экономике СССР, основной экспорт которой составляли энергоресурсы, и тем самым ускорил развитие негативных процессов. Чтобы удержать ситуацию под контролем, советское руководство стало набирать кредиты на Западе. Это не изменило ситуацию в экономике, а лишь привело к тому, что страна попала в зависимость от иностранных государств.

Провалы с перестройкой подвигли советское руководство на новую инициативу. В январе 1987 года была предложена политика гласности, а чуть позже (в том же году) выдвинута концепция нового мышления во внешней политике. На практике это вылилось в длинную череду односторонних уступок западным странам со стороны СССР. Одновременно М. Горбачев пошел на либерализацию политической сферы внутри страны. Было разрешено публиковать и обсуждать ранее запрещенные материалы, отменена уголовная ответственность за политические манифестации и демонстрации.

Экономические трудности, с которыми сталкивалась советская экономика, и внешнеполитические метания руководства СССР, сопровождаемые дискредитацией коммунистической идеологии, привели к появлению новых общественных движений и партий. В советских республиках наблюдался рост национального самосознания, которое стимулировало развитие национальных движений. Это было отмечено уже на пленуме Московского городского комитета партии, который проходил в середине 1987 года. Его участники сообщали, что на волне демократизации нередко образуется пена социальной демагогии, а различного рода группы и объединения под флагом перестройки спекулируют на реальных и вымышленных трудностях и проблемах, устраивают провокационные демонстрации.

Общественные движения стали образовываться и на Украине. В 1987 году в Киеве появились культурологический клуб, краеведческий клуб «Спадщина» и другие организации и движения. За короткий срок создание подобных объединений приняло массовый характер, охватив все крупные города Украины. Большинство общественных организаций ставило перед собой цель способствовать национально-государственному

возрождению Украины. Для привлечения к данному вопросу внимания населения проводились массовые акции.

1988 год стал для СССР переломным. На фоне массовых выступлений студентов произошла смена власти в Казахстане. Кровавые столкновения произошли в Нагорном Карабахе и Сумгаите. Критика советского прошлого сопровождалась ростом популярности национальных движений. Одним из первых их требований стало обеспечить признание в республиках родного языка в качестве официального. Потом требования были расширены. Появились лозунги экономического характера, предусматривающие экономическую независимость и самостоятельность. Однако очень скоро были выдвинуты политические требования. В частности, предлагалось признать приоритет местных законов над общесоюзными и предоставить независимость советским республикам.

На волне популярности национальных идей на выборах в центральные и местные органы власти Эстонии, Литвы и Латвии победили представители национальных фронтов, объявив своей окончательной целью получение независимости и создание независимого государства.

За независимость активно ратовали и на Украине. В 1988 году представители творческих союзов, научно-технической интеллигенции стали проявлять повышенный интерес к идее создания народного фронта на Украине, основываясь на примере прибалтийских республик. По схожим сценариям события развивались в Молдавии и Грузии. Лишь в Центральной Азии и Белоруссии активность движений в сторону независимости была весьма слабой.

В советских республиках все активнее шли дискуссии о роли России в развитии национальных окраин. Россия и ее национальная политика выставлялись в негатив-

ном свете. Члены национальных движений представляли Россию в качестве «тюрьмы народов», забывая, что благодаря вхождению, а затем и нахождению в составе так называемой российской империи сохранились многие народы, а по ряду экономических и социальных показателей советские республики стали опережать Россию.

Социальным выступлениям и недовольству населения в советских республиках зачастую придавали национальный оттенок. В итоге политические и национальные цели начинали доминировать в большинстве случаев проявления недовольства.

В конце 1980-х годов власти союзных республик осознали выгодность изменения политической «окраски». На смену бескомпромиссной коммунистической идеологии пришел образ демократа-рыночника. Республиканские руководители увидели для себя возможность усилить, а затем и полностью захватить власть, тем самым ослабив политическую зависимость от федерального центра. Причины подобных тенденций отчасти были вызваны усилившейся борьбой в центральных органах власти, стремительно утрачивающих монолитность и распадающихся на многочисленные группировки со своими экономическими и политическими интересами. Подобная ситуация отзывалась в республиках, которые все настойчивее ставили вопрос о перераспределении властных полномочий. Плюс к этому проблемы социально-экономического и политического характера, которые достигли своего пика.

Для подобного беспокойства были серьезные основания. В ноябре 1988 года Верховный Совет Эстонской ССР принял декларацию о суверенитете Эстонской ССР. Этот документ провозгласил верховенство эстонских законов над союзными. Тем самым было положено начало «параду суверенитетов». Ключевой идеей всех деклараций было

положение, согласно которому будущий статус республик в составе СССР должен был определяться на договорной основе.

На Украине, где проходили массовые акции, была предпринята попытка создания общественной организации, которая бы охватывала всю территорию страны. Наблюдалась активизация деятельности различных общественных движений по созданию народного движения Украины за перестройку. Работа в этом направлении шла практически во всех крупных украинских городах. Данная деятельность получила новый импульс после публикации проекта программы будущего движения. В сентябре 1989 года в Киеве состоялось оформление организации «Народный рух Украины за перестройку». В качестве целей провозглашалось создание условий для выхода Украины из состава СССР и получения независимости. В свою очередь республиканские власти сознательно пошли на альянс с национальными движениями, которые служили инструментом давления на центральные власти. Выдвигаемые ими идеи рассматривались в качестве основы для формирования новой идеологии, которая должна была стать фундаментом будущих независимых государств, создаваемых на основе бывших союзных республик.

Попыткой завоевать симпатии населения в процессе подготовки к выходу из СССР можно считать принятие в 1989 году Верховным Советом УССР закона о языках в Украинской ССР. Основное внимание было посвящено вопросу регулирования использования двух основных языков республики — русского и украинского. Стронники независимого развития Украины стремились продемонстрировать, прежде всего востоку страны, готовность максимально широко учитывать интересы русскоговорящей части населения, без кото-

рой было невозможно реализовать задачу получения независимости.

Несмотря на появление общественных организаций и движений, чьи цели состояли в развале СССР, и явные сепаратистские действия части партийной номенклатуры в бывших советских республиках и их негласное попустительство расцвету национальных фронтов, чья деятельность была направлена на развал государства, о чем откровенно поведала главная партийная газета СССР, никаких выводов со стороны центральных властей сделано не было. Для этого имелись как объективные причины, вызванные эрозией государственного аппарата и снижением управляемости в государстве, так и субъективные факторы.

Деятельность М. Горбачева ускорила разрушение правящих структур коммунистической партии. Государственные органы власти оказались слабыми и не смогли заменить собой партийные структуры. Этим воспользовались национальные движения, в том числе и на Украине, где перестроечная стихия захлестнула все сферы общественной жизни. У политиков и населения создавалось впечатление, что перемены, стоит только их начать, обязательно будут положительными и выведут Украину в число развитых стран мира. Призывы к так называемым демократическим преобразованиям стали прекрасным поводом и одновременно ширмой, за которой украинские власти начали проводить политику, ориентированную на укрепление собственной власти. Провозглашение перехода к рынку позволяло фактически открыто приступить к переделу собственности. Этот процесс уже активно шел в течение всей второй половины 1980-х годов.

1989–1990 годы были отмечены на Украине ростом массовых акций, которые были направлены на утверждение в обществе идеи необходимости обретения независи-

мости. Наиболее резонансными были митинг в ноябре 1988 года на Республиканском стадионе в Киеве, перезахоронение в ноябре 1989 года на Байковом кладбище в Киеве политических заключенных, живая цепь от Киева до Львова в январе 1990 года, в которой приняло участие до одного миллиона человек. В августе того же года состоялось празднование 500-летия украинского казачества в Запорожье.

30 марта 1990 года был избран Верховный Совет Украины. В результате прошедших выборов в украинском парламенте большое количество мест наряду с членами компартии получили представители националистических сил. Председателем Верховного Совета стал Владимир Ивашко (1990), которого затем сменил Леонид Кравчук (1990–1991), бывший в 1988–1990 годах секретарем ЦК КПУ. Он вел дискуссии со сторонниками украинской независимости, занимая сначала умеренные позиции.

ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

После своего избрания Верховный Совет приступил к разработке проекта Декларации о государственном суверенитете Украины. Одновременно разрабатывался проект закона о государственном суверенитете Украины. Оба проекта — закона и декларации — были рассмотрены в мае 1990 года. После их обсуждения было принято решение о разработке проекта в виде Декларации о государственном суверенитете.

16 июля 1990 года украинский парламент после длительного обсуждения подавляющим большинством принял Декларацию о государственном суверенитете Украины. Декларация, которая не меняла и не заменяла собой Конституцию УССР, стала важным документом в становлении украинской государственности, заложив основы будущей Конституции Украины.

Действуя наравне с Конституцией Украинской ССР, декларация открывала дорогу конституционным изменениям. Так, уже в октябре 1990 года Верховный Совет Украины принял постановление о создании комиссии по разработке новой Конституции УССР.

В целом декларация сыграла большую роль не только в развитии украинского государства, но и в судьбе бывшего СССР. Этот документ ускорил нарастающий процесс дезинтеграции Советского Союза, в котором Украина занимала одно из ключевых положений.

Чтобы сохранить СССР и главенствующее положение центральных органов власти, союзное руководство было заинтересовано заключить новый Союзный договор. Подобная позиция вызвала протесты на Украине, привела к массовым акциям протеста. Одним из резонансных событий стала голодовка украинских студентов, известная как «революция на граните», которая началась 2 октября 1990 года в палаточном городке на площади Независимости в Киеве. Студенты требовали от Верховного Совета не подписывать Союзный договор в редакции, которую предлагал М. Горбачев.

Спустя почти две недели, 17 октября под давлением массовых акций протеста против Союзного договора Верховный Совет принял постановление, в котором было сказано, что Союзный договор может быть подписан только после принятия новой Конституции Украины. Таким образом, украинский законодательный орган ставил перед собой цель до подписания Союзного договора завершить законодательное оформление Украины в качестве независимого государства. Принятие данного решения стало политическим компромиссом различных сил, представленных в Верховном Совете. Под давлением акций правительство было вынуждено уйти в отставку.

Верховный Совет не ограничился принятием политической декларации о независимости. Были сделаны шаги к обособлению украинской экономики. В августе 1990 года был принят закон «Об экономической самостоятельности Украинской ССР». Это положило начало развитию экономики Украины в качестве самостоятельной экономической системы, а не как составной части экономики Советского Союза. До конца года были приняты законы, посвященные проблеме регулирования цен и ценообразования, бюджетной системе Украинской ССР.

В конце июля было принято постановление украинского парламента «О прохождении срочной военной службы гражданами Украинской ССР и использования работников правоохранительных органов республики за ее пределами». Принятием этого документа Верховный Совет Украины пошел на грубое нарушение союзного законодательства. Данное постановление предписывало уже с осени 1990 года осуществлять призыв на срочную военную службу в военные части, дислоцированные на территории Украины. 24 октября был принят закон «Об изменениях и дополнениях Конституции Украинской ССР». Новая редакция Основного закона предусматривала, что деятельность государственных органов, занятых в сфере государственной безопасности, регулируется законодательством Украинской ССР. Тем самым Украина сделала первые шаги к формированию собственных вооруженных сил.

С принятием Декларации о государственном суверенитете Украина заложила основы для проведения собственной внешней политики. Министром иностранных дел Украины был назначен А. М. Зленко, которому по ходу развития событий и геополитических трансформаций приходилось выработать внешнеполитический курс. В конце октября 1990 года Верховный Со-

вет принял постановление «О реализации Декларации о государственном суверенитете Украины в сфере отношений с советскими республиками». Документ поручал комиссии по вопросам государственного суверенитета, межреспубликанских и межнациональных отношений доработать концепцию о принципах и основных направлениях сотрудничества Украинской ССР с советскими республиками и определить порядок заключения с ними межгосударственных соглашений. В результате в ноябре – апреле были подписаны межгосударственные договоры с Россией, Беларуссией, Казахстаном и Киргизией. Например, 19 ноября 1990 года Россия и Украина подписали договор о незыблемости границ двух стран, что в дальнейшем сделало практически нереальным изменение статуса Крыма, о чем в начале 1990-х годов говорили некоторые российские политики. Одновременно Украина активно устанавливала и развивала двусторонние отношения с другими странами мира.

Принятие декларации привело к радикализации требований движения Рух. Второе всеукраинское собрание данного движения, которое прошло в октябре 1990 года, заявило об изменении его целей. Вместо поддержки перестройки движение провозгласило своим приоритетом поддержку усилий, направленных на получение Украиной независимости. Соответствующие изменения были внесены в программные документы движения.

Позиция Украины не изменила планов М. Горбачева добиться от союзных республик подписания нового Союзного договора. Его проект был направлен в союзные республики в конце ноября 1990 года. В представленном документе, СССР определялся как суверенное федеративное государство, что фактически лишало республики самостоятельности. Данное положение

противоречило Декларации о государственном суверенитете Украины, предопределяя крайне негативное отношение Верховного Совета к проекту.

В конце декабря 1990 года IV Съезд народных депутатов СССР после длительного обсуждения принял ряд постановлений, которые были направлены на ужесточение позиций союзного руководства по вопросу нового Союзного договора. В них было отмечено, что СССР должен быть сохранен в качестве обновленной федерации равноправных суверенных союзных республик с использованием прежнего названия. Предполагалось провести референдум по вопросу сохранения СССР как обновленной федерации. Руководство Украины, а также других союзных республик, почувствовав вкус власти, было не заинтересовано подписывать новый Союзный договор.

Параллельно с политическими трансформациями стремительно менялся экономический ландшафт. Продолжался процесс накопления первичного капитала. Под прикрытием либеральных реформ и за счет масштабных махинаций, осуществляемых в том числе и на межгосударственном уровне и при поддержке высших государственных лиц, был создан фискальный механизм перераспределения средств. Это вело к появлению новых коммерческих структур и формированию класса собственников, чье состояние зачастую создавалось незаконным путем.

Таким образом, партийно-хозяйственная элита воспользовалась ослаблением центральной власти и, уже почувствовав «вкус» доходов от находящихся в ее собственности предприятий, которые она возглавляла в период горбачевских реформ и вокруг которых она наплодила в это время массу посреднических фирм, стремилась легализовать свое право на эту собственность. В этот период обмена власти на

собственность она совершенно не была заинтересована в укреплении государства, которому формально принадлежало все то, что она растаскивала. Кроме того, номенклатура стремилась закрепиться и обезопаситься территориально. На Украине 90 % относилось к союзной собственности. Естественно, что правящая элита была заинтересована в суверенитете республики, поскольку экономический суверенитет невозможен без политического [5].

В первой половине 1991 года были приняты законы «О собственности», «О предпринимательской деятельности», «О банках и банковской деятельности», «О ценных бумагах и фондовой бирже», «О системе налогообложения». Эти и другие законы были направлены на создание своей, независимой от союзных властей экономики. Собственный государственный бюджет, независимый Национальный банк, рынок ценных бумаг стали важнейшими элементами украинской экономики.

1 февраля 1991 года Верховный Совет принял закон «О передаче предприятий и организаций металлургической и угольной промышленности СССР, расположенных на территории УССР, в собственность республики». Фактически этим законом Украина начала процесс перераспределения собственности, которая ранее находилась в управлении союзных властей. В апреле 1991 года были приняты постановления Верховного Совета Украины, приостанавливающие указы президента СССР, которые касались распределения материальных ресурсов.

В феврале 1991 года была предпринята попытка заключить новый Союзный договор, с помощью которого Б. Ельцин планировал одержать победу над М. Горбачевым, а союзные власти укрепить свою самостоятельность. Однако стороны не смогли договориться, в результате чего было принято

решение провести референдум о будущем СССР в марте 1991 года. До его проведения, в январе – марте союзные органы власти через средства массовой информации пропагандировали новый проект Союзного договора.

В Верховном Совете существовали разные оценки относительно участия республики в референдуме и последствий его результатов. В ходе политических консультаций было принято компромиссное решение. 27 февраля 1991 года Верховный Совет Украины принял постановление «О проведении референдума в Украинской ССР 17 марта 1991 года». Согласно этому постановлению, одновременно с референдумом относительно будущего СССР на Украине решено было провести опрос граждан страны о будущем Союза ССР. Для этого в бюллетень был включен дополнительный вопрос «Согласны ли Вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза советских суверенных государств на принципах Декларации о государственном суверенитете Украины?».

Референдум был проведен 17 марта 1991 года. В нем приняло участие 83 % граждан Украины, имевших право голоса. За сохранение СССР высказалось 70 % проголосовавших, тем самым опровергая утверждения, что большая часть украинского населения выступала в поддержку государственной независимости Украины.

Результаты опроса на Украине были противоречивы. Утвердительно ответили 80 % проголосовавших, то есть большинство граждан высказалось за поддержку декларации. Несмотря на результаты опроса на Украине и на отказ Армении, Грузии, Молдавии, Литвы, Латвии и Эстонии проводить на своей территории референдумы, союзное руководство продолжало разрабатывать проект Союзного договора. Кроме того, в силе оставалось постановление Верховно-

го Совета Украины от 17 октября 1990 года, которое определяло, что Союзный договор мог быть заключен только после принятия новой украинской конституции. В то же время Украина не отказывалась от участия в выработке нового проекта Союзного договора. Жесткий отказ мог нарушить баланс сил, который сложился в украинском законодательном органе власти между националистическими партиями и коммунистами.

В июне и июле 1991 года Верховный Совет Украины продолжил политику, направленную на развал единой экономической системы СССР. Были приняты постановления «О частичном прекращении действия на территории Украинской ССР статьи 8 закона Союза ССР «О союзном бюджете на 1991 год», «О частичном прекращении на период реализации «программы чрезвычайных мер по стабилизации экономики Украины и выходу ее из кризисного состояния» действия на территории Украинской ССР некоторых законодательных актов Союза ССР, постановлений правительства СССР», а также «О мерах по сокращению бюджетного дефицита в 1991 году». Ключевая идея данных законодательных актов заключалась в том, что они предусматривали изменение механизма зачисления налогов. Бюджетообразующие налоги — с обращения и на прибыль — должны были зачисляться не в бюджет СССР, а в бюджет Украины.

Верховный Совет уделил внимание и внешней торговле. В апреле – июне были приняты законы «О внешнеэкономической деятельности» и «О таможенном деле в Украинской ССР». Их принятие означало разрушение единого таможенного пространства СССР и позволяло украинским субъектам хозяйственной деятельности самостоятельно участвовать во внешней торговле. В середине года украинские власти

рассматривали возможность введения собственной денежной единицы.

В апреле – июне 1991 года в соответствии с конституционными изменениями октября 1990 года были внесены изменения в структуру государственного управления Украинской ССР. Помимо смены названий — например, Совет министров был преобразован в кабинет министров Украинской ССР — были внесены изменения в статус государственных организаций. Так, закон от 21 мая 1991 года внес изменения в конституцию. Статья 115 устанавливала, что кабинет министров Украинской ССР является высшим органом государственного управления Украинской ССР.

В этот же период времени (с апреля по июль) в Ново-Огареве Украина принимала участие в подготовке нового проекта Союзного государства. За основу был взят проект, положения которого противоречили тексту Декларации о государственном суверенитете Украины. Несмотря на это, Украина участвовала в разработке нового Союзного договора, преследуя при этом сугубо прагматические задачи. Для новой политической элиты Украины было важно избежать жесткой конфронтации с союзным руководством, консолидировать политические силы в Верховном Совете, а главное — продолжить правовое оформление украинского государства. Свидетельством несерьезного, формального отношения к обсуждению нового проекта служил тот факт, что Верховный Совет даже не стал утверждать состав делегации и ее полномочия.

12 июня 1990 года на заседании федерации СССР при участии глав парламентов всех союзных республик обсуждался вопрос разработки и заключения нового Союзного договора. Было решено создать рабочую группу. Однако это не остановило украинские власти от дальнейшего поли-

тического и экономического обособления. Так, одновременно с созданием новой конституции Верховный Совет инициировал создание политических и правовых основ утверждения государственности Украины. Наряду с созданием конституционной комиссии Верховный Совет Украины 19 июня 1991 года принял закон «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основной закон) Украинской ССР». Так, из раздела 1 «Политическая система» была изъята статья 6 о руководящей и направляющей силе КПСС в государственной и общественной жизни. В статье 3 и 7 вместо принципа демократического централизма был внесен принцип распределения полномочий государственных органов, которые должны были формироваться на принципах выборности с участием всех политических партий и общественных организаций на основании конституции и законов Украины. Большое значение имели конституционные изменения. Так, из главы 7 «Украинская ССР — союзная республика в составе Союза ССР» второй и третьей части статьи 68 были изъяты положения, ограничивающие государственную власть УССР полномочиями СССР. Также претерпела изменения и статья 71 об обязательности действий законов СССР на территории УССР. Вместо этого была утверждена следующая норма: на территории Украинской ССР обеспечивается верховенство законов республики». К полномочиям Верховного Совета Украинской ССР были отнесены: остановка действий актов правительства СССР и союзных министерств в случае их несоответствия Конституции УССР.

В проекте Основного закона речь шла не об обновленной федерации, а о самостоятельном решении вопроса об образовании Союза с другими советскими республиками на основе Декларации о государственном суверенитете. После определения

основных положений новой конституции Верховный Совет рассмотрел постановление «О проекте Договора о Союзе суверенных государств, представленном президентом СССР». По итогам обсуждения было принято решение, которое обязывало органы власти и экспертное сообщество Украины оценить проект на предмет соответствия положениям Декларации о государственном суверенитете. Одновременно был принят закон «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) Украинской ССР», который изменил статус Верховного Совета, определив его в качестве высшего органа государственной власти.

Концепция новой Конституции Украины предусматривала создание президентской республики. В итоге в июне 1991 года были приняты законы «Об учреждении поста президента Украинской ССР и внесении изменений и дополнений в конституцию», «О президенте Украинской ССР» и «О выборах президента Украинской ССР». Учреждение поста президента было направлено на усиление вертикали исполнительной власти, чтобы в перспективе сделать ее независимой от исполнительной власти союзных органов. Закон наделял президента широкими полномочиями. Например, он обладал правом останавливать действия решений органов исполнительной власти СССР на территории Украинской ССР, если они противоречили ее конституции.

16 июля 1991 года на Украине широко отметили первую годовщину принятия Декларации о государственном суверенитете. Дату ее принятия преподносили как день независимости Украины. Подобная трактовка была направлена на мобилизацию и поддержку обществом движения Украины к самостоятельному существованию и развитию.

Таким образом, провозглашение политической независимости и формирование самостоятельного государства было подкреплено экономическими ресурсами и законами, регулирующими экономические отношения на Украине. Законы, принятые Верховным Советом Украины, разрушили единую политическую и экономическую систему СССР, выводя на первое место вопрос о заключении нового договора между союзными республиками, которые заявляли о себе в качестве независимых государств. Тем более что к середине 1991 года на Украине была создана законодательная база, которая фактически делала ее самостоятельным государством, поскольку законы, принятые в 1990 году и в первой половине 1991 года, практически вывели Украину из подчинения органов власти СССР. Единое экономическое, политическое и военное пространство СССР фактически было разрушено. К этому периоду времени Украина лишь номинально подчинялась союзным органам власти.

24 августа на внеочередной сессии Верховной рады был принят Акт провозглашения независимости Украины. Принятие данного документа стало результатом негласного компромисса между частью партийной элиты и национал-демократическими силами. Акт провозглашения независимости позволил национальной элите укрепить свои позиции во власти и приступить к созданию нового независимого государства, взяв на вооружение «знамя» национально-освободительной борьбы. Тогда же было принято решение о проведении 1 декабря республиканского референдума, который должен был подтвердить Акт провозглашения независимости. Расчет был сделан на то, чтобы продемонстрировать союзным властям стремление к независимости украинского населения, тем самым придав Акту провозглашения независимости легитим-

ность. Одновременно референдум должен был сделать необратимым процесс становления Украины в качестве независимого государства.

Накануне провозглашения Украиной независимости в Киеве прошла волна массовых выступлений наиболее активной части представителей западных регионов Украины. Эти выступления больше напоминали массовое шатание населения, поскольку отсутствовало понимание ситуации как в СССР, так и на Украине. Никто — ни националисты, ни представители партийной номенклатуры — не знал, что делать дальше.

Верховная рада практически сразу после голосования по Акту провозглашения независимости приняла ряд законов, которые должны были повысить эффективность управления государственных органов и ускорить создание собственных вооруженных сил. Так, 24 августа был принят закон «О предоставлении дополнительных полномочий председателю Верховной рады Украины». До избрания президента руководитель парламента получил право издавать распоряжения, приостанавливать действие постановлений правительства, приказы министров и других должностных лиц в случае их несоответствия Конституции Украины. В тот же день было принято постановление Верховной рады «О военных формированиях в Украине». Данным документом все военные формирования, расположенные на территории республики, подчинялись Верховной раде. Постановлением было образовано министерство обороны, а правительство получило право на создание вооруженных сил Украины. Затем было принято еще ряд документов, которые должны были зафиксировать разрыв с союзными властями. 4 сентября украинский парламент постановил поднять над зданием Верховной рады сине-желтый флаг.

Большое значение для становления украинской государственности и утверждения Украины в качестве независимого государства имели законы «О правопреемственности Украины», «О гражданстве Украины», «О государственной границе». Данные законодательные акты, принятые в сентябре — ноябре 1991 года, определяли, что Украина имеет свою территорию, границу, гражданство, тем самым подчеркивая наличие атрибутов независимого государства.

В итоге можно говорить, что в период 1985–1991 годов часть украинской партийно-бюрократической элиты «созрела» для разрыва с советским прошлым. Однако при этом она имела слабые, весьма смутные представления о путях дальнейшего развития Украины в качестве самостоятельного государства.

Во второй половине 1991 года ситуация на Украине менялась стремительно. После провала Государственного комитета по чрезвычайным ситуациям (ГКЧП) (19–21 августа 1991 г.) в Москве М. Горбачевым был инициирован чрезвычайный Съезд народных депутатов СССР. На нем прозвучали призывы о скорейшем заключении нового договора Союза суверенных государств. Однако Л. Кравчук, выступая 2 сентября на съезде, дал понять, что Украина не будет принимать участие в этом договоре. Председатель Верховной рады заявил, что речь может идти лишь о конфедерации или содружестве, но никак не о Союзном договоре. Однозначный отказ Украины от участия в подготовке договора о Союзе суверенных государств делал невозможной воссоздание централизованного союзного государства. В своем выступлении на Съезде народных депутатов СССР Л. Кравчук опирался на решения, которые ранее были приняты украинским парламентом.

После принятия Акта провозглашения независимости Верховная рада продол-

жила законодательную деятельность, направленную на трансформацию экономической системы Украины, доставшейся ей в «наследство» от СССР. Тем более что развитие кооперативного движения, создание коммерческих структур требовало законодательного обеспечения. Так, 3 сентября 1991 года был принят документ «Об экономической самостоятельности Украины», а 1 ноября того же года принята концепция Украины о переходе к рыночной экономике.

Верховная рада приняла законы, направленные на защиту суверенитета государства. 20 сентября парламент своим постановлением учредил Службу национальной безопасности Украины, а 6 декабря принял закон «О вооруженных силах Украины».

Убедившись в невозможности подписания нового политического договора, М. Горбачев предложил заключить межреспубликанское экономическое соглашение. В октябре в Алма-Ате состоялась встреча представителей 12 республик, где обсуждался проект экономического договора. Расхождения среди участников не позволили подписать представленный документ. Тем не менее 11 октября он обсуждался на заседании Государственного совета СССР, где было принято решение подписать договор 18 октября. Накануне, 17 октября, президиум Верховной рады Украины принял постановление «О договоре об экономическом сообществе». В нем было отмечено, что «предоставленный проект Договора об экономическом сообществе не может предлагаться к подписанию полномочными представителями Украины, поскольку в нем не учтены принципиальные замечания украинской стороны».

1 декабря 1991 года состоялся референдум о независимости Украины, на котором большинство украинского населения поддержало идею государственной неза-

висимости. В нем приняло участие 84 % избирателей, а Акт провозглашения независимости на референдуме поддержало 90 %. Подтвержденное Всеукраинским референдумом возобновление независимой государственности Украины и ее широкое международное признание стало успехом национально-демократических сил, которые действовали единым фронтом и опирались на общественную поддержку. В дальнейшем их лидеры, прежде всего руководители Народного руха Украины, не продемонстрировали способности к стратегическому мышлению и сохранению единства действий. Это привело к торможению движения Украины и реализации ее европейского и евроатлантического цивилизационного выбора. Первые признаки раскола в национально-демократическом лагере проявились сразу после принятия Акта провозглашения независимости Украины, когда лидеры Руха не смогли выдвинуть единого кандидата на первых президентских выборах. На том же референдуме первым президентом Украины был избран бывший представитель Компартии Украины Л. Кравчук. С его избранием была открыта новая страница истории в развитии украинского государства [6].

Итоги декабрьского референдума в значительной степени предопределили дальнейшие действия президентов России, Белоруссии и Украины. Их договоренности уже спустя неделю после украинского референдума привели к распаду СССР, что и было официально зафиксировано 8 декабря 1991 года Беловежским соглашением. Распад СССР привел к трагическим для миллионов граждан последствиями. Обнищание населения, вооруженные конфликты в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе и Приднестровье сопровождались убитыми и беженцами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После обретения независимости в региональной системе Украины проявилось два четких полюса — Донбасс и Галичина. Эти полюса формировали разные видения одной и той же страны и имели разные представления о ее будущем. Даже процессы формирования украинской нации в этих регионах получили разную направленность: в Донбассе — к согражданству, а в Галичине — к этнонации.

Интересы элит постсоветских стран и России расходились еще до распада СССР. Все постсоветские элиты лелеяли планы по успешному самостоятельному развитию, считая, что политические договоренности с западными странами, которые в тот период не скупились на обещания предоставить

экономическую помощь на пути к рынку и демократии, обеспечат вхождение в клуб так называемых развитых стран мира. Однако кроме деклараций новые элиты не имели четких представлений относительно путей реформирования экономики и развития политической сферы.

Геополитическая ситуация, которая сложилась после распада СССР, и новые тенденции в мировой политике требовали от украинских политиков новых оценок и подходов. Однако большинство из тех, кто оказался у власти на Украине, были к этому не готовы. Идеологические клише и непонимание происходящих внутри и вне страны событий не позволяли предложить новые подходы и выработать адекватную внутреннюю и внешнюю политику.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мальгин А.В. Украина: соборность и регионализм. Симферополь: СОНАТ; 2005. С. 45-95.
2. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Москва: ИНДРИК; 1996. С. 3-150.
3. Кокотюха А.А. Почему Украина не Россия. Харьков: Фолио; 2005. С. 99–103.
4. Григорьянц В.Е., Жильцов С.С., Ишин А.В. Федерализация Украины: к единству через разнообразие. Москва: Восток-Запад; 2011. С. 10-156.
5. Толочко П.П. Очерки истории Украины. Киев: Киевская Русь; 2010. С. 436.
6. Жильцов С.С. Истоки современного украинского национализма. *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2014;4:21-36.

REFERENCES:

1. Malygin A.V. Ukraine: Conciliarism and Regionalism. Simferopol: SONAT; 2006. P. 45-95. (In Russ.)
 2. Ulyanov N.I. Origin of the Ukrainian Separatism. Moscow: INDRIC; 1996. P. 3-150. (In Russ.)
 3. Kokotyukha A.A. Why Ukraine Is Not Russia. Kharkov: FOLIO; 2005. P. 99-103. (In Russ.)
 4. Grigoriants V.E., Zhiltsov S.S., Ishin A.V. Federalization of Ukraine: To Unity Through Diversity. Moscow: West-East; 2011. P. 10-156. (In Russ.)
 5. Tolochko P.L. Essays on the History of Ukraine. Kiev: Kievan Rus; 2010. P. 436. (In Russ.)
 6. Zhiltsov S.S. Sources of Modern Ukrainian Nationalism. *RUDN Newletters. Series: Politology*. 2014;4:21-36. (In Russ.)
-
 Статья получена 04.05.2018
 Received 04.05.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов, Доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2;
sszhiltsov@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
sszhiltsov@mail.ru